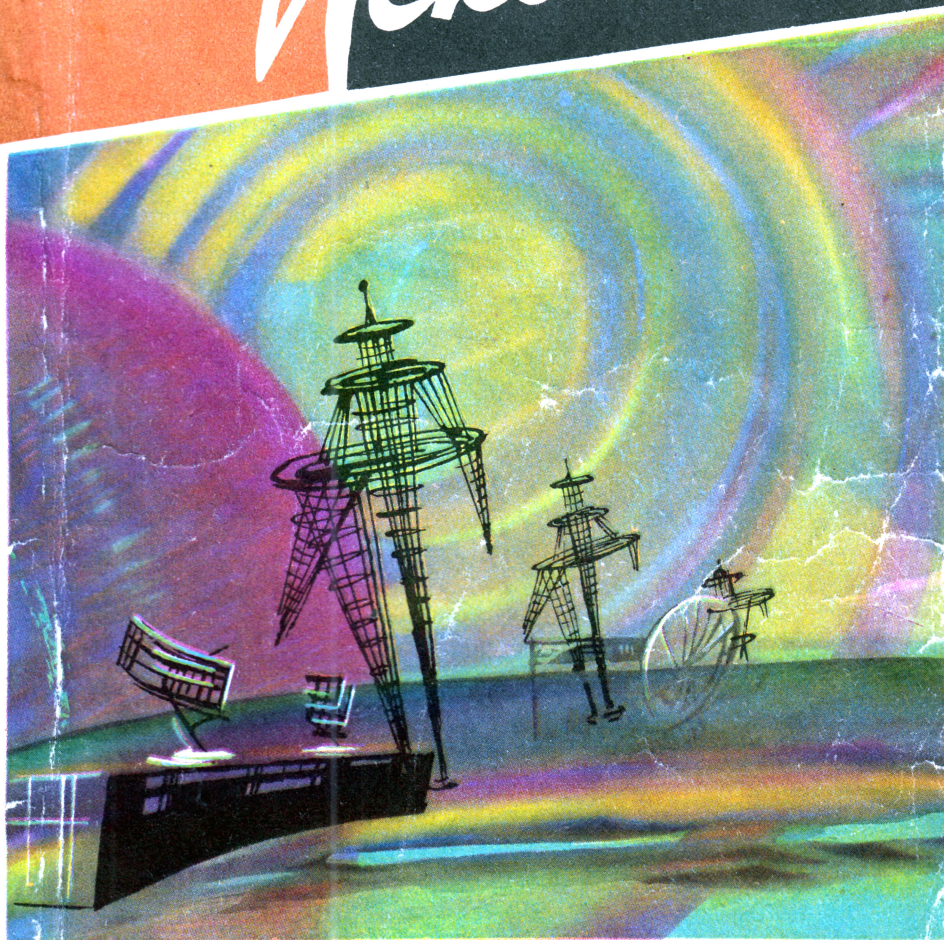

№ 6
1961

Искатели

ФАНТАСТИКА
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
Ц К В Л К С М

ВОКРУГ СВЕТА

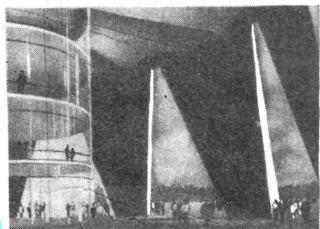
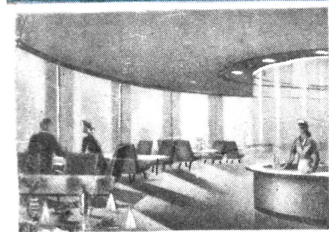
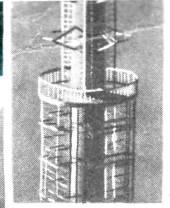
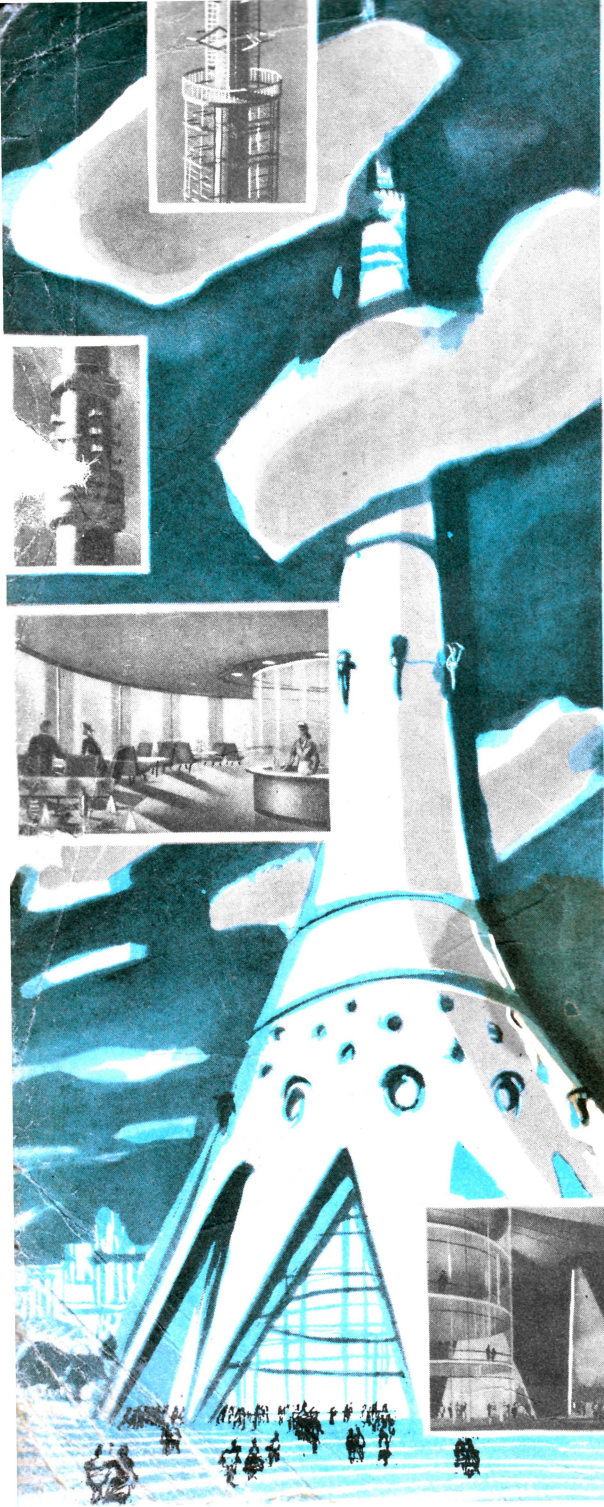
САМАЯ ВЫСОКАЯ В МИРЕ

Большая игла. Так названо огромное сооружение, которое будет установлено в Москве. Это самая высокая телевизионная башня в мире. Она вознесется над землей на 520 м и «обгонит в росте» Эйфелеву башню Парижа на 214 м.

Возведенное из напряженного железобетона сооружение будет видно за многие десятки километров. Диаметр основания башни равен 63 м. Внизу разместится экскурсионное бюро, 11 этажей займут передающие телевизионные установки. Они рассчитаны на показ 6 простых и 3 цветных программ. На высоте 350 м можно будет посетить кафе. Отсюда откроется панорама Большой Москвы. Еще выше, над трехъярусными площадками башни, устремится в небо телевизионная антенна высотой в 138 м.

Проект уникального сооружения разработан в одной из творческих мастерских Моспроекта группой советских ученых, инженеров и архитекторов.

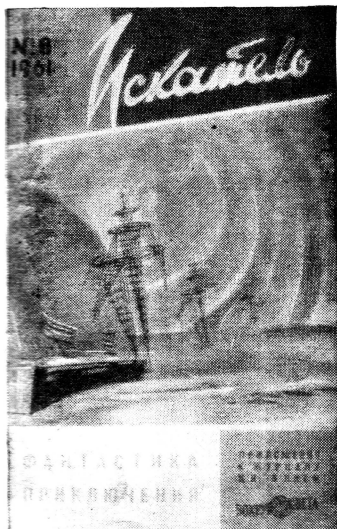
Строительство этого чуда современной техники уже началось.

Торжественно

ПОСТРОЕНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СТАЛО НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ ПРАКТИЧЕСКОЙ ЗАДАЧЕЙ СОВЕТСКОГО НАРОДА

Из Программы Коммунистической партии Советского Союза

Придет время — человек ступит на другие планеты. Как будут астронавты осуществлять радиосвязь с Землей! По-разному представляют себе это писатели-фантасты, художники. А ученые! Они работают над решением проблемы сверхдальней радиосвязи и добиваются успехов поистине фантастических!

В НОМЕРЕ:

*МОЖЕТ ЛИ СВЕТ СТАТЬ
ЗВУКОМ?*

**РАДИОСВЯЗЬ В БОЛЬШОМ
КОСМОСЕ**

СЕМЬ РАССКАЗОВ:

РОСОХОВАТСКОГО, КАЛИНОВСКОГО,
ВАН ЮАНЬ-ЦЗЯНЯ, АККУРАТОВА,
ВАЛАЕВА
ЗАБЫТЫЙ РАССКАЗ А. ГРИНА

Самолет не достанется
врагу
ИСТОРИЯ-БЫЛЬ

ЧУДЕСА XX ВЕКА:
**КОРАБЛИ ПЛЫВУТ НАД
РЕКОЙ. ХРАНИЛИЩЕ-НЕ-
БОСКРЕБ. ПОКОРЕННЫЕ
ОБЛАКА**

*Окончание повести о бе-
лорусских подпольщи-
ках-комсомольцах*

СОЛНЦЕ КОММУНИЗМА

«Ныне Коммунистическая партия Советского Союза (КПСС) принимает свою третью Программу — программу построения коммунистического общества. Новая Программа творчески обобщает практику строительства социализма, учитывает опыт революционного движения во всем мире и, выражая коллективную мысль партии, определяет главные задачи и основные этапы коммунистического строительства.

Высшая цель партии — построить коммунистическое общество, на знамени которого начертано: «От каждого — по способностям, каждому — по потребностям». В полной мере воплотится лозунг партии: «Все во имя человека, для блага человека».

Коммунистическая партия Советского Союза, верная пролетарскому интернационализму, всегда следует боевому призыву: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» **Партия рассматривает коммунистическое строительство в СССР как великую интернациональную задачу советского народа**, отвечающую интересам всей мировой социалистической системы, интересам международного пролетариата, всего человечества.

Коммунизм выполняет историческую миссию избавления всех людей от социального неравенства, от всех форм угнетения и эксплуатации, от ужасов войны и утверждает на земле **Мир, Труд, Свободу, Равенство, Братство и Счастье всех народов**».

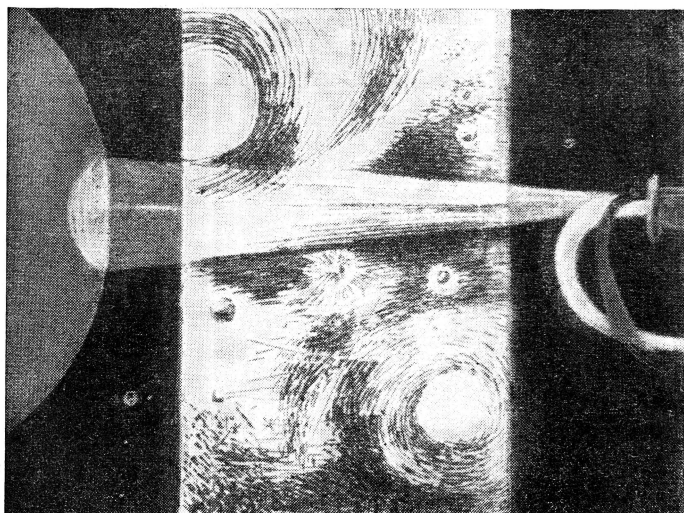
ВОСХОДИТ НАД НАШЕЙ СТРАНОЙ!

«Прогресс науки и техники в условиях социалистической системы хозяйства позволяет наиболее эффективно использовать богатства и силы природы в интересах народа, открывать новые виды энергии и создавать новые материалы, разрабатывать методы воздействия на климатические условия, овладевать космическим пространством. Применение науки становится решающим фактором могучего роста производительных сил общества. Развитие науки и внедрение ее достижений в народное хозяйство будет и в дальнейшем предметом особой заботы партии».

«Партия примет меры для дальнейшего укрепления и совершенствования материальной базы науки и для привлечения к научной деятельности наиболее способных творческих сил.

Дело чести советских ученых — закрепить за советской наукой завоеванные передовые позиции в важнейших отраслях знания и занять **ведущее положение в мировой науке** по всем основным направлениям».

Из Программы Коммунистической партии Советского Союза

В. СЕВИН,
инженер

ГОВОРЯЩИЙ С В Е Т

...Узкий, словно спица, ослепительный рубиновый луч метнулся ввысь.

Из окна светорубки Котов видел, как луч пронизал фиолетовую мглу венерианской ночи.

Небо было окутано мрачными, клубящимися тучами. Гонимые ураганным ветром, они неслись с головокружительной быстротой, вытягивались длинными языками, закручивались в спирали.

И всюду, куда в этом хаосе мог проникнуть взор, Котов видел растрескавшиеся камни и ажурные переплетения титановых вышек промысла.

Ярко-желтые, синие, красные вспышки венерианской грозы на миг озаряли глубокие трещины. Призрачные, зыбкие тени металась по голубому песку. И только луч был постоянен в этом, казалось, с ума сошедшем мире.

Луч был ярче миллиона солнц и походил на выпрямленную, стройную молнию, которая не гасла через мгновение, а горела не мерцая.

— Говорит Венера! Говорит Венера! Промысел ЦРБ-8. Я — Котов. Я — Котов. Прием.

Котов включил видеофон. Бледно-матовый экран вспыхнул. На нем появились смутные очертания.

Через мгновение Котов увидел на экране лицо своего друга Бао-Цзи. Котов невольно взглянул в иллюминатор. За ним была видна небольшая металлическая чаша антенны, принимающая частотно-модулированные световые волны. Они-то и принесли ему привет с далекой Земли...

Это отрывок из научно-фантастического романа, который, кстати, еще не написан...

Но то, о чем говорится в нем — рубиновый луч, — уже существует.

КТО ЗНАЕТ, МОЖЕТ ПРОПУСТИТЬ

Первый «радиоприем», как известно, состоялся в конце прошлого столетия, когда грозоотметчик, созданный нашим великим соотечественником А. С. Поповым, зафиксировал сигнал молнии.

Молния. Гигантской силы электрический разряд, излучающий световые и радиоволны. В любом радиоприемнике вы можете услышать голос молнии. Молния — это природная «неорганизованная» радиостанция. В ней есть почти все виды электромагнитных излучений. Но от «голоса молнии» до радиопередачи «как до звезды небесной далеко».

Что же такое радиоволны? Это электромагнитные колебания.

Бросьте в спокойную воду камень и посмотрите, как разбегаются по ее поверхности круги. В одном месте всплучивается гребень, в другом образуется впадина. В следующий миг гребень переместился, а на его месте появилась впадина.

При этом вода вместе с волнами не перемещается. Передается только колебание. Каждая частица воды раскачивается и раскачивает соседние.

Таким образом, волны в материальной среде — это процесс распространения колебаний.

Волны характеризуются длиной, амплитудой и частотой. Длина волны — это расстояние между соседними гребнями, амплитуда — высота гребня над поверхностью воды, а частота — число волн, образующихся в секунду.

Все рассказанное поможет вам составить представление об электромагнитных волнах. Как и волны, которые мы видим в обыденной жизни, они тоже характеризуются длиной, амплитудой и частотой. Но отличаются тем, что могут свободно распространяться в атмосфере и в безвоздушном пространстве.

Семейство электромагнитных волн обширно. В него входят радиоволны, световые, рентгеновские лучи и гамма-излучения, отличающиеся друг от друга только частотой колебаний.

Скорость распространения электромагнитных волн одинакова —

300 000 км/сек. Поэтому естественно, что длина волны зависит от частоты колебаний. Чем больше частота, тем меньше длина волны. Легче всего объяснить это на таком примере. Привяжите веревку к стене и возьмитесь за другой конец. От плавного взмаха до стены дойдет всего три-четыре волны, от резкого — гораздо больше, при том же расстоянии и времени.

Радиоволны — самые длинные из электромагнитных колебаний: от десятков километров до 0,4 миллиметра. Световые — инфракрасные, видимая часть спектра и ультрафиолетовые — еще короче. Длина волн рентгеновских и гамма-лучей измеряется ангстремами — десятиллионными долями миллиметра.

РАЗДЕЛЯЙ И ВЛАСТВУЙ

На шкале любого радиоприемника написано: длинные, средние, короткие и УКВ. Такая разбивка радиоволн объясняется условиями их распространения и приема.

Сначала люди научились передавать и принимать «неорганизованные» электромагнитные сигналы. Попов применял маленькую искусственную молнию. Между двумя шарами проскакивала электрическая искра. Если бы для связи применялась «нестройная толпа» электромагнитных волн, излучаемых искрой, и одновременно работало бы много таких радиостанций, то они мешали бы друг другу. Пришлось подумать о том, чтобы поставить «часового», который пропускал бы только «своих» — волны определенной длины, присущие лишь одной радиостанции. То же нужно было сделать и на принимающей станции. Словом, нужен был фильтр.

Им стал колебательный контур. Он подобно световому фильтру «выбирал» и задерживал волны определенной длины. Подобно тому как красный фильтр пропускает только красный свет, а синий — только синий, колебательный контур направлял в эфир и выбирал из него волны той длины, на которую он был настроен.

Радиотехникой для каждой передающей станции отведен определенный канал связи: диапазон частот шириной в 9 тысяч колебаний в секунду. В диапазоне длинных волн от 1000 до 100 метров могут одновременно работать лишь 300 радиостанций.

Почему?

Если длина волны 1 тысяча метров, а скорость распространения электромагнитных волн 300 тысяч километров в секунду, то число колебаний этой волны за секунду равно 300 тысячам.

Стометровая волна имеет 3 миллиона колебаний в секунду. Следовательно, ширина диапазона (3 миллиона минус 300 тысяч) равняется 2 миллионам 700 тысячам колебаний в секунду.

Сколько же каналов, сколько радиостанций уместятся в этом диапазоне? 2700 тысяч, деленные на 9 тысяч, равняются 300.

А если взять диапазон волн от 100 до 10 метров? Подсчитаем... В этом диапазоне смогут работать 3 тысячи станций.

По той же формуле в диапазоне от 10 до 1 метра смогут разместиться 30 тысяч радиостанций. От 1 метра до 1 см — 3 миллиона, от 1 сантиметра до 1 миллиметра — 30 миллионов, а от 1 миллиметра до 1 микрона — 30 миллиардов радиостанций!

Но, обратите внимание, дело в том, что волны длиной 0,76 микрон — это уже видимая часть спектра. Однако именно в этом участке для связи открываются огромные возможности, особенно для связи космической. Правда, для такой связи пригодны далеко не все радиоволны, потому что есть радиоволны, которые «не любят» покидать землю.

Длинные волны — самые «земные». Они легко огибают земной шар и слабо поглощаются поверхностью планеты, но не выходят за пределы атмосферы.

Короткие — почти не огибают землю и сильно поглощаются. Но и их задерживает ионосферный слой, который отражает их подобно зеркалу.

Для космической связи пригодны УКВ. Они беспрепятственно проходят ионосферу и устремляются в межзвездное пространство. Их долго вообще считали бросовыми, неприемлемыми для связи, хотя и признавали за ними ряд достоинств. Достаточно упомянуть, что в этом диапазоне можно было бы разместить десятки тысяч радиостанций.

Но в этом случае уместно вспомнить сказку о гадком утенке, который стал прекрасным лебедем. Ультракороткие волны сделали возможным телеприем, радиолокацию и, наконец, радиосвязь в космосе.

Не правда ли, приятно было слышать голоса первых звездных капитанов Юрия Гагарина и Германа Титова! А ведь связь с ними, в том числе и телевизионная, осуществлялась на УКВ.

ВОЛНА ИДЕТ ЛУЧОМ

Однако вернемся к молнии. Она раскрыла человеку тайны радиоволн. Человек овладел ими, научился разделять их и властвовать над ними. Они стали для него средством связи.

Огонь давно стал спутником людей, освещал жилище человека. Свет факела стал его спутником в темной ночи. Свет использовался человеком и как средство связи.

В древнем Египте с помощью факелов и условных знаков передавали сообщения. Световыми сигналами пользовались древние греки, римляне. Но было ли это средство связи совершенным? Нет. Свет факела даже ночью заметен лишь на расстоянии нескольких километров. Световую вспышку, подобную молнии, и то можно увидеть только за десятки километров.

Здесь возникает как бы непреодолимый барьер для распространения света. Рассеиваясь в пространстве, свет становится таким слабым, что его нельзя уловить не только глазом, но даже прибором. Только такие факелы вселенной, как звезды мощностью в миллионы солнц, шлют нам свой свет из глубин космоса.

А можно ли на земле создать источники света такой же яркости? На первый взгляд кажется, нет. Но на заре радиовещания скептики утверждали, что нельзя передавать беспроводным телеграфом сообщения на сотню, на тысячу или на десять тысяч верст.

Все мы знаем, что прогнозы скептиков не оправдались. Уче-

ные нашли пути и преодолели трудности, казавшиеся непреодолимыми, и радиопередачи между любыми пунктами земного шара стали реальностью. Осуществлена и радиосвязь на десятки миллионов километров с космической лабораторией, направленной в сторону Венеры.

Но расстояния в сотни миллионов километров могут оказаться для радиоволн непреодолимыми.

По мере удаления корабля от Земли прием все же прекратится. Почему?

Дело в том, что из радиоволн невозможно сформировать достаточно узкий пучок. Они всегда разбегаются в виде более или менее широкого конуса.

Радиолуч расходится под углом, и проходящий к приемнику радиосигнал становится все менее мощным. Когда он станет слабее, чем собственный шум усилителей, то различить его будет невозможно — и связь прекратится.

Вспомните эпизод из фантастического рассказа Валентины Журавлевой «Астронавт».

«В бортовом журнале короткие записи: «Полет продолжается. Реактор и механизмы работают безупречно. Самочувствие отличное». И вдруг почти крик: «Телесвязь прервана. Ракета ушла за пределы телеприема. Вчера смотрели последнюю передачу с Земли. Как тяжело расставаться с Родиной!» Снова идут дни. Запись в журнале: «Усовершенствовали приемную антенну рации. Надеемся, что радиопередачи с Земли удастся ловить еще дней семь-восемь». Они радовались, как дети, когда рация работала двенадцать дней...»

Как же увеличить дальность космической радиосвязи? Нужно научиться излучать очень узкие пучки радиоволн.

Для того чтобы конус был достаточно узким, размеры антенн должны быть много больше длины излучаемой волны. Именно поэтому для целей радиолокации пришлось освоить сантиметровые волны. Но и на этих волнах трудно получить пучки, расходящиеся в конусе с углом меньше одного градуса, хотя и применяются антенны диаметром более десяти метров.

Да и увеличивать мощность передачи с космического корабля и размеры антенны на космическом корабле можно только до каких-то пределов.

Значит, применение радиоволн в космосе связано с решением многочисленных и сложных задач.

Нет ли другого выхода?

В световом диапазоне эта задача решается гораздо легче. Ведь длина волны света меньше десятитысячной доли миллиметра и по сравнению с ней двухметровое зеркало обычного прожектора огромно.

Поэтому мысли ученых обращаются к лучу света. Ученые ставят перед собой вопрос: может ли свет стать звуком?

— Да. Может, — говорят они. — Это было реализовано уже давно в известном фототелефоне. Свет от яркой лампы при помощи зеркала или линзы направлялся от «передатчика» к приемнику. Яркость этого света изменялась под действием звуковых волн, преобразуемых микрофоном в электрические колебания. В приемнике свет воспринимался фотоэлементом, преобразующим

изменение яркости света в переменный электрический ток, который при помощи телефонной трубки вновь превращался в звук. Однако фототелефон действовал лишь на небольших расстояниях. В то время оптики не знали более ярких источников света, чем вольтова дуга.

Но и никакими известными средствами радиотехники получать электромагнитные волны светового диапазона невозможно.

На помощь пришла квантовая механика.

Уже давно было известно, что каждый атом можно рассматривать как маленькую радиостанцию. Ученые пришли к такому выводу, когда хорошо познакомились со свойствами и поведением атомов. Оказалось, если атом облучать электромагнитными волнами определенной длины, то он поглотит энергию, и притом строго определенными порциями — квантами.

Обычно один атом поглощает в один прием один квант. Атом, поглотивший квант, называется возбужденным. Если же возбужденный атом снова облучать волной той же длины, он уже не сможет поглотить вторую порцию энергии. Наоборот, атом испустит «запасенный» квант и возвратится в исходное энергетическое состояние.

Весьма условно этот процесс можно представить себе так. В стакан, до краев наполненный водой, добавьте порцию воды. Вода поднимется бугорком над краями стакана. Теперь попытайтесь влить вторую порцию воды. Вы увидите, что вода выльется и уровень ее снова снизится до краев.

Советские ученые Н. Г. Басов и А. М. Прохоров создали «квантовую радиостанцию» — молекулярный генератор радиоволн сантиметрового диапазона.

Свойство атомов возбуждаться, а затем излучать квант и натолкнуло ученых на мысль о создании квантово-механического генератора электромагнитных волн оптического диапазона. Так назвали прибор, с помощью которого свет в виде электромагнитных волн одной частоты можно излучать узким пучком.

Много лет тому назад советский ученый В. А. Фабрикант предложил усилитель электромагнитных волн, основанный на этом же принципе.

ПЕРВАЯ ПОБЕДА

Стояла темная, безлунная ночь. На площадке высокой вышки ученые установили небольшой прибор, напоминающий кинопроекторный аппарат.

В его кожухе помещался стерженек окиси алюминия, в который было добавлено некоторое количество хрома, — искусственный рубин.

Длина стерженька — несколько сантиметров, а толщина — с карандаш диаметром в полсантиметра. Торцы стержня покрыты слоем серебра: на выходе — полупроницаемым для квантов света, а с другой стороны — непроницаемым.

На стерженек надета спиральная лампа мощностью в несколько киловатт, дающая белый свет.

Вот и все принципиальное устройство квантово-механического генератора.

Закончены последние приготовления.

Слышится команда:

— Сигнал!

Из трубки прибора вырывается ослепительный рубиновый луч. Он уходит вдаль, подобно металлической спице.

Он ярче солнца.

Если бы мы захотели получить такую же яркость излучения с помощью нити накаливания, то температура ее должна была бы быть выше, чем температура в центре Солнца. Иными словами, равнялась бы нескольким миллиардам градусов.

Но рубин, который посылал этот фантастический луч, оставался холодным. Его можно было взять в руки.

Рубиновая игла пронизывала ночную тьму, но она не освещала ни облаков, ни деревьев. Кругом по-прежнему царил мрак.

На вышке раздался телефонный звонок. Это звонили с приемной станции, расположенной в сорока километрах.

— Видим! — послышалось в трубке. — Видим! На экране — светлое пятно диаметром около метра!

То, о чем здесь рассказано, уже не фантастика. Такие испытания действительно проводились. Луч ярче солнца существует.

Что происходит в рубине, посылающем такой луч?

Для создания квантового генератора подходящими по своим свойствам оказались атомы хрома.

При облучении атомы хрома захватывают кванты зеленого света. Возбужденный атом очень неустойчив. Через мгновение он самопроизвольно теряет небольшую часть энергии. Потерянная им энергия превращается в тепло и рассеивается в пространстве.

Излучения кванта при этом не происходит.

Атом оказывается в третьем энергетическом состоянии — промежуточном между возбужденным и невозбужденным. Это состояние атома относительно устойчиво.

Множество находящихся в промежуточном состоянии атомов хрома — это нависшая, готовая обрушиться лавина. Она пока недвижна.

Что же вызовет обвал, цепную реакцию излучения квантов? Сами кванты. При переходе из промежуточного состояния в невозбужденное атомы излучают кванты, соответствующие красному свету. Лавина обрушится как бы под действием собственной тяжести.

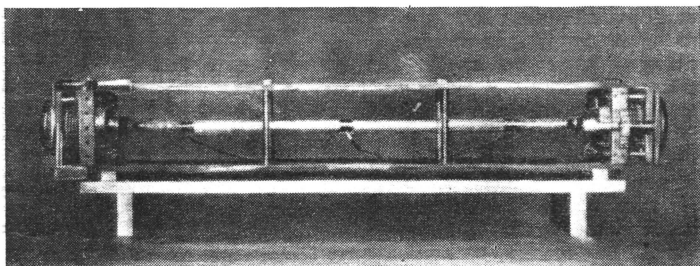
Первый квант, случайно излученный вдоль кристалла, многократно отражается от его посеребренных зеркальных концов, образуя плоскую световую волну. Эта волна заставляет остальные атомы излучать в том же направлении — вдоль кристалла — так, что все остальные кванты присоединятся к этой волне, усиливая ее.

И лавина эта неиссякаема.

Зеленый свет постоянно возбуждает все новые и новые атомы, а ураган «красных» квантов в рубине не дает угаснуть цепной реакции.

Из рубина выходит световой луч, принципиально ничем не отличающийся от радиоволн в узкой полосе частот. А это, собственно, и есть работающая радиостанция, которая еще не начала своих передач.

Вот тот фантастический луч! Он-то и преодолет сверхдальние космические расстояния, чтобы принести голос человека из глубины вселенной на Землю, и доставит телевизионную передачу с борта космического корабля.

Квантово-механический генератор оптического диапазона принципиально можно осуществить не только на искусственной рубине. На снимке показан прибор, в котором роль рубина выполняет смесь газов — гелия и неона, а возбуждение производится с помощью обкладок, излучающих электромагнитные колебания радиодиапазона.

(Снимок взят из журнала „Зарубежная радиоэлектроника“)

Острая направленность почти не расходящегося в пространстве луча позволит осуществлять надежную связь.

Вместо лампы, применяя зеркала и линзы для подсвечивания рубина, можно использовать солнечный свет.

Значит, межзвездный корабль не будет тратить энергию для постоянно действующей связи.

Пока эта радиостанция молчит. Пока она не может передать ни речи, ни изображения.

Пока...

Чего же не хватает?

Лошади не хватает наездника.

Дело в том, что вначале радиоволны тоже молчали, как молчат пока световые волны.

Они не несут никакой информации. Их необходимо «оседлать».

В радиотехнике это решается просто: на сетку электронной лампы подаются низкочастотные звуковые колебания, возбужденные голосом или оркестром. Они-то и являются «наездниками».

Проблема, давно осуществленная в радиотехнике, ждет своего решения в области практического применения световых волн как средства связи.

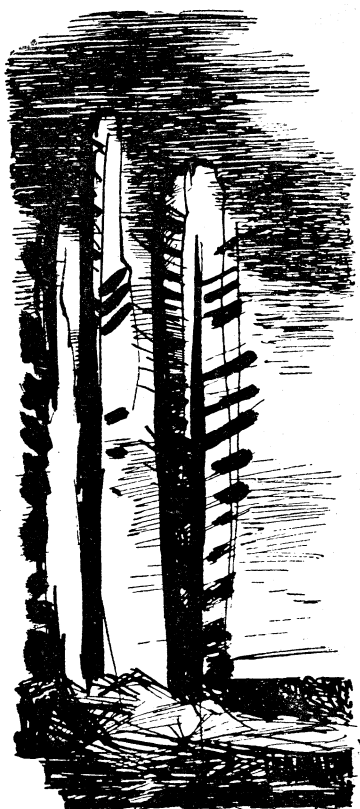
Надо искать. Искать пути освоения световых волн.

Когда из космоса на Землю пришел голос человека: «На борту полный порядок!» — ученые в своих лабораториях уже работали над тем, чтобы люди, которые полетят к далеким мирам, не были одиноки.

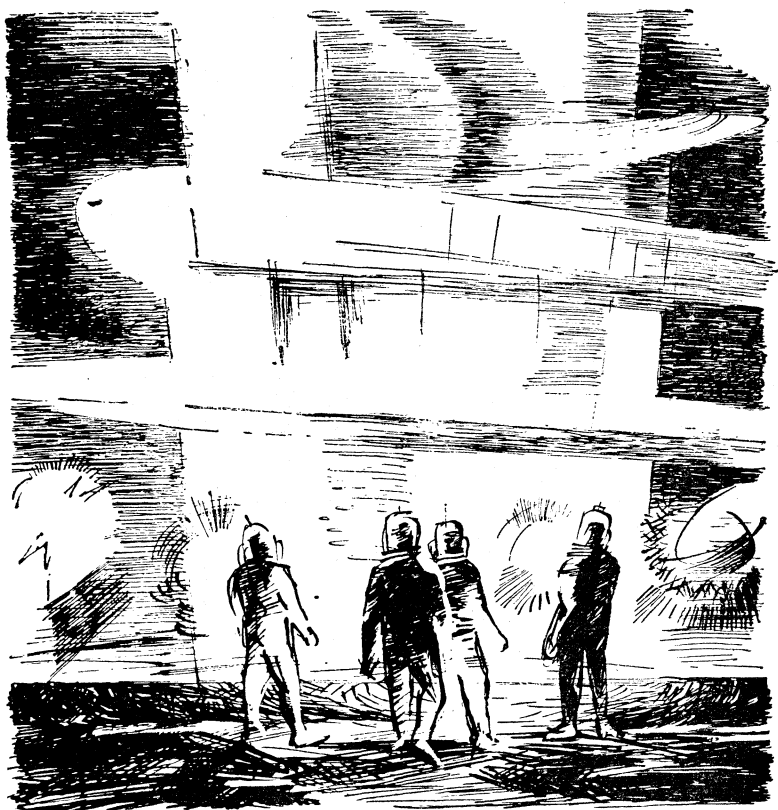
Вслед за первыми околоземными полетами последуют более дальние. Люди полетят к Луне, к другим планетам, к другим мирам. И, конечно, к тому времени наши ученые создадут такую аппаратуру для связи, которая будет действовать на сверхдальних расстояниях. И, может быть, именно рубиновая игла, протянувшаяся на миллиарды километров, свяжет космонавта с Родиной! Но новое средство связи будет применяться не только в межзвездных просторах.

На земле для него тоже найдется много дела. Современные средства связи не могут позволить создать такую систему, чтобы любой человек, живущий, скажем, на Чукотке, мог при помощи обычного телефонного аппарата связаться с знакомым, живущим в Архангельске или Ереване.

Для создания такой всеобъемлющей телефонной сети необходима совершенно новая техника, допускающая одновременную передачу десятков миллионов телефонных разговоров, миллионов телеграмм и многих телевизионных программ. Это станет возможным в результате развития новых систем оптической связи с применением квантовых генераторов и приемников света и специальных световодов.

И. РОСОХОВАТСКИЙ

М О С Т

Рисунок В. НЕМУХИНА

Странное светящееся здание — навес с вращающимся зеркалом — было уже совсем близко. Оно хорошо просматривалось сквозь фиолетово-красный туман. И вот тогда-то и появились эти фигуры. Они выплыли из здания, построились полукругом и застыли, чуть раскачиваясь из стороны в сторону.

Трудно сказать, на что они были похожи. Кубы, переходящие в конусы, а над ними вспыхивают маленькие зеленые молнии, и куб постепенно превращается в шар. Но и конусы меняют свою форму, иногда обволакиваются дымкой и мерцают, по-

крываясь волнами, иногда совсем исчезают, и остаются только колеблющиеся волны.

— Жители этой планеты? — прошептал Вадим, самый молодой из астронавтов.

— Или машины типа роботов? — отозвался Ким, и ему стало душно под пластмассовым скафандром.

Непонятные существа приблизились. Теперь их отделял от землян лишь ручей бурлящей фиолетово-алой жидкости.

Почти одновременно все четверо землян почувствовали покалывания в висках и затылке, как будто через их головы пропустили слабый электрический ток. Покалывания повторялись в определенном ритме, нарастали...

— Они начали передачу, — сказал Светов, руководитель экспедиции, и подумал: «Это или мыслящие существа, или управляемые машины. Скорее всего последние. Нам надо договориться с ними или с теми, кто их послал. И, во-первых, показать, кто мы такие...» Он несколько раз взмахнул руками, повторяя одни и те же знаки, как при сигнализации на морских кораблях. Он долго проделывал это, выполняя программу «А-2», пока не услышал голос своего помощника Роберта:

— Они не понимают. Может быть, у них нет зрения.

Светов включил микрофон. Теперь все, что он говорил, раздавалось из небольшого репродуктора на шлеме. Он произнес несколько фраз с определенным чередованием звуков, повторял их, потом говорил другие фразы и снова повторял их.

Конусы молчаливо покачивались на другом берегу ручья...

— У них может не оказаться органов слуха, — сказал Ким и подумал: «Если, например, они ощущают мир, как гаммы излучений, то могут принять нас за неизвестных животных или за машины своих врагов. Возможно даже, что мы чем-то опасны для них. Какие-нибудь наши биоволны вредно действуют на них. Тогда они захотят уничтожить нас. Как же показать им, кто мы такие?»

Он попробовал послать радиосигналы, но странные существа не отвечали. Может быть, они не принимали волн такой длины.

«Они или те, кто их послал, могут познавать мир и общаться с помощью органов, которых у нас нет, например химических анализаторов или же уловителей каких-то особых волн... — напряженно соображал Роберт. — Но как бы то ни было, они должны убедиться, что мы способны изменять мир. Тогда они поймут, что мы не животные...»

Он вытянул руку с пистолетом в направлении темной скалы. Узкий пучок ослепительно белых лучей вырвался из ствола пистолета — и скала превратилась в облако пара.

И в то же мгновение руки землян словно окаменели. С трудом можно было сжать и разжать пальцы. Покалывания в висках стали болезненными.

«Это их реакция, — понял Светов. — Они принимают меры, чтобы мы не могли причинить им вреда».

— Неразумный поступок, — резко сказал Ким. — А если эта скала — их памятник?

— Мы ничего не доказали. Здесь могут водиться животные с реактивными органами... Кроме того, то же самое способны проделать машины, — высказал свое предположение Вадим.

А Светов думал: «Сколько программ общения разработано учеными: фильмы, знаки, мелодии... Но вот встретились существа, которые не видят знаков потому, что у них нет глаз, и не слышат звуков потому, что не имеют ушей. И никакая программа нам не поможет...»

Покальвания в висках и затылке становились все неприятнее, все болезненней. У Кима закружилась голова, и он оперся на плечо Вадима. Светов попробовал поднять руку с пистолетом, но только ухудшил положение — теперь уже ощущались не покальвания, а разряды, пронизывающие мозг. Перед глазами вспыхивали какие-то пятна, мигали извилистые линии.

Ким понял: еще несколько минут — и они погибнут. Он про-
стонал:

— Что делать?

Напрягая все силы, всю волю, Светов разжал пальцы и выпустил пистолет. Оружие с глухим стуком упало на фиолетовую почву. И неожиданно астронавт почувствовал некоторое облегчение. Уколы уже не были такими болезненными. Он мог двигать руками.

— Брось оружие, Роберт, — произнес он.

А затем Вадим увидел: Светов делает что-то непонятное. Он поднял с почвы острый блестящий камень и привязал его к трубке ручного электробура. Получилось подобие первобытного топора. Затем направился к рощице причудливых безлиственных деревьев, растущих на берегу ручья. Застучал топор. Светов очистил стволы от веток и связал их.

— Зачем он это делает? — спросил Вадим у Роберта.

— Кажется, понимаю! — воскликнул Роберт. — Он строит!

— Что строит?

— Плот или мост... А впрочем, это неважно...

Роберт хотел сказать еще что-то, но тут Светов позвал:

— Помогите!

Они подняли связанные черные бревна, подтащили к самому ручью и уложили так, что образовался мост.

— Что же будем делать дальше? — недоумевал Вадим.

Но они ничего не делали. Стояли неподвижно. Фиолетово-красавый туман обволакивал их, искажая очертания фигур.

Юноша услышал, как Роберт сказал Светову:

— Ты правильно рассчитал, создав сначала орудие, а потом с его помощью — мост. Они или те, кто управляет ими, не могут не понять этого...

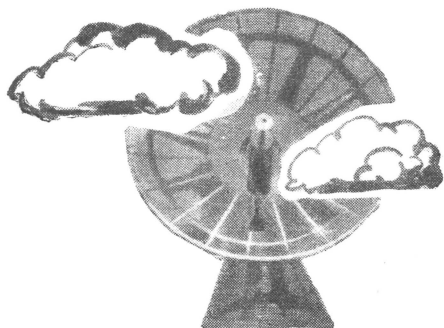
Он еще не успел закончить фразу, как почувствовал, что они поняли. Покальвания сменились другими ощущениями. Словно легкие руки матерей прикоснулись к головам астронавтов. Будто ветерок березовых лесов долетел с Земли до этой чужой планеты. И Вадиму показалось, что он стоит на берегу изумрудного земного моря. Соленые брызги, и пена, и чайки, как белые молнии, и пронизанная золотом синь.

А радостное ощущение все нарастало, все ширилось. Оно подымало четверых людей на своих волнах, наполняло грудь, вдыхало силы в усталый мозг. И сквозь этот вихрь ликования прорывались ритмичные удары медного гонга. Но они звучали не в ушах, а где-то в нервах и крови. Казалось, что это звенит кровь. Они слышались все явственней, все четче.

Вадим понял: перед ними, конечно, машины. С их помощью хозяйка планеты обращается сейчас к посланцам Земли. Он закричал:

— Светов, ты слышишь? Ты понимаешь, что они говорят?

— Да, — ответил Светов, и его голос звучал громче, чем обычно. — Они говорят: «Здравствуйте, создающие! Мы узнали вас!»

ТУЧИ ПОКОРИЛИСЬ ЧЕЛОВЕКУ

Алазанская долина Грузии богата солнцем и влагой. Там собирают обильные урожаи винограда. Но мощные кучевые облака, которые часто собираются над долиной, могут разрядиться градом. Он грозит гибелью садам и виноградникам.

Как предотвратить град?

В разгар лета в Алазанскую долину съехались грузинские ученые и сотрудники Центральной аэрологической обсерватории, снабженные разнообразной аппаратурой и приборами.

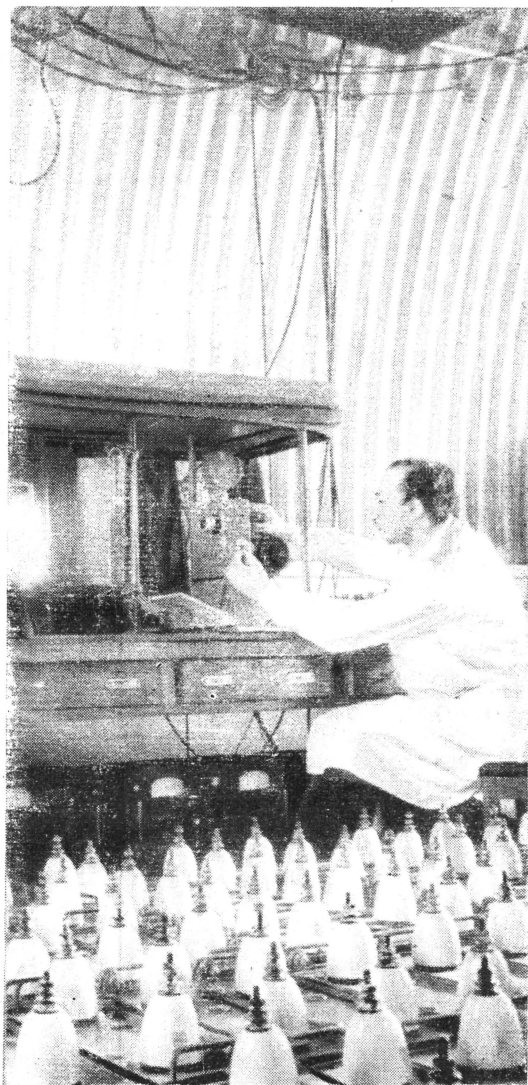
Синоптики сообщили: «Над Циви-Гамборским хребтом появились тяжелые, черные тучи». Радиолокаторы стали «прощупывать» их, передавая сведения ученым.

Надо было определить переохлажденную часть облака и ввести в него специальные реагенты, которые способствовали бы образованию мелких кристаллов льда. Попав в теплые слои, эти кристаллы превратятся в капли, и пойдет истощающий тучу дождь. Ученые торопились сделать точные расчеты: ведь реагенты необходимо распылять в определенной части облака, где температура составляет минус 5—10 градусов.

Но как доставить к туче вещества, способные вызвать дождь? Решили доверить эту почетную работу ракетным установкам.

В небо устремились ракеты. Одна, другая, третья... Обстановка стала еще напряженнее. Удастся ли этот интересный опыт? Взгляды людей направлены вверх. Вначале в облаках появились просветы, вскоре пошел сильный ливень. Победа!

Так было найдено средство борьбы с градом. Тучи покорились человеку.

Уникальная установка для исследования космических лучей сверхвысоких энергий создана в Московском государственном университете. На снимке — научный сотрудник Ю. А. Нечин за наладкой одного из узлов установки.

НАСОС КАЧАЕТ МЕТАЛЛ

Огненные реки металла... Они плещутся в доменных и сталелитейных цехах. Исторгая фейерверки золотистых искр, разливаются ручейками в изложницы, ковши... Здесь все просто: жидкий металл движется по самотечным желобам.

А попробуйте направить огненные реки по восходящему руслу. Для расплавленного металла, температура которого свыше тысячи градусов, не приспособишь обычные жидкостные насосы. Трудно использовать для этого и пневматические устройства.

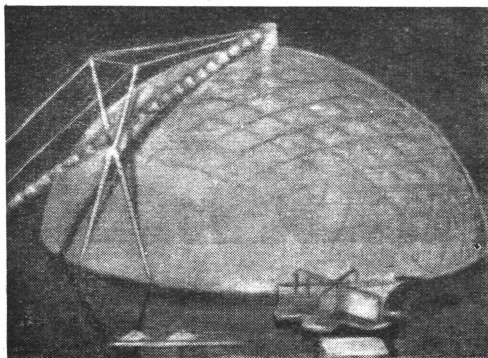
Но перекачивать расплавленный металл без помощи ковшей все-таки можно. Специалисты решили использовать для этого электромагнитное поле. Они применили принцип известного в технике асинхронного электрического мотора, состоящего из неподвижного статора с обмоткой и подвижного ротора без обмотки. В обмотке статора переменный ток создает вращающееся магнитное поле. Оно возбуждает в роторе ток и, таким образом, заставляет его вращаться. Русло, по которому движется металл, выполнит роль статора, — решили ученые, а сам металл — ротора. Бегущее вдоль русла магнитное поле увлечет за собой жидкий металл. Таким образом, его можно будет поднимать на большую высоту, перекачивать по горизонтальной линии и перемешивать.

На Московском автозаводе имени Лихачева индукционные насосы внедряются в производство.

ХРАНИЛИЩЕ-НЕБОСКРЕБ

Высота этого купола — 65 метров. Под ним свободно разместится двадцатипятиэтажное здание.

Пройдет немного времени, и на территории Череповецкого металлургического комбината поднимется гигантское хранилище рудных концентратов. Подобного нет ни в одной стране мира.

Проект этого уникального сооружения разработан в лаборатории крыш и покрытий Московского архитектурного института под руководством профессора М. С. Туполева.

Экономисты подсчитали: сооружение и эксплуатация хранилища обойдутся в четыре-пять раз дешевле, чем строительство нескольких маленьких складов.

ТОВАРНЫЙ ЭКСПРЕСС

Мимо вас со скоростью ста километров в час проносится железнодорожный поезд. Один вагон, два, три... двадцать... пятьдесят... сто.

Состав не пассажирский, а товарный. Каждый его вагон весит пятьдесят тонн. Этот поезд тянет локомотив с газотурбинными двигателями.

Луганский завод имени Октябрьской революции недавно начал выпускать такие турболокомотивы. В цельнометаллическом корпусе заключены четыре газогенератора, подающих газ к двум турбинам. Темпера-

тура газа, образующегося при сжигании мазута, достигает 500°C. В верхней части локомотива помещаются холодильные установки.

Луганский турболокомотив обладает рядом преимуществ по сравнению с подобными типами турболокомотивов, выпускаемых известными фирмами «Дженерал моторс» и «Альцо». Мощность его больше на полторы тысячи лошадиных сил, при более высоком коэффициенте полезного действия и меньшем расходе топлива.

КОРАБЛЬ НА ФУНИКУЛЕРЕ

В недалеком будущем канатные дороги найдут совершенно неожиданное применение. Их пассажирами будут... речные суда.

Корабль водоизмещением до 1500 тонн всплывает в специальную камеру с водой, подвешенную на канатах, которая затем поднимается вверх на высоту более 100 метров. А вот другая картина: судно тянут по рельсам лебедками, как на фуникулере.

Эти два проекта подъема судов с одного уровня воды на другой разработали инженеры

ленинградского бюро «Гидростальпроект».

Как известно, поднятие уровня воды в реках и сооружение искусственных водохранилищ требует строительства многочисленных дорогостоящих шлюзов. Внедрение этих двух способов позволит обойтись без шлюзов.

Закончены проектные разработки таких канатных дорог для Красноярской и Каунасской ГЭС. Сейчас продолжают работы над подобными проектами для Шульбинской ГЭС на Иртыше.

ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Рисунки Р. ВОЛЬСКОГО

ТРИ дня мы шли по этому дикому лесу. Холодна и угрюма маньчжурская тайга в октябре. А в том, 1935 году, осень наступила раньше обычного. Раньше времени пожухли травы, мягким ковром опавшей хвои и листьев покрылась земля. Ветер с Ханки могучими невидимыми ручищами раскачивал верхушки деревьев, сметая с них последние пожелтевшие листья, ломая сухие сучья. Угрюмо и неприветливо гудел предвечерний лес.

Я брел к проглядывавшему впереди холму. До него оставалось совсем немного, но ноги отказывались идти. Ноша становилась все тяжелей, будто я нес на спине не человека, а гору. Устилавший землю ковер стал мягче, ноги вязли в нем, тонули, и я шел словно по трясине. Ныла рана. Стучало в висках. Стволы деревьев качались и, растворяясь в предвечернем тумане, теряли свои очертания.

Зацепившись ногой за корневище, я, чтобы не упасть, подался всем телом вперед и больно ударился лицом о ствол. Ноша моя задвигалась. Моего лба коснулась чужая рука, осторожно отерла с него пот, смешанный с кровью.

— Лао-дун... — позвал меня слабый голос.

Очнулся!

Тяжело раненный Чжао с утра уже не раз терял сознание. Присев на корточки, я ослабил простыню и осторожно опустил его на кучу сухих листьев.

Чжао посмотрел сначала на меня, потом по сторонам. В его глазах едва теплилась жизнь.

— Сяо-сунь?..

— Следы замечает, — ответил я, оглядываясь.

В этой бескрайной тайге детская фигурка Сяо-суня выглядела совсем крошечной. С винтовкой в одной руке и с палкой в другой он шел сзади, поднимая примятую моими ногами траву. Делал он это так неторопливо и тщательно, словно просто подметал двор, и не было вокруг ни врагов, ни окружения.

Чжао через силу приподнялся, посмотрел на Сяо-суня.

— Замучил я вас обоих! — Он глубоко вздохнул.

Я понимал его. Это был сильный человек, один из самых мужественных в нашей роте. Он никогда не унывал. А сейчас... Вероятно, он видел, что я едва держусь на ногах. Но самого себя он не видел. При взгляде на него у меня сжималось сердце: лицо совсем заострилось, стало узким, как ладонь, и бледным, зелено-синим, как кусок старой белой стены, которую долго обдували ветры и омывали дожди. Глаза ввалились. Голова обвязана старыми

тряпками, на лбу сквозь них ржавыми пятнами просачивалась кровь. Кровь выступала у него на плечах, на ногах... И если бы не блестящие глаза, трудно было бы поверить, что он живой.

Уложив Чжао поудобнее и поправив повязки, я достал из-за пазухи початок кукурузы и стал класть по зерну в его сухой, потрескавшийся рот.

— Полежи немного... Успокойся, не думай ни о чем. Если сегодня они не погонятся за нами, — успокаивал я его, а может быть, и себя, — мы передохнем и тогда вырвемся...

...Рота наша получила задание отвлечь на себя противника и прикрыть отход главных сил на запад. Задачу мы выполнили. В течение месяца мы сковывали неприятеля, но три дня назад нас неожиданно окружили крупные силы японцев. Рота дралась отчаянно, из окружения вырвалась, но была рассеяна, и теперь каждый выбирался сам.

Вот так мы втроем и оказались вместе. Меня ранило в левое плечо, но рана была пустяковой. Значительно серьезней дело у командира четвертого отделения Чжао Гуан-ле: ранение головы и ног. В нашей тройке не был ранен лишь Сяо-сунь, связной роты. Я нес Чжао, а Сяо-сунь маскировал следы.

Так мы и зашли в глубь тайги.

Спрятавшись в лесной чаще на день-два, мы рассчитывали оторваться от преследователей. Кто мог подумать, что японцы, обозленные своим просчетом, обрушатся на нас всеми силами! Подняв на ноги все окрестные охранные отряды и лесную полицию, они преследовали нас по пятам.

Сегодняшний день можно было считать спокойным: противник не появлялся с самого полудня. Похоже, что он, наконец, даст нам передохнуть.

Устроив Чжао, я растянулся на траве и принялся по-прежнему жевать кукурузу. Подошел Сяо-сунь. За эти дни парнишка настрадался. Его круглое румяное лицо пожелтело и заострилось, больше стали глаза. Два года назад вместе с отцом он приехал из Кореи и вступил в нашу Объединенную северо-восточную антияпонскую армию*. У нас в роте все полюбили этого жизнерадостного парнишку. Два месяца назад он вместе с нами похоронил отца — нашего комбата.

В Сяо-суне было еще много ребяческого. Вот и сейчас, подбежав к нам взприпрыжку, он вывернул карман, откуда посыпались лесные орехи и кедровые шишки. Схватив шишку, Сяо-сунь выбил из нее кучку орешков, расколол гранатой скорлупу и дал их нам. Потом, затаив потуже ремень, вскарабкался на ель.

— Ого! — услышали мы его голос.

— Что? — Мы решили, что он опять заметил что-то неладное.

* Объединенная северо-восточная антияпонская армия, организованная китайскими коммунистами, действовала в период 1937—45 гг. (прим. ред.).

— Вышли, говорю, куда! — И, указав рукой на лежащую за холмом местность. Сяо-сунь пояснил: — Там, внизу, граница. Видно даже советских часовых...

Мы привстали. Политрук не раз рассказывал о Советском Союзе. Рассказы о «той стороне», о революционной борьбе советских людей, об их счастливой жизни рисовались прекрасной легендой нам, несколько лет скрывавшимся в дикой тайге. Кто из нас не мечтал увидеть эту страну, хотя бы только взглянуть на нее одним глазом!

Спрятавшись в густых зарослях орешника, мы украдкой всматривались в лежащую перед нами землю. Внизу — маленькая светлая речушка. По ней, вероятно, и проходила граница. На другом берегу прохаживался советский солдат — пограничник. Предвечернее солнце позолотило луг, он стал похож на полосу мягкой парчи, прямой лентой уходящую вдаль, к темно-зеленому лесу.

На лугу работали и мужчины и женщины. Поблескивали на солнце вилы, летели в телеги копы сена...

В этом мирном сенокосе не было ничего необыкновенного. Но мы забыли о ноющих ранах, о голоде, об усталости и висевшей над нами смертельной опасности. Сяо-сунь не вытерпел: чтобы лучше видеть, он опять вскарабкался на высокое дерево.

Сколько раз в занесенных снегом горных лесах толковали мы о жизни, которая наступит после победы! Жизнь эта казалась такой далекой... А сейчас эта жизнь спокойно развернулась перед нами. Всего лишь узенькая речушка...

Вдруг над головами у нас что-то громко хрустнуло: Сяо-сунь так увлекся, что забыл об осторожности и обломил ветку. В тот же миг неподалеку раздался резкий свисток, и засвистели пули. Нас обнаружили японцы!

Бросив прощальный взгляд на луг, я взвалил на спину Чжао и бросился в глубь леса. Когда мы, выбиваясь из сил, перевалили через гору, внизу, у подножья, уже было полно вражеских солдат. Ясно, что мы в плотном кольце.

У высокого кедра мы в изнеможении опустились на землю. Молчали. В душе каждый отлично понимал всю серьезность положения. Двое из нас ранены, а трехдневная погоня нас сильно измотала. Прорваться никакой возможности нет.

Солнце село за горы. Медленно разливалась темнота, затих лес. По временам тишину нарушало короткое щебетание запаздалой птицы, доносились одиночные винтовочные выстрелы. Еще угрюмее и холоднее стала тайга.

Я посмотрел на товарищей. Чжао широко открытыми глазами неподвижно глядел на кусок темного неба между вершинами. Сяо-сунь повесил голову. Руки его безостановочно поглаживали приклад маленького карабина.

— Все это из-за меня... — вырвалось у него наконец.

Чжао вздохнул, повернулся к Сяо-суню:

— Сколько тебе лет?

— Семнадцать, — тихо ответил Сяо-сунь, поднимая голову.

— Молодой... не ранен. Ты должен жить! Мы вдвоем будем пробиваться на восток, а ты...

Закончить Чжао не успел: Сяо-сунь гневно прервал его:

— Не говори этого! Умирать, так вместе.

Все молчали. В лесу стало еще тише. Налетевшим порывом ветра с кедра сбило две шишки и бросило к ногам Сяо-суня. А вскоре мы заметили пушистую белочку. Она сидела на ветке, и ее маленькие глазки смотрели на нас с удивлением. Подняв шишку, Сяо-сунь машинально поглядел на нее и швырнул в сторону белки. Та спрыгнула с ветки, подобралась к шишке, сгребла ее и ускакала.

И снова глубокая тишина.

Вдруг Чжао перевернулся и, напрягая все силы, поднялся на ноги. Губы его дрогнули от боли. Или, может быть, он хотел что-то сказать, но промолчал и с огромным трудом протянул мне трясущуюся руку.

Что тут еще можно было сказать? Я крепко-крепко пожал ее. Она была холодна как лед и дрожала.

На наши руки легла третья.

Три руки соединились в крепком пожатии.

Потом Чжао достал из сумки гранату, поднес ее ко рту, осторожно сорвал зубами крышку и поставил гранату между нами, как бутылку с вином. Светло-желтый, свившийся колечками шнур свисал на рукоять гранаты, покачиваясь от ветра.

— Может, еще что? — спросил Чжао.

Я покачал головой:

— Ничего.

Какие еще могли быть дела! Документы? Мы сожгли их в первый же день. Близкие? Если отец, шахтер Фушуньских копей, узнает, где и за что отдал свою жизнь его сын, он будет гордиться им. Сдвинув на грудь маузер, я достал из-за подкладки партбилет — уничтожить его у меня не хватило сил — и, перегнув, положил его под прицельную рамку: погибаем все вместе.

Сяо-сунь хлопотливо что-то собирал.

— Лао-дунь, — тихо попросил он, нагнувшись в мою сторону, — давай поменяемся местами! — И, переползая ко мне, объяснил: — Умирая, отец сказал: «Если придется погибать, то умри, глядя на восток, туда, где находится твоя родина!»

— Слушай, слушай, что это?

Шумели кедры. Но к их шуму примешивались еще какие-то звуки, летящие со стороны озера Ханка.

Кто-то пел на незнакомом языке. Я не понимал слов, но чувствовал в мелодии что-то очень близкое и привычное. Он, конечно же, он, я пел его вместе с товарищами, пел первый раз в своей жизни год назад! Было это в таком же дремучем лесу, под красным знаменем. С ним мы отмечали наши победы, с ним же предавали земле погибших друзей.

Вставай, проклятьем заклейменный,

Весь мир голодных и рабов...

— Советский часовой?..

— Шш... — Чжао метнул на парнишку сердитый взгляд, словно укоряя его за то, что он мешает слушать.

Но песня зазвучала громче. К баритону присоединялось все больше и больше новых — низких мужских и звонких женских — голосов.

Совершенно верно, поют на «той стороне». Перед глазами тотчас предстали золотистый луг и работающие на нем радостные люди. Слово наяву, я видел, как они стоят на высоком обрыве лицом к югу и поют этот боевой пролетарский гимн, поют для нас, окруженных врагами.

Спасибо вам, друзья! Слышим! Мы вас слышим!

Мы начали тихонько подпевать. Чжао, вцепившись мне в плечо, почти уткнулся лицом в мою щеку. Подбородок его дрожал. С потрескавшихся губ слетали слова:

Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов.

Обняв Чжао, пел Сяо-сунь:

Весь мир насилья мы разрушим...
...Кто был ничем, тот станет всем...

Прильнув друг к другу, мы пели.

Сознание обреченности, во власти которого я находился всего несколько минут назад, исчезло. Теперь мне казалось, что я уже с теми поющими, что держу их за руки, что и сам я стал таким же здоровым и сильным, как они.

Чжао замолчал. Оттолкнув нас, он протянул руку к стоящей перед нами гранате и дрожащими пальцами заправил шнурок обратно в рукоять. Он стоял теперь, опираясь о ствол дерева, не сводя с меня глаз.

— Неправильно! Неправильно это, Лао-дуны! — произнес он наконец, с силой потрясая гранатой. — Мы можем вырваться, мы уйдем живыми!

Он сказал то, что было у меня на сердце. От нашей недавней слабости не осталось и следа. Я вскочил на ноги.

— Приказывай, командир!

— Продолжать петь вместе с ними! Петь до конца, пока хоть один из нас будет в живых. Вот мой боевой приказ! Приготовь оружие, — он посмотрел на Сяо-суня, — пойдешь головным. Углубляйся в тайгу — выйдем из окружения. Темно, преследовать враг не сможет. Помни: связи не терять!

Мы спустились с горы.

За спиной по-прежнему звучала песня. И мелодия ее, словно невидимая рука, вела нас по темному лесу.

Перевод с китайского
А. КЛЫШКО

Рисунки С. ПРУСОВА

I

ДВЕ недели они работали рядом. Бок о бок, стиснув в руках лопаты, они продвигались по россыпи на юго-запад, от шести утра до восьми вечера, не отдыхая даже днем, когда термометр показывал сто четыре градуса по Фаренгейту. От жары раскалялась и трескалась земля, и часто в ров сваливались горячие комья. В такое время трудно представить, что бывают ветры и прохлада.

Оллай и Джим не говорили друг другу ни слова, идя рядом четырнадцать часов в сутки. Когда их мокрые тела изнемогали от напряжения, они на минуту выбирались наверх, обливали себя холодной водой и снова шли работать. И только в это время, не надолго освеженные, они слышали стук лопат и кирок впереди и сзади, отдаленную ругань и оклики надсмотрщиков. А потом, как только снова накалялись их тела, смолкали все шумы и стуки, и россыпь окутывала томительная жаркая тишина. Казалось, что далеко кругом нет ни одного человека, нет ничего, кроме громадного раскаленного добела солнца да желтой сухой земли, которую нужно копать, копать до потери сознания, до последнего предсмертного хрипа.

Но все-таки у Джима хватало сил и терпения зорко вгля-

дываться в каждый твердый предмет на лопате, когда он отгребал землю. Но того, что искал, не было. Почти все время попадалась мелочь, из которой в Антверпене даже не шлифуют бриллиантов, а делают «розочки» — мелкую декоративную осыпь. И только изредка встречались камни покрупней, но по бурому налету Джим видел, что это не индиго, а дешевые, лимонно-желтые или в лучшем случае палевые, дающие, правда, полную гамму цветов голубого, но только при искусственном освещении. Днем же они почти не «играют», не преломляют зеленых и синих красок и стоят недорого.

Нет, из-за них Джим не станет портить себе желудка.

«Если я найду алмаз индиго, я его проглочу, — думал Джим. — Проглочу и уеду. Буду жить...»

Вечером о конце работы возвещали резкие несмолкаемые свистки. Это надсмотрщики добросовестно надрывали легкие. Они получали на полдоллара больше и старались изо всех сил.

Вечерняя прохлада приносила облегчение. Оллай улыбался Джиму:

— Ну, как индиго?

Получив отрицательный ответ, невесело усмехался:

— Ты чужак, Джим. Алмаз индиго. Да разве ты его найдешь? Это ребяческая мечта. Помнишь, Густав тоже искал? Рыл саженные ямы. И в одной из них умер. Так и ты.

II

Дюны укрепляли сухим колючим кустарником, и только в одном месте, направо от барачков, росла жиденькая кокосовая пальма, жалкая и бесплодная. Окруженная песками и ночью, она казалась прекрасной, особенно людям, годами не видящим зелени.

Джим мечтательно посмотрел на пальму.

Сегодня Оллай был не в меру разговорчивым. Если бы они не проработали целый день рядом, Джим мог подумать, что Оллай хватил добрых пол-литра виски.

— Ты опять идешь на свою могилу? — спросил насмешливо Оллай.

— Да, я иду к пальме.

Знаешь, зеленые листья выделяют кислород, а он полезен для моих легких. Очень полезен.

— Ты образованный человек, Джим. Если бы мы не вместе работали, я бы мог подумать, что ты учитель. Я пойду с тобой.

Они шли по сыпучему песку, и Оллай долго рассказывал о Норвегии, о китобойном судне «Звезда», на котором он ходил три года, о северных и южных морях и еще о многих неизвестных Джиму вещах. Говорил он размеренно, четко, ровным голосом, ровным, как линия песков у горизонта. Глаза его были глубоки и спокойны, будто он проник во все тайны жизни и ему нечего больше узнавать. И даже когда Джим спросил о негесте, он ответил прежним тоном:

— Она ушла к мяснику Иогансену.

Ответил так, как будто это значило «я купил новую фуражку» или «сегодня хорошая погода».

Но во время разговора о владельцах россыпей в его глазах загорались тревожные огоньки и сквозь смуглые щеки проступал румянец. Это чувствовалось даже во тьме.

— Они считают нас животными, а на самом деле мы в тысячу раз человечнее их... И эти скоты смеют...

— Не надо, Оллай. Не надо расстраивать себя.

Джим был очень утомлен. Последнее время он чувствовал себя все хуже и хуже. Чахотка была заодно с хозяевами. Она мучила его в свободное от работы время: ночью и на рассвете.

— Я, должно быть, никогда не найду индиго, — сказал он. — И не уеду отсюда.

— Не унывай, дружище. Сегодня утром я нашел его для тебя. И он прокатился по моему горлу, как глоток виски. Завтра ты его получишь. Каратов восемь, не меньше.

Джим потер ладонью лоб.

— Но ведь это ты нашел. Ты, а не я.
— Ну, кончены разговоры! Завтра ты его получишь.
А я найду еще. Я здоров как буйвол.
Джим минуту колебался.

— Хорошо, Оллай. Я возьму. Если бы ты знал, как мне хочется жить! Ведь я ничего не видел, кроме работы и ру-гани надсмотрщиков. Ничего...

— Я понимаю, дружище. Поэтому я и отдаю тебе индигу. Он нужнее тебе.

— Спасибо, Оллай... Если я останусь жив, я отблагодарю тебя.

Утром Джим получил в конторе расчет. Конторщик Джемсон, прощаясь, сказал:

— Счастливого пути, Джим! Вы хорошо сделали, что ушли сами. А то вы так ослабли, что вас хотели уволить.

— Вот поэтому я и ушел, Джемсон.

Оллай не пошел провожать Джима даже до линии барakov. Нужно было идти на работу. За опоздание вычитали дневной заработок.

— Так ты мне пиши сюда, Джим.

— Хорошо, я буду писать. Прощай.

И они разошлись в разные стороны.

III

Восемнадцать английских миль предстояло пройти пешком. Сначала через дюны, а потом по твердому грунту, местами поросшему жесткой колючей травой. Изредка по этой дороге ходили ленивым своим размеренным шагом верблюды, но их нужно было заказывать заранее и оплачивать за два конца. Алмаз индигу? Но Джим не мог сейчас воспользоваться своим богатством...

Первые нити солнца не жгли, а ласкали, и за голубой дымкой встающего утра Джиму рисовались уже горы и море, леса и хрустальный воздух. В этот день он чувствовал себя почти здоровым, и в его сердце цвела неведомая доселе нежность к людям. Особенно к Оллаю. Найти индигу и отдать другому!.. Да, чтобы сделать это, нужно быть настоящим человеком. Но и он, Джим, будет делать другим добро. Он не возьмет себе ни одного лишнего цента.

Он шел медленной, неуверенной походкой большого человека, и с каждым шагом солнце все сильнее припекало

спину. Его серое неуклюжее пальто плохо защищало от палящих лучей, а в расхлябанную обувь набивался нагретый песок и жег ноги. От этого болезненно ныла кожа, мучила тупая боль, и хорошие мысли сменяла злоба, накопленная годами. Он часто подбадривал себя глотками виски из фляжки, взятой в дорогу, но скоро и это перестало помогать.

Ему казалось, что солнце поглотило весь кислород и вместо воздуха в легкие попадает густая тошнотворная вата. Он не закрывал рта и дышал порывисто и часто. Потом его начали душить приступы мучительного кашля. Наконец он упал.

И стало ясно: он умирает.

Джим разгреб песок слабеющими руками и опустил в ямку голову, прикрыв затылок широкополой соломенной шляпой.

Это немного освежило.

Тогда он встал и пошел обратно к россыпям. Он примирился с мыслью о скорой смерти, и единственным его желанием было возвратиться индиго Оллаю.

А солнце по-прежнему жгло и томило, и он с каждым шагом слабел все больше и больше. Джим шатался и падал, будто под ним была не знакомая дорога по дюнам, а палуба судна в бушующем море. И только далеко после полудня он увидел неясные очертания пальмы и ближайших барачков.

«Ну, теперь дойду». — пронеслось у него в голове.

Он напряг последние силы, и через час был около пальмы.

Подойдя к дереву, он упал на землю, обнял руками корни пальмы и прижался к ним разгоряченным лицом. Воздух здесь был холодным и тяжелым, и Джим с наслаждением вдыхал его больными легкими. Он хотел было идти дальше, но подняться уже не было сил...

IV

Закапывая Джима у пальмы, Оллай проговорил тихо:

— Ладно, дружище, я заплачу им за тебя. Они получат свою порцию...

Потом он с несколькими рабочими пошел в кабак заливать боль.

А наутро вместе с огнями рассвета занялись иньми огнями деревянные здания копей. Сухой лес горел как спички, и через два часа вокруг россыпей была обугленная, черная равнина.

Болтали, что это дело рук Оллая. Но доказать никто не мог.

А мало ли что болтают после пожаров...

В. АККУРАТОВ,
штурман полярной
авиации

С П О Р О ГЕРОЕ

Рисунки Ю. МАКАРОВА

Мы вылетели на ледовую разведку... Для неспециалиста, или просто человека несведущего, такой полет над Ледовитым океаном в ясную погоду может показаться увеселительной прогулкой.

Здесь, может быть, к месту вспомнить слова Пушкина, что порой люди ленивы и нелюбопытны. Действительно, чего проще знать, ну, не породы льдов, а скажем, породы деревьев? Кто не видел леса? Кто летним днем не бродил под его то шатровыми, то стрельчатыми сводами, но, право, многие люди с уверенностью сумеют отличить лишь ель от сосны или дуб от березы.

Но даже для лесовика, не лесника-специалиста, а лесовика-любителя в чаще открывается удивительная книга. Он читает ее, как захватывающий роман.

То же и со льдами. Льды не менее разнообразны, чем леса. Во льдах, пожалуй, не меньше видов и пород, чем в дальневосточной тайге, самой разнообразной и пышной. Есть паковый, самый матерый лед. Он многие годы крутится в океане, как в гигантском котле. И хотя под ним соленая вода, и сам он образовался из океанской воды, пак пресен. Есть блинчатый лед. Это самый юный. Он кругл и, опущенный кружевами, кажется темным, потому что сквозь него просвечивает океанская глубь.

И подобно деревьям в лесу, лед живет в океане не как попало. Он располагается, словно растительность на горе. Понизу — широколиственные, теплолюбивые породы; выше — смешанный лес, где темными конусами выделяются ели; еще выше — бережливые к теплу хвойные породы; у вершины ползают стланики, а дальше — вечный снег.

Если посмотреть на глобус, увенчанный полюсом, то сравнение это становится зрительным. Так же, поясами, располагается лед в северных морях. В море, у берега, летом бывает чистая вода, а зимой — припай, ровный, гладкий, как и окружающая его тундра. Молодые льдоведы нередко путают его с берегом.

Выше, ближе к полюсу, плавают многолетние, но еще нестарые, соленые льды, отошедшие от берегов. А у са-

мой крыши мира громоздится паковый лед, возраст которого порой исчисляется десятилетиями.

И весь этот ледяной панцирь, увлекаемый движением Земли, плывет по очень сложным и еще не изученным полностью законам дрейфа.

Движение всей массы льда происходит таким образом, словно на земную ось насажен винт с саблевидными лопастями. Часть молодого льда увлекается в центральный бассейн, большая часть старого выбрасывается в океанские ворота между Шпицбергенем и Гренландией в Атлантику. Причем количество льда, выносимого в эти ворота, из года в год меняется. Почему?

Сейчас ученые-гляциологи заняты трудоемким, кропотливым и малозаметным делом — накоплением фактов. Но скоро одна из многочисленных гипотез станет законом, который объяснит основное. А пока каждый наш полет в сердце Ледовитого океана помогает изучению жизни льдов. Но, кроме того, пилоты помогают вести корабли по Северному морскому пути.

О ледовой разведке стоит рассказать подробнее. Но это в другой раз. Дело в том, что нам самим тогда стало не до льдов.

Сначала мы услышали, как Михаил Алексеевич Титлов не своим голосом крикнул:

— Следы!

Радиост и я бросились в кабину пилотов.

Ни в первое мгновение, ни в следующее мы не поверили пилоту. Это казалось не только невероятным, но и немислимым.

Машина шла на небольшой высоте. Цепочка следов промелькнула так быстро, что мы увидели позади самолета в туманной мгле сумрачного полярного дня лишь нечеткую полосу. Ее можно было принять за трещину.

— Соскучились, — разочарованно протянул всегда немного скептически настроенный Патарушин. — Разыграть вздумали.

Он собрался вернуться в рубку.

Но Титлов резко положил машину на крыло, делая крутой разворот.

— Нет, точно — следы, — недоуменно протянул второй пилот Афинский, словно оправдываясь за неожиданность, которую принес океан.

Титлов, прищурившись от напряжения, старательно выводил машину на нечеткую полосу следов, так чтобы пройти вдоль нее и рассмотреть как следует.

— Правда, следы... — еще раз подтвердил командир.

— Показалось, — протянул Патаршин. — Мы же так далеко от материка и в семистах километрах от Диксона. Ни одного сигнала бедствия ни на днях, ни в ближайшие месяцы не было. С неба, что ли, люди свалились? Марсиане?

Мы вышли на бредущем полете из-за гряды торосов.

— Смотри, марсиане! — сказал Титлов.

По снегу вились следы — шли двое с нартами. Теперь, без сомнения, можно было сказать — шли люди. И шли они, как люди, и следы их тянулись бесконечной синусоидой, потому что люди не могут ходить строго по прямой, как, например, медведи, и медведи не тащат за собой нарт. И, видимо, один из людей покрепче или помоложе, потому что следы упорно оттягивало вправо, в сторону океана. Это делалось вряд ли нарочно. Те, кто шел, очевидно, об этом не догадывались, и заранее можно было предположить, что в ледяном безмолвии оказались люди не очень опытные в полярных путешествиях, но, безусловно, смелые, даже отважные.

Вот что мы предположили о них с воздуха по следам.

Вдруг за грядой торосов следы пропали. Под нами было чистое снежное поле.

— Что за чертовщина? — пробурчал Титлов.

— Проглядели, — сказал я. — Люди, видимо, спрятались в торосах.

Титлов развернул машину.

Мы снова прошли над грядой торосов.

Следы скрывались в ледяном гроте.

— Они прячутся от нас! — проговорил Афинский.

Мы переглянулись. Такое совсем не вязалось с представлениями об Арктике и полярниках. Люди прячутся от самолета, люди прячутся от людей, оказавшись среди океана, в сотнях километров от любого населенного пункта!

— Садимся? — предложил я Титлову.

— Действительно, что это за люди? — спросил, ни к кому не обращаясь, Патарушин.

— Два снежных человека, — отшутился бортмеханик Богданов.

Мы нашли подходящее поле для посадки километрах в трех от места, где видели следы. Сбросили дымовые шашки. Сели.

— Берите винтовки, и пойдем, — сказал Титлов.

Взяли винтовки. Пошли.

— Не держитесь кучей, — приказал Титлов.

— Почему? — спросил Патарушин, когда мы, выражаясь языком военных, рассредоточились.

— Мишень больно крупная, — буркнул за Титлова Афинский.

Метрах в трехстах от торосов Титлов остановился.

— Мы у них на мушке. Вон они за четвертым торосом справа.

Пригляделись. Действительно, торчит меж зубьями льда дуло. Залегли.

Они молчат. Мы — тоже. Подождали, подождали, наконец Титлов крикнул:

— Кто вы?

Не ответили.

Афинский повторил тот же вопрос по-английски.

Молчание.

Мороз был крепкий, с ветерком нам в лицо.

— Отвечайте! — снова крикнул Титлов. — Отвечайте, черт возьми, кто вы?!

— Пошто лаешь? — донеслось из-за торосов.

— А пошто молчите?

— Кто вы такие? — спросили из-за торосов.

— Ну, уж это наглость, — пробурчал Патарушин, человек весьма чувствительный к вопросам субординации и вежливости.

— Летчики! — ответил Титлов.

— Выходи один. Поговорим. Только, чур, без ружья!

Мы переглянулись.

— Можно? — спросил я у Титлова.

Тот кивнул.

Я поднялся. Когда прошел шагов десять, из-за торосов навстречу мне вышел невысокий русобородый мужчина. Я внимательно приглядывался к нему.

Он двигался вразвалку, как ходят люди, привыкшие к тяжелому физическому труду, крепко ступая на ноги.

Сблизились.

Я увидел, что мужчина немолод. За пятьдесят ему перевалило давно. Глаза из-под лохматых бровей смотрели сурово и подозрительно. Шел он неторопливо, и мы встретились гораздо ближе к его лагерю, чем к моему.

«Непрост мужичонко-то», — подумал я.

Сошлись.

Не подавая руки, бородач сел на обломок льда.

Сел и я.

— Пошто идете за нами? — угрюмо спросил он.

— Вы-то как очутились здесь?

— Дорога заказана?

— Нет.

— Вот мы и идем.

— Да идите, пожалуйста. Мы помочь думали.

Я достал кисет, стал набивать трубку.

Старик опустил глаза и старался не смотреть на табак.

Я раскурил трубку.

Старик крутнул головой.

— Хорош табак.

— Хорош.

— Духовитый.

— Душистый и крепкий.

Помолчали.

— Одолжите, может...

Я протянул ему кисет.

Бородач достал из-за пазухи трубку величиной с добрый кулак, покосился на меня.

Я махнул рукой.

Он плотно набил трубку, подобрал табачинки, случайно упавшие на снег. Потом достал спички и, прикуривая, второпях сломал две. Крякнул с досадой. Затянулся глубоко, даже глаза закрыл от удовольствия. Выдохнул дым не сразу. Вытер слезы, набежавшие на глаза.

— Дядя Митяй, — послышалось из-за торосов.

— Две недели без табаку, — словно извиняясь за несдержанность своего спутника, сказал бородач.

— Куда идете-то?

— На Диксон.

— До него семьсот километров!

— Дойдем.

— А прошли сколько?

— Верст пятьсот. С гаком.

— Одни?

— Одни. — Крикнул: — Гришка, подь сюда!

Из-за торосов вышел второй бородач, со стороны моего лагеря поднялся приземистый Титлов и направился к нам.

Дядя Митяй посмотрел в его сторону, усмехнулся:

— Много вас?

— Пятеро.

— Пусть идут. Не лиходеи мы. Столяры.

Около нас собрались все. Григорий закурил.

— С Таймыра с Гришкой и топаем, — разговорился подобревший от табака дядя Митяй. — Нешто можно так с рабочим человеком обращаться? Столяры мы, столярами и подрядились. А нас, поди ж, плотниками поставили. Плотник — он плотник и есть, а столяр — он столяр. Свое ремесло у каждого. Нешто мы плотниками подрядились?

— Ясно, столярами! — горячо вступился Григорий. — Плотниками мы бы ни в жизнь не пошли.

— Вот то-то и оно-то. Не пошли.

И дядя Митяй долго и старательно объяснял нам, что они с Гришкой столяры, а не плотники и рядились столярами, а их глупый и непонимающий начальник заставлял работать плотниками. Они, конечно, могли и плотничать, но какой уважающий себя столяр согласится быть плотником, коль и подрядился-то он столяром, а совсем не плотником, хоть и может плотничать.

Мы слушали, не перебивая, и разглядывали путешественников. Одеты они были ладно, добротнo, даже, я сказал бы, со щепетильной опрятностью: полушубок с кушаком, за который заткнут топор, треухи, ватные брюки, валенки.

Меня, как навигатора, интересовало многое.

— Как же вы ориентируетесь? — спросил я. — Как правильное направление держите?

— Компас у нас, — и дядя Митяй достал обыкновенный туристский компас, который в этих широтах показывает не то направление, не то цену на дрова в бухте Тикси. — Да вот часы. Проверить бы не мешало.

Сверили часы. Дядя Митяй подвел свои на пять минут.

— Ничего. Дойдем. Почитай, уж половину пути прошли.

— И не страшно? — поинтересовался Патарушин.

— Не... — протянул Григорий.

— А медведь?

— А топоры?

— Почему же вы берегом не пошли? — спросил Титлов.

— Дальше, — ответил дядя Митяй.

— Да ведь пустык. Всего на триста километров. Так по земле, не по океану.

— По берегу медведей больше.

Мы с восхищением смотрели на двух простых русских людей, решившихся на такое путешествие. По своему маршруту, по элементарности оснащения и по смелости замысла оно, пожалуй, не имело себе равных.

Попытка Нансена и Иогансена пройти от дрейфующего «Фрама» к полюсу и вынужденное отступление к острову Белая Земля считается классическим эталоном пешего полярного путешествия. О том, какие трудности и лишения пережили путешественники, нет смысла пересказывать. Этот поход блестяще описан в книге Фригьофа Нансена «Фрам» в полярном море».

Двое, что сидели перед нами, уже прошли триста километров и были уверены, что пройдут еще семьсот. Триста — это по прямой. А обход разводий? А дрейф льда, постоянно относивший их обратно? А свирепые пурги и лютые морозы?

Но ни у кого из нас не мелькнула мысль назвать их героями. Почему?

Об этом мы подумали после того, как уговорили дядю Митя и Гришу сесть к нам на самолет, — а уговаривали мы их долго, заверили, что и платить им не придется, и вдобавок пообещали взять на себя хлопоты объяснить начальству их самовольную отлучку.

И всегда, когда мне к слову приходилось рассказывать эту историю, мнения слушателей разделялись: одни утверждали — «Герои!», другие упрямо твердили — «Нет!». Наверное, будут свои мнения и у читателей.

Тогда спор о героях и подвиге стоит продолжить.

ОПАСНЫЙ ГРУЗ

БЫЛ поздний полярный вечер. Солнце уже не показывалось над горизонтом. Только в ясную погоду в полдень на юге, как и полагается в высоких широтах, небо чуть-чуть светлело.

Мы сидели на береговой базе и вели долгие переговоры с Москвой: лететь или не лететь нам на одну из первых станций СП.

В то время мы еще не добирались, когда вздумается, до Северного полюса, если не было какой-то сверхсрочной необходимости. Поэтому, «загорая» на базе, мы ждали решения Москвы.

Будучи уверены, что такая «сверхсрочная необходимость» для последнего полета существует, мы не очень волновались — разрешат. По инструкции такой полет совершался только с ведома Главсевморпути, а инструкция в авиации слово священное, хотя, впрочем, люди, далекие от летной работы, утверждают, что авиация начинается там, где кончается порядок.

Зимовка на базе отличная. А поскольку во всей Арктике среди зимовщиков нет ни одного плохого, то мы чудесно проводили время, чувствуя себя в гостях у близких и очень приятных родственников.

Однако спустя день стало пасмурно. Призрачные языки поземки лениво поползли по серым сугробам. Еле видно, подобно спиртовому огню при солнечном свете, начинали куриться снежные барханы.

Теперь мы уже с тревогой всматриваемся в жречески непроницаемые лица синоптиков.

Я не знаю, какие тайны, какие «телепатические» связи существуют между полярными синоптиками и командованием в Москве. Однако почти за тридцать лет работы в Арктике я убедился, что такие таинственные «отношения» между ними есть.

Стоит командованию дать «добро» на вылет, как синоптики говорят «отставить». Если синоптики не возражают, возражает командование. В общем, по моему убеждению, командование и синоптики составляют кольцо игольного ушка, сквозь которое нам приходится пролезать в небо.

Москва пока молчала.

Синоптики пока утверждали:

— Погода летная.

Станция СП тоже радовала нас хорошей видимостью и высокой облачностью.

Наконец командование дало «добро».

Лица синоптиков помрачнели. Они пообещали пургу.

Мы не удивились.

Будем ждать. Нам, кроме необходимых продуктов для зимовщиков, предстояло отвезти на СП взрывчатку для гидрологических работ.

Обещания синоптиков сбылись. Поднялась пурга. Через четыре часа после разрешения на вылет из здания зимовки можно было выйти, только держась на протянутом канате.

Синоптики радостно сообщили, что пурга пройдет через каких-нибудь пять-шесть дней, и мы, по их твердому убеждению, могли не волноваться.

Мы постарались последовать их совету.

Предсказание синоптиков оправдалось. Пурга утихла в назначенный ими срок.

Мы осмотрели аэродром. Его перемело широкими полосами плотных, спрессованных норд-остом сугробов.

— Ничего, взлетим, — сказал командир корабля Иван Иванович Черевичный, когда синоптики в ближайшее время снова пообещали «ветерок».

Пока погода стояла отличная. Небо ясное. Усиленно светила освещенная ветром луна. Мороз градусов под пятьдесят бодрил и подгонял.

Самолет к вылету подготовили быстро.

Мы поужинали. Когда уже застегивали «молнии» на комбинезонах, к нам подошел совершенно расстроенный начальник зимовки Михаил Иваницкий. Он держал в руках огромный сверток, укутанный в два спальных мешка.

— Места нет! — отрезал Черевичный.

— Понимаете, — начал трагическим голосом Иваницкий, — на СП нет ни одного детонатора. Они только что сообщили.

Мы посмотрели на Иваницкого ошеломленно. Уж кому-кому, а ему-то, как начальнику зимовки, отлично было известно, что возить в одной машине взрывчатку и детонаторы запрещалось. Строжайше и категорически. Больше того, на него, как на начальника зимовки, возлагался контроль за тем, чтобы экипажи не позволяли себе подобного, и обязанность привлекать экипажи к ответственности за нарушение приказа.

— Так, значит, детонаторы надо везти? — мрачно спросил Черевичный.

— Детонаторы... — сокрушенно проговорил Иваницкий. — Детонаторы.

— Зачем же так много? — ехидно спросил Черевичный.

— Ведь на СП ни одного нет.

— Нам одного хватит... Чтобы взлететь... и разлететься.

— Иван Иванович?

— А инструкция?

— Иван Иванович!

— А ответственность?

Трудно передать, какую скорбную физиономию соорудил Иваницкий. Он принялся уверять нас, — как будто мы сами не знали! — что на СП идет последняя машина, то есть мы, что теперь только от нас зависит, сорвутся или не сорвутся все гидрологические работы на станции, потому что — Иваницкий объяснял это очень популярно — взрывчатка без детонаторов не взрывается: что мы спасем ему, если не жизнь, то карьеру наверх, ведь это он забыл отправить детонаторы своевременно.

Нам представлялся выбор — быть спасителями, отцами и благодетелями или совсем наоборот.

Черевичный молчал.

— Не положено, — резко сказал наш радист Герман Патарушин.

Он затыкнул «молнии» на комбинезоне и пошел к выходу.

Мы переминались с ноги на ногу. И Черевичный, и бортмеханик Саша Мохов, и второй пилот Александр Данилович Горбачев, и я старались не смотреть друг другу в глаза. Мы понимали и свой риск, понимали Иваницкого, понимали своих товарищей на СП. Риск был более чем велик.

Пришел радист зимовки и со скорбным видом подтвердил слова Иваницкого: на СП нет ни одного детонатора.

— Братцы!.. — взмолился Иваницкий. — Да вы не кладите их, проклятых, в фюзеляж!

— А куда? — сдаваясь, спросил Черевичный.

— На ручки, — проговорил начальник зимовки. — Возьмите тюк в кабину и держите по очереди на ручках. Ей-богу, ничего не случится. На ручках так спокойно.

Мы ворчали на Иваницкого, как стая голодных белых медведей, но сдались.

Иваницкий стал смиреннее лани. Он сам понес тяжеленный тюк от зимовки к самолету. Он душераздирающе пыхтел

от непосильного груза, но продолжал бормотать елеиным голосом:

— Не очень, не о-очень тяжело, братцы... На ручках довезете... Ничего не случится... На ручках...

У самолета Черевичный спросил:

— Хорошо упаковал-то?

— Отлично. Не шелохнутся!

С превеликой осторожностью мы пронесли тюк по загроможденному ящиками фюзеляжу в кабину.

Горбачев сел в кресло пилота. Ему-то первому и лег на руки тюк.

Александр Данилович держал его очень крепко и очень нежно.

Экипаж молча занял свои места.

Заняли моторы, потом чихнули и заработали.

Счастливый Иваницкий махал нам обеими руками.

Черевичный посмотрел на него, не ответил и дал газ.

Машина тронулась плавно.

Но вот она набрала скорость и запрыгала на поперечных сугробах, точно телега на разбитой вдрызг проселочной дороге.

Я не могу забыть взгляда Черевичного, полного глубокой муки и сострадания, обращенного на Горбачева, и глаза второго пилота, беспокойные и в то же время замершие в ожидании неминуемой катастрофы.

Вдруг машина словно выскочила с проселка на асфальт. Взлетели!

Все облегченно вздохнули.

— Оторвались, — послышался в наушниках голос Горбачева. Теперь он сидел, откинувшись в кресле. У него был гордый вид.

— Рано радуется, — раздалось в телефонах, — впереди — посадка.

Это сказал Герман Патарушин.

Мы будто не расслышали его реплику.

Да и что было ответить? Он прав: впереди посадка. И кто знает, какой аэродром сейчас на СП? Может быть, его перемело хуже, чем на базе... Может быть, лыжа нашего самолета наскочит на небрежно сколотый торос... Может быть, Иван Иванович неловко посадит машину...

Мало ли, что может быть!

Самолет опять запрыгал, словно на ухабах: мы пробивали облака.

Черевичный до отказа взял на себя штурвал. Машина, задрав нос, быстро набирала высоту. Скоро мы снова вышли на ровную воздушную дорогу.

Обычно молчаливым Германом Патарушиным овладела вдруг словоохотливость. Он стал припоминать все известные ему случаи, когда экипажи, как мы, соглашались везти в одной машине взрывчатку и детонаторы. Я не знаю, где он узнал подробности полетов, сплошь оканчивавшихся катастрофами. Во всяком случае, не от членов экипажей тех самолетов, которые взрывались при взлете, в полете, споткнувшись о воздушную яму, или при посадке. Очевидно,

привыкнув обращаться с эфиром, как с родной стихией, радист связывался одному ему известным способом с душами тех, кто столь опрометчиво нарушал инструкции.

Однако следует заметить, Герман показал себя отличным рассказчиком. Он, как говорят критики, так живо и образно передавал описания катастроф, что мы забыли о том, что сами находимся, может быть, в трех минутах от подобной участи.

— Ты любишь Козьму Пруткува? — спросил Германа командир, когда нас что-то очень здорово трянуло.

— Не очень, — ответил Герман.

— У Пруткува есть отличный афоризм про фонтан, которому тоже надо отдохнуть.

— Ночи воспоминаний, особенно полярные, хороши при расставании, — меланхолично заметил Горбачев и добавил: — А вообще «уж полночь близится», и тебе пора держать тюк.

Герман пожал плечами и принял в свои руки огромный сверток из спальных мешков, который загораживал всю кабину и мешал нам страшно.

Радист стал рассеянно смотреть в иллюминатор.

Там было черное небо и яркие, очень крупные звезды. Сияла луна. Казалось, она где-то под нами. Но рассеянный свет, наполнявший воздух, шел не от луны и звезд, а от вечных снегов океана.

— Подлетаем, — сказал я после двухчасового молчания.

— Кому это дать? — спросил Герман, показав глазами на тюк. — Мне надо связаться с СП.

— Мохову, — сказал командир.

Скоро мы увидели костры на аэродроме, красные сигнальные огни на радиомачте и золотые в окнах.

Огонь костров метался из стороны в сторону.

Из радиogramмы мы знали, что на СП пуржит, но теперь ветер нам показался особенно сильным.

Черевичный развернул самолет и стал заходить на посадку. Иван Иванович вел машину очень осторожно. Он сделал лишний круг, чтобы как следует осмотреть и без того хорошо знакомый аэродром.

Наконец, нацелившись, Черевичный сбросил газ.

Стало слышно, как зашепелявили пропеллеры.

Вспыхнули бортовые прожекторы, спрятанные в крыльях.

Ослепительно засверкали похожие на клыки торосы.

Промелькнули.

Белые эллипсы света бортовых прожекторов заскользили по полю. Они все ближе и ближе подвигались к крыльям. Мы вот-вот опустимся на льдину.

Но как?..

Черевичный чуть прибавил газ. Моторы потянули. И в это мгновение мы едва уловимым толчком коснулись льдины. Ювелирная посадка!

Подпрыгивая, машина пробежала еще немного. Стала.

— Все! — сказал Черевичный и стянул с головы шлем.

Герман побежал в хвост, открыл дверь, выбросил стремянку.

Медленно, стараясь помочь друг другу и только мешая, мы понесли тюк к выходу.

На льду, у стремянки, стоял Вася-повар в белом колпаке. Притопывая, поеживаясь от холода, он протягивал руки к тюку:

— Вот спасибо! Вот удружили!.. Идите скорее обедать!

— Тебе-то что? — мрачно спросил Герман. — Из детонаторов каши не сварить.

— Какие детонаторы? — замахал руками Вася. — Это лук и чеснок!

Мы молча раскачали тюк и выкинули его на снег.

Я думаю, что в тот день даже Полярной звезде было жарко от смеха. И зимовщики СП и мы обессилели от хохота. Вася ходил вокруг нас, уговаривал поесть бифштексы с жареным луком и баранину, фаршированную чесноком:

— Пожалуйста! Только не сердитесь. Понимаете, как ни привезут такие нежные овощи, ну, обязательно поморозят!..

Литературная запись рассказов Н. КОРОТЕЕВА

ПОДВИГ

История-быль

Громыхая сапогами, в землянку скатился вестовой.

— Младшему технику-лейтенанту Русанову срочно явиться к командиру полка!

Задание было необычным.

В окрестностях Воронежа совершили вынужденные посадки четыре «ИЛа», вывезти их не успевали. Гитлеровцы наступали. Они называли «ИЛы» «шварце тод» — «черная смерть», и им еще ни разу не удалось заполучить грозную машину.

— Разыщите самолеты и уничтожьте их!

Через полчаса Вадим с двумя красноармейцами мчался на полуторке выполнять приказ.

Весь день колесила машина по району, пробиваясь сквозь осеннюю хлябь к местам, помеченным на карте крестиками. В течение первых суток бойцы разыскали и взорвали три самолета. С четвертым делом обстояло сложнее.

Лишь к утру следующего дня заляпанный грязью грузовик добрался до узкой, но глубокой речки. На другом берегу, уткнувшись одним крылом в землю, горбился подбитый «ИЛ». На месте сожженного моста чернели обугленные сваи.

Русанов вышел из машины, огляделся. Со стороны деревни к самолету двигались грязно-зеленые фигурки.

Неподалеку разорвался снаряд, за ним второй, третий. Гитлеровцы заметили одинокую полуторку и, должно быть, догадались, зачем она здесь...

— Гоните назад! — крикнул Русанов красноармейцам.

Свинцово-тусклая вода была даже холоднее, чем казалось на первый взгляд. Стараясь не стучать зубами, Вадим переплыл речку и, хватаясь за гибкие прутья ивняка, стал карабкаться вверх по высокому, крутому берегу. Внезапно что-то обожгло правую руку. Средний палец срезало ос-

колком. Вадим закусил губу от боли, но продолжал идти. Когда до самолета оставалось метров двадцать, обстрел прекратился: очевидно, боялись повредить «Ил».

Подбежав к штурмовику, Вадим увидел в его кассетах четыре стокилограммовые фугаски. Гитлеровцы уже были метрах в восьмистах. Перегнувшись в кабину, Вадим нажал рычаг аварийного бомбосбрасывателя. Тяжелые смертоносные «ФАБы» лениво плюхнулись на землю. Спокойно, словно делал это уже сотый раз, Вадим поставил взрыватель одной из бомб на максимальное замедление — 22 секунды, рукой раскрутил ветрянку предохранителя, ударил плоскогубцами по бойку и бросился в сторону. Едва успел прыгнуть в воронку на берегу, как громыхнул взрыв. Страхнув с головы комья липкой земли, Вадим осторожно выглянул. Там, где только что был самолет, густым сизым дымом клубилась глубокая яма. Гитлеровцы повернули назад, решив, очевидно, что подрывник погиб вместе с самолетом.

Оглушенный взрывной волной, Вадим лежал в своем ненадежном убежище. Он решил дожидаться ночи, переплыть реку и тогда уж возвращаться на аэродром.

Медленно тянулось время. Острая, пронизывающая боль в руке отдавалась во всем теле. От потери крови и от голода — Вадим уже сутки ничего не ел — кружилась голова, туманилось сознание. На исходе четвертого часа томительного ожидания Русанов услышал рокот моторов. Над землей стремительно мелькнули черные тени, и на поле, подпрыгивая на кочках, приземлились два «мессершмитта-109».

Из кабины выскочили пилоты. Сбросили парашюты. Сделали по несколько приседаний.

Потом один направился в сторону деревни. Другой, установив двигатель на малые обороты, стал копаться в железных внутренностях своего «мессершмитта». Не спуская глаз с гитлеровского летчика, Вадим вытащил левой рукой наган из кобуры, прицелился и выстрелил. Мимо... Немец стоял около работающего двигателя и даже не обернулся на выстрел.

Вадим встал, перешагнув гребень воронки, зашагал к «мессершмитту», сжимая рубчатую рукоятку нагана. Он подошел почти вплотную, так близко, что отчетливо разглядел капли пота на багровой шее гитлеровца. Не желая стрелять в спину, Вадим громко крикнул одно из немногих известных ему немецких слов: «Хальт!»

Гитлеровец, выронив от неожиданности гаечный ключ, обернулся.

Рука его метнулась к парабеллуму. Но Русанов выстрелил первый...

Что дальше? Эх, был бы он пилотом, а не техником! И вдруг... У него даже перехватило дыхание: а почему бы не попробовать? Лётал же он на планерах. Это, конечно, не планер, но терять, собственно говоря, нечего.

Вадим выбил ногой тормозные колодки из-под колес, захлопнул капот, вскарабкался в кабину и, положив изуродованную ладонь на ручку, дал полный газ. Машина взревела и, набирая скорость, побежала по полю.

...Стремительно проносились поля, перелески, какие-то речушки. Высота не превышала двухсот метров. Вадим чуть потянул

ручку на себя — машина послушно взяла ввысь. Русанов почти не чувствовал волнения. При странных, конечно, обстоятельствах пришлось ему совершить первый самостоятельный полет!..

Вадим отважился, наконец, взглянуть на приборную доску. Почему-то не обнаружил компаса. Вспомнил, что картушка этого прибора может иметь самый необычный вид, и решил ориентироваться по солнцу. С некоторым трудом ему удалось развернуть самолет так, чтобы солнце светило в затылок. Теперь «мессершмитт» держал курс на восток.

От потери крови к горлу подступала тошнота, туманилось сознание.

И вот впереди показался город. Где-то поблизости должен был быть аэродром. Но тут из-за облачка вывалилась пара краснозвездных истребителей «И-16». Где-то совсем рядом воздух прочертила свинцовая струя. Стало до слез обидно: после всего случившегося погибнуть от своих!

Но, почувствовав, видимо, что-то необычное в этом летящем с неубранными шасси вражеском истребителе, советские самолеты прекратили огонь и пристроились в хвост «мессершмитту».

А Вадим уже направил самолет на летное поле. Теперь только он по-настоящему понял, что ему предстоит. Посадка! На лбу выступила испарина. Обругал себя, что не догадался надеть немецкий парашют, — тогда бы никакой проблемы не было: прыгнул, и все.

Неловко повернувшись, Вадим задел за что-то раненой рукой. Резкая боль сразу привела в чувство.

Подумал: «Надо садиться на брюхо, как на планере...»

На приборной доске нашел рычажок шасси, повернул...

И больше не колебался. Собрав огромным напряжением всю волю, выдержку, хладнокровие, Вадим направил самолет навстречу стремительно набегающей земле.

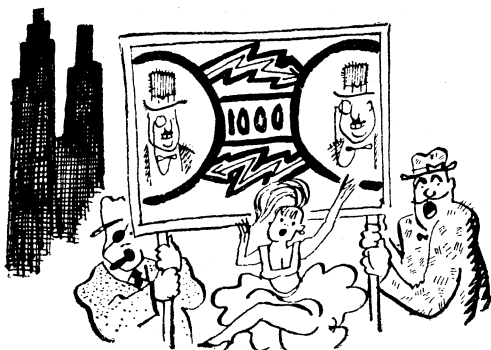
Земля ударила по самолету. Мир раскололся, все провалилось в темноту...

А к «мессершмитту» уже бежали летчики, механики, оружейники. Кто-то из них перевернул на спину вылетевшего из кабины пилота, расстегнул карман комбинезона, вынул документы.

— Ребята! Да ведь это же наш!

Растолкав окружающих, над Вадимом склонился врач. Положил руку на сердце — оно билось.

Это случилось в октябре сорок первого года...

И. КАЛИНОВСКИЙ

Скандальный случай с мистером Скоундрэлом

Рассказ-памфлет

Рисунки В. ДУВИДОВА

ВЫ могли бы усомниться в этой истории, но вся штука происходила на Пайрид-стрит и в центральной экспериментальной лаборатории «ВЕКАЭМ» — Всеобщей компании электрических машин, то есть, иными словами, на моих глазах.

К слову сказать, бедняга Грендфул незадолго до этого рокового случая отпраздновал свой десятилетний служебный юбилей.

Впрочем, вам, как и всякому другому любителю таких вот историй, захочется узнать все по порядку и обязательно с самого начала.

Сейчас, после официального расследования специальной комиссии государственного департамента, я могу говорить об этом только конфиденциально, с глазу на глаз.

Джонни Грендфул поступил на работу тотчас же после колледжа, который оставил по собственному желанию, после ссоры с ректором.

В нашу лабораторию его привела главным образом ненасытная страсть к бесконечным экспериментам. Это

у него осталось от детских игр и, как говорил он сам, после посещения их квартиры монтером, чинившим звонок. Электромагнитные катушки были теми феями, которые увели восторженного мальчишку в заколдованный лес экспериментальной электротехники.

Если бы не его выдающиеся способности в области экспериментов — точнее, их технической подготовки, поверьте мне, он бы давно вылетел со службы.

Дело в том, что это был совершенно незаменимый для опытов человек с готовой репликой «попробуем», от которой профессор Гелоу приходил в восторг.

Ему даже простили то, что в неслужебное время он делал свои опыты. Вечерами, когда все, кроме дежурного лаборанта, расходилось по домам, я не раз был свидетелем бурной и вдохновенной деятельности моего друга.

В тот вечер, когда началась заваруха, я читал в большом зале увлекательный комикс и жевал сэндвич, заботливо положенный моей Меги в карман куртки. Было мое ночное дежурство.

Верный себе Грендфул вдохновенно собирал какую-то новую фантастическую схему, произвольно включая в нее целые узлы из чужих установок. Насколько помнится, она начиналась и кончалась одинаковыми специальными камерами типа «магнитной бутылки», в которой действовало силовое поле большой мощности. Сложная цепь трансформаторов, конденсаторов и частотных усилителей, электронных и полупроводниковых выпрямителей протянулась через весь зал лаборатории. Это была необычайная импровизация — винегрет из экспериментальных машин.

Теперь представьте себе: сутуловатый Джонни, разинув от удивления рот, смотрит через глазок на внутреннее пространство первой магнитной камеры. Вот таким он и запомнился мне в знаменательный момент открытия «эффекта Грендфула».

Выражение его лица бросилось мне в глаза, когда я случайно оторвался от страниц детективного романа. Помню даже фразу, на которой я прервал чтение: «Джо повис над пропастью, сжимая в зубах отравленный стилет...»

— Что ты видишь там, Джонни?

— Она наполовину растаяла, — озадаченно произнес мой друг.

— Кто растаял? — снова спросил я, почувствовав легкое любопытство.

Джонни загадочно молчал, как бы не расслышав вопроса. Он даже не обратил на меня внимания, пока я не подошел и не взглянул с противоположной стороны во второй глазок камеры. В поле зрения, как на предметном стекле микроскопа, лежала... половина

логарифмической линейки «Пифагор», и эта оставшаяся половина таяла и исчезала прямо на глазах!

Мы молчали, пораженные необычным явлением, которое наблюдали одновременно.

— Смотри-ка, вот и движок пропадает, — сказал глухо Джонни.

И тут мы оба вскрикнули: линейка окончательно исчезла с блестящего круглого дна камеры.

— Куда же она делась? — все так же глухо спросил Джонни и направился вдоль всей цепи приборов, словно разыскивая что-то.

— Кид, — закричал он из другого конца зала, — она здесь, во второй камере, и целая-целехонька!

Это был не крик, а исполненный изумления вопль, в ответ на который я бросился со всех ног к моему долговязому другу, чтобы тут же прилипнуть к стеклянному глазу: на точно таком же блестящем круглом днище лежала исчезнувшая минуту назад линейка, тускло поблескивая металлической оправой движка. Еще несколько секунд, и Джонни выключил всю установку, а затем выровнял давление и поднял колпак. Механическая рука — манипулятор — осторожно схватила линейку и передала ее наружу. Мы оба имели возможность убедиться в том, что это была именно та, забытая в первой магнитной камере, собственная линейка Джонни: об этом свидетельствовало коричневое пятнышко от неосторожно положенной сигареты хозяина.

Неугомонный бес экспериментатора, сидевший внутри моего друга, заставил его повторить весь опыт сначала. Вслед за линейкой последовал портсигар из крокодиловой кожи, десятицентовая монета, целлулоидовый воротничок и, наконец, стакан чая с ложкой и блюдцем.

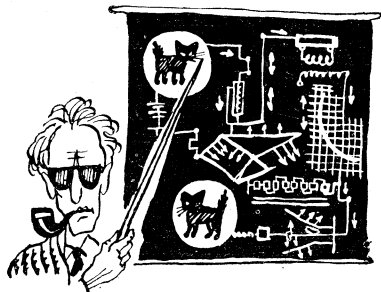
Согласитесь со мной, все это походило на фокусы, которые показывают в цирке ловкие молодцы в масках, с подстриженными усиками, облаченные во фраки.

Но когда Джонни, похожий в эти минуты на одержимого, сунул под колпак серого котенка, я, должен вам сознаться, был почти уверен, что мой приятель спятил.

Мы оба припали к смотровым стеклам — и снова увидели чудо; котенок как бы оцепенел и вдруг стал таять, словно видение сна.

Я не верил своим глазам, но вскоре вынужден был признать поразительный результат эксперимента: котенок, живой комочек плоти, появился во второй камере и, как только приподнялся колпак, тотчас же спрыгнул на пол.

Мы не заметили, как подкрался ранний весенний рассвет, и пришли в себя от звонка уборщика Майка.

Пока Майк возился с пылесосом, Джонни быстро наносил на лист бумаги схему экспериментальной расстановки оборудования. Он очень торопился, так как через час должны были прийти наши коллеги — лаборанты. Как сейчас вижу капельки пота на его верхней губе и бегающую по бумаге худую руку с длинными пальцами музыканта...

— Феноменально, черт побери! — эти слова произнес профессор Геллоу, когда сам убедился в реальности эксперимента. Нужно сказать, что Джонни посвятил старика в свое «чудо», как только тот переступил порог лаборатории.

Очевидно, профессор сразу оценил всю важность открытия и тут же объявил о том, что обычная работа лаборатории на время прекращается, а служащие, кроме строго ограниченного числа лиц, распускаются по домам. После этого старший ассистент профессора Геллоу зачитал вслух короткий список сотрудников, которые должны были остаться для продолжения опытов.

Я помню разговор Геллоу с ассистентом.

— Вы понимаете что-нибудь в этой чертовщине, Джорджи? — начал профессор. — Здесь мы имеем дело в некотором роде с транспортицией материи! Обратите внимание на колоссальную разность потенциалов, дружище, — она и есть причина явления. Природа, знаете ли, не терпит пустоты. Интересно, что в гениальный импровиз Грендфула вошли главные принципы трех наших экспериментальных тем: исследование волновых функций дебройлевских волн, исследование взаимопревращений частиц и прошлогодняя работа по возбуждению мощных направленных электромагнитных полей. Так вот—это были детские шаги, мой милый!

Ассистент молчал, очевидно пытаюсь уяснить себе приблизительную сущность явления.

— Удивительно то, что регенерация материи протекает без нарушения жизнеспособности клеток, — задумчиво продолжал Геллоу, обращаясь на этот раз к самому себе.

В тот день нас заставили работать до десяти часов вечера. Мы валялись от усталости и на ночь разместились прямо на столах.

Вход в лабораторию охранялся специальным нарядом полиции.

В полночь профессор Геллоу говорил с генеральным директором компании «ВЕКАЭМ» мистером Скоундрэлом, который находился в деловом центре штата Нью-Генкс, где должен был баллотироваться в сенат.

Утром мистер Скоундрэл прилетел на специальном самолете и тотчас появился в большом зале, чтобы лично удостовериться в реальности открытия. Вместе с ним пришли и другие члены правления компании «ВЕКАЭМ».

Вся цепь приборов, составленных по волшебной схеме

Грендфула, была предусмотрительно закрыта непроницаемыми чехлами.

Репортеры газет, эти ищейки прессы, каким-то сверхъестественным чутьем унюхали сенсацию и с утра осадили помещение лаборатории. Некоторые пытались проникнуть через чердак, перейдя к нам по крышам соседних домов. Короче, лаборатория была блокирована. Мы лишились возможности бывать дома и питались обедами, которые нам доставляли из соседнего ресторана.

Весть о чудесном открытии здорово подняла техническую репутацию компании, а вместе с ней и деловую репутацию директора.

Само собой разумеется, что акции «ВЕКАЭМ» скакнули на сказочную высоту.

Теперь можно утверждать: все, что случилось, связано с избирательной кампанией. Не будь ее, нашему президенту не пришла бы сумасшедшая мысль о собственной сверхрекламе. Он был чертовски честолюбив и как только убедился в возможности передачи на расстояние физических тел — тут же подумал об эффектном избирательном трюке.

Уже через несколько дней наш опыт вышел далеко за стены лаборатории: хвостовая часть установки была помещена на другом конце города. При этом в схему включили дополнительное устройство для направленной передачи атомов в магнитном поле без проводников: оборудовали станцию приема.

Кроме того, Гелову, который возглавил все работы, увеличил мощность силовых полей и расширил габариты камер.

После переоборудования мы сразу же стали передавать на расстояние пятнадцати миль сначала мелкие физические тела, а потом большие: письменный стол начальника лаборатории, шкаф для книг и, наконец, большого датского дога, принадлежавшего профессору Гелову.

Все шло благополучно, и практические результаты открытия не оставляли сомнений.

И вот наступил канун того рокового дня, когда мистер Скоундрэл должен был выступить перед своими избирателями в деловом клубе города Нью-Генкса.

Именно в это утро он и принял решение предстать перед своими избирателями, как новый Феникс и без помощи обычных средств транспорта.

Уже днем в Нью-Генкс был отправлен специальный поезд с хвостовой приемной установкой.

Весь день радиостанции оповещали мир о предстоящей сенсации: мистер Скоундрэл обещал своим избирателям предстать перед ними в Нью-Генксе, преодолев тысячекилометровое расстояние между городами со скоростью света.

В столице и в Нью-Генксе должны были присутствовать две свидетельские комиссии из представителей научных кругов и прессы. Кроме того, пригласили представителей церкви и городских властей обоих городов.

Наутро весь квартал, где находилась лаборатория, увесили флагами и оцепили специальными отрядами полиции. В воздухе кружили вертолеты с телепередатчиками и детективами.

В главном операционном зале мигали многочисленные разноцветные сигнальные лампочки. Шли непрерывные репетиции предстоящего сенсационного опыта.

Мы с Джонни чертовски устали за эти дни, и о нас на время забыли, как забывают о тех слугах, которые сервируют стол для торжественного банкета.

Вообще вся слава должна была достаться директору-президенту и профессору Гелюу.

Ровно в пять к зданию лаборатории подкатил блестящий трехсотсильный лимузин директора, окруженный эскортом мотоциклистов.

Мистер Скоундрэл был облачен в безукоризненный смокинг, и его лакированный ботинок прямо из автомобиля ступил на бархатную дорожку, проложенную к подъезду. Мистер Скоундрэл проследовал сквозь живой коридор людей вплоть до великолепного кресла, установленного под поднятым прозрачным колпаком отправной установки.

Я все это видел собственными глазами, сопровождая директора-президента как техник-оператор.

— Скажите им что-нибудь, мистер Скоундрэл! — обратился наш профессор к патрону, показывая жестом руки в сторону представителей прессы.

— Джентльмены! — Директор приподнял свой цилиндр. — Вы присутствуете при величайшем событии нашего века. Я намерен показать вам и своим избирателям, что для современной науки не существует преград в пространстве и времени. То, что вы увидите сейчас, по праву может быть названо чудом. Возьмите же хронометры и засвидетельствуйте человечеству то, что увидят ваши глаза. Я кончил!

Это было последний, исполненный мужественного достоинства монолог нашего директора.

Он быстро взошел на площадку и сел в кресло, положив ногу на ногу. Прозрачный колпак опустился, и тотчас же загорелась изумрудным светом сигнальная лампа: «Приготовиться!»

Установку включил сам профессор Гелюу, а мы с Джонни только следили за работой приборов, регулируя напряжение в отдельных узлах.

Мистер Скоундрэл был виден как на ладони, и на него мгновенно были направлены десятки фото- и телеобъективов. Он же сидел совершенно неподвижно, с чуть надменной усмешкой на тонких губах.

Но вот вспыхнула рубиновая лампа, и тотчас же щелкнули секундомеры.

Одна-две секунды, и мистер Скоундрэл бесследно растаял в пространстве.

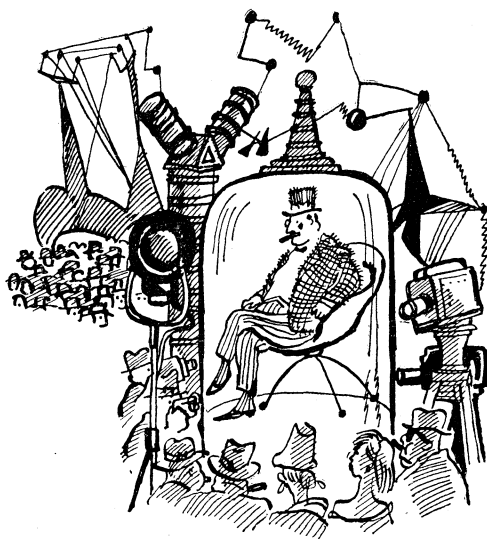
И вдруг раздался оглушительный, как пушечный выстрел, грохот, ослепительно вспыхнули и погасли сигналь-

ные лампы. Через мгновение включилась аварийная станция. Мы бросились к приборам. Короткий осмотр выяснил, что сгорели все предохранители, а вместе с ними и головной трансформатор. Виновником оказался грозовой разряд, который словно намеренно попал в цель. Ликвидация аварии потребовала не больше двадцати минут.

Собственно, скандал уже начался, но все узнали о нем немного позже.

Я забыл вам сказать, что оба конечных пункта, головной и хвостовой, вели непрерывные переговоры по селектору, и спустя минуту после грозowego разряда в рупоре микрофона раздался голос главного оператора из Нью-Генкса:

— Хэлло! Какого черта вы медлите с «начинкой»? Под колпаком только «обертка», то бишь я хотел сказать — костюм и детали туалета!

Сначала никто ничего не понял, и все с недоумением повернулись к рупору.

— Говорит Нью-Генкс! Что случилось, джентльмены? До сих пор не появилась телесная часть господина директора!..

Мне было жаль старого профессора — он стоял бледный и беспомощно глядел на приборный щит.

Шло время, была проверена вся цепь, но ничто не помогло — плоть мистера Скоундрэла рассеялась где-то в пространстве, оставив в хвостовой камере только предметы его изысканного туалета. При этом все вещи занимали такое пространственное положение, что казались на-

детьми на человеческое тело — их удерживали на месте невидимые магнитные силы.

Картинка: прозрачный колпак, под которым на удобном стуле сидят смокинг и брюки; сверху над пустым воротом рубашки реет цилиндр, а под ним, чуть ниже, монокль и, наконец, еще ниже — две пластмассовые челюсти.

Да, мистер Скоундрэл здорово увлеклся политикой, и она-то его сгубила!

Конечно, эту скверную историю использовал его конкурент из оппозиционной партии: он сразу же захватил инициативу, утверждая, что вся выставка готового платья, представленная в хвостовой камере, не больше, чем предвыборный жупельнический фокус и что директор затеял его с целью привлечь к нему внимание, а затем смылся и увез в Европу все дивиденды фирмы...

Газеты подхватили и стали раздувать эту историю, усматривая в ней таинственную интригу некоей заокеанской иностранной державы. Но все это меркнет перед сценой, которая разыгралась в нашей лаборатории на другой день.

Я и Джонни возились около проклятой установки, пытаясь что-то наладить, хотя нам было ясно, что ни черта не выйдет. Профессор, грустно опустив голову, слушал вице-президента мистера Бенде, который отчитывал его, как мальчишку.

Вдруг распахнулась дверь, и в зал ворвалась разъяренная дама. Признаться, мы изрядно струхнули: такое было у нее лицо...

— Кто из вас Гелоу? Вы, сэр? Ну что ж, вы ответите мне за моего Дональда вашей лысой башкой!

Дама испепелила старика глазами, а потом повернулась к вице-президенту.

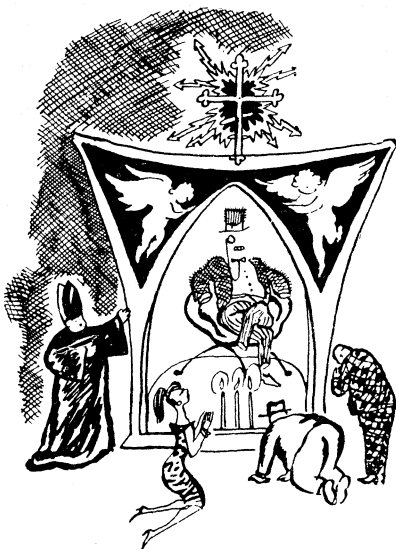
Тот молча показал рукой в сторону хвостовой камеры. Миссис оглянулась и замерла на манер Доротей...

Тут я должен сделать маленькое разъяснение: ночью же была доставлена к нам хвостовая половина установки, вместе с креслом и атрибутами туалета бывшего директора.

— Что это такое, сэр?

— Мэм, я не могу вам предложить ничего иного, — извинился вице-президент.

— Что? — грозно спросила леди. — Вы предлагаете мне

взамен моего супруга, полноценного мужчины ростом в шесть футов и три дюйма, с весом в девяносто килограммов, вот эту грудку старого тряпья? Нет, сэр, не выйдет! Понимаете ли вы, старый верблюд, в какое я поставлена положение? Кто я теперь — жена или вдова?

Вы думаете, этим окончилось дело? Нет, она не только отказалась взять себе на память одежду президента, но с помощью адвоката возбудила в суде обвинение в убийстве и предъявила компании иск о возмещении убытков.

Миссис Скоундрэл сделалась героиней дня. Фотографии ее не сходили со страниц журналов и газет.

Не прошла мимо сенсационного происшествия и церковь, объявив о том, что, по мнению ее духовных вождей, мистер Скоундрэл не мог попасть никуда, кроме царствия небесного, где и пребывает в блаженстве. Вещи его были помещены в раку и привлекли к себе целую толпу жаждущих исцеления паломников. Что же касается меня и Грендфула — нас просто уволили с работы...

Прошло некоторое время. Вопрос о том, куда исчезла плоть мистера Скоундрэла перестал занимать умы наших соотечественников и прессу. Произошло, правда, еще одно событие, на первый взгляд не имеющее ко всей этой истории прямого отношения, но о нем нелишне упомянуть.

Ходили слухи, что где-то в Тихом океане на архипелаге Тиу-Тиу примерно в то же время, когда произошло несчастье с мистером Скоундрэлом, случилось совершенно неправдоподобное происшествие. Во время сильной грозы над одним из атоллов в берег лагуны ударила шаровая молния, и на глазах у перепуганных аборигенов появился, буквально из ничего, совершенно голый мужчина средних лет, тут же разразившийся нечеловеческой бранью. По мнению туземцев, так мог ругаться только злой дух.

Свидетели этого «чуда» в паническом страхе попрятались по своим хижинам.

Дальнейшая судьба «Злого духа» неизвестна.

Представьте себе сеть железных дорог на громадных просторах нашей Родины, десятки и сотни тысяч поездов, которые мчатся по этим стальным магистралям, замысловатые переплетения железнодорожных узлов, — попробуйте представить себе хоть в общих чертах большое и непрерывно действующее, пульсирующее все полнокровное железнодорожное хозяйство страны. И подумайте, какие нужны расчеты, чтобы организовать работу только этого вида транспорта наиболее рационально.

Армия плановиков и диспетчеров занята этой напряженной работой. На помощь им приходит новая наука — кибернетика. В Программе КПСС специально указывается, что внедрение автоматизации, кибернетики и электронных вычислительных машин во все отрасли народного хозяйства — важное условие успешного создания материально-технической базы коммунизма.

В. А. РОЗЕ,
инженер

Кибернетика и транспорт

Рисунки Э. РОГОВА

ГРУЗОВИКИ С ПЕСКОМ И ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЛАН

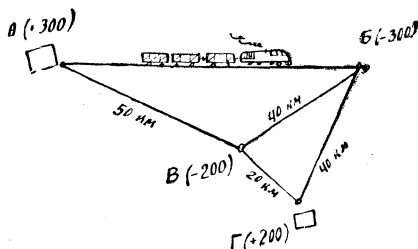
Перед диспетчером лежала пачка бумаг — двести с лишним заявок от различных строек Москвы. Все заявки были на строительный песок. Диспетчер знал, что песок вывозится с восьми речных пристаней, знал их расположение, состояние автопарка и количество автомашин. Ему нужно было спланировать работу этих автомашин, спланировать наиболее рационально.

Теперь попробуйте решить такую задачу. На схеме показан участок железнодорожной сети и расстояния в километрах между станциями. На станциях А и Г находится соответственно по 300 и 200 тонн груза. На станцию Б надо доставить 300 и В — 200 тонн груза. Необходимо определить, как везти груз (то есть как прикрепить пункты производства к пунктам потребления), чтобы общий пробег груза был минимальным. На первый взгляд наиболее правильно было бы везти груз из А в Б, а на станцию В доставлять груз из Г. Пробег груза при таком прикреплении составит: $300 \text{ т} \times 80 \text{ км} + 200 \text{ т} \times 20 \text{ км} = 28\,000$ тонна-километров. Попробуем теперь прикрепить В к А, а Б к пунктам Г и А. В этом случае перевозочная работа будет равна $200 \text{ т} \times 50 \text{ км} + 100 \text{ т} \times 80 \text{ км} + 200 \text{ т} \times 40 \text{ км} = 26\,000$ тонна-километров. Таким образом, второй план перевозки уменьшает пробег груза более чем на 7 процентов. Он, конечно, лучше, чем первый, не так ли?

Вот видите, даже в такой простой задаче можно легко ошибиться!

А теперь снова заглянем в контору нашего диспетчера.

Если бы он попробовал перебрать все возможные варианты, как это было сделано в предыдущей задаче, то число их

составило бы астрономическую цифру, приближенно равную единице с двумястами нулями. Даже на электронной вычислительной машине (ЭВМ) с ее огромным быстродействием такой расчет занял бы несколько суток!

Но задача была решена за один час. Как? Методом линейного программирования на электронной машине «Стрела». И хотите знать результат? Составленный план, обеспечивая нужды всех строек, уменьшал пробег автомобилей на 11,5 процента по сравнению с тем планом, который удалось составить диспетчеру без вычислительной машины.

Линейное программирование — это новая отрасль математики, тесно связанная с использованием электронных вычислительных машин. Методы линейного программирования при решении задачи позволяют не перебирать все варианты — вот в чем их неоценимое достоинство.

Еще два примера.

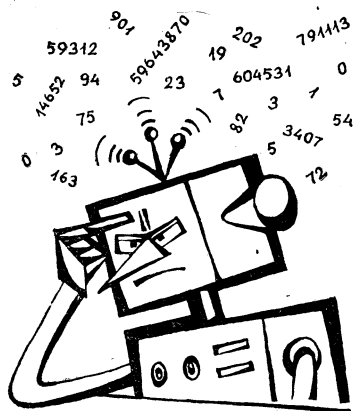
Основной вид газетной бумаги доставляется по железным дорогам с 6 комбинатов в 112 издательств. Рассчитанный на ЭВМ менее чем за час оптимальный план сокращал величину перевозки на 2,67 миллиона тонна-километров по сравнению с действующим планом!

Надо было составить план расстановки различного типа судов речного флота с тем, чтобы обеспечить максимальный объем перевозок с минимальными расходами. Результаты решения этой конкретной задачи на ЭВМ оказались весьма обещающими: кибернетическая машина, получив запрограммированные исходные данные, составила план, при котором коэффициент использования грузоподъемности судов увеличивался на 30 процентов...

Что показывают такие исследования? Рассчитано, что при помощи ЭВМ и методов линейного программирования существующие планы перевозок можно улучшить: их эффективность возрастет на 5—15 процентов. И когда наиболее рациональные схемы перевозок будут применены, причем в масштабах всего народного хозяйства, мы ежегодно будем экономить миллиарды рублей!

Сейчас разрабатываются методы линейного программирования для того, чтобы планировать наилучшее размещение новых производственных предприятий, заводов и фабрик. Эта проблема имеет огромную государственную важность.

Ведь направление перевозок и размещение производства взаимно влияют друг на друга. Учитывая это, и надо решать задачу, где и как строить. Исходными данными для решения такой комплексной задачи будут допустимые минимальные и максимальные объемы производства каждого предприятия и стоимости пе-

ревозки продукции к местам потребления. В результате можно определить размеры производства для каждого заданного пункта. Причем это будут размеры, которые при полном удовлетворении нужд потребления обеспечат минимум затрат на производство и перевозку продукции потребителям.

Такая комплексная задача встает при составлении перспективных планов развития народного хозяйства на 10—20 лет.

И ШВЕЦ И ЖНЕЦ...

Как ни грандиозны задачи, о которых уже говорилось, применение кибернетики на транспорте ими не ограничено. И мы постараемся об этом рассказать.

Не правда ли, для того чтобы утром решить, как лучше одеться, вы внимательно слушаете прогноз погоды? Точно так же на железной дороге необходим прогноз вагонопотоков. Зная, сколько завтра пройдет грузовых вагонов, куда они следуют, порожние они или груженые, мы сможем заранее определить нужное количество локомотивов, локомотивных и поездных бригад, составить точные планы работы и т. д.

Составление прогноза вагонопотоков чрезвычайно облегчается с применением электронных вычислительных машин. Вот что показали опыты, проведенные на Свердловском железнодорожном узле. Для вычисления трехсуточного прогноза подхода вагонов к этому узлу нужна одновременная двухчасовая работа 60—70 опытных расчетчиков. Электронная вычислительная машина «Стрела» выполняет тот же расчет за полтора часа.

Как это делается? Допустим, прогноз надо составить на трое суток. Собираются данные о вагонах на всех станциях и участках вокруг узла, расположенных на расстоянии трех суток хода от него. Учитывается среднее время хода от каждой станции до узла. Вся эта информация сортируется и суммируется электронной вычислительной машиной. И машина выдает точный прогноз.

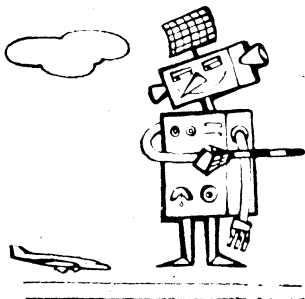
...Вы, конечно, наблюдали на сортировочных станциях такую картину: маневровый паровоз толкает вагон, тот катится сам к группе других вагонов и все набирает скорость... Гудят рожки стрелочников, раздаются свистки, и вот какой-то человек приближается к рельсам, кладет на них так называемый «башмак», отскакивает перед надвигающимся вагоном. Башмак тормозит движение вагона...

Это формируется поезд.

На всех крупных железнодорожных станциях имеются специальные устройства — сортировочные горки. Они располагаются в начале группы сортировочных путей. Каждый путь предназначен для накопления вагонов одного назначения. Для того чтобы сформировать поезд, на соответствующий сортировочный путь с такой горки и надо скатывать вагоны.

Скорость их необходимо регулировать, чтобы обеспечить между идущими вагонами интервалы, нужные для перевода стрелок, ведь вагоны разбегаются на разные пути. А в конце горки скорость должна быть такой, чтобы скатывающийся вагон не повредил остальные, те, что уже стоят на пути. Для регулирования скоро-

сти на горке установлены вагонные замедлители. Оператор, управляющий замедлителями, должен рассчитать степень торможения, учитывая вес идущего вагона, его скорость, состояние погоды и расстояние, которое нужно пройти вагону до формируемого поезда. Расчеты получаются довольно сложными, а время на их выполнение (вагоны ведь идут один за другим) составляет лишь несколько десятков секунд. И естественно, рассчитать точно оператор не может. Поэтому для исправления его ошибок вагоны окончательно тормозятся вручную, тормозными башмаками. Значит, приходится держать дополнительных работников, труд которых опасен.

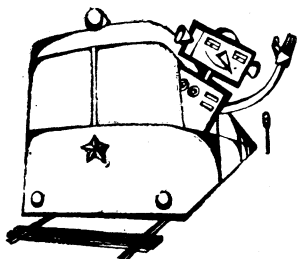
На помощь приходит ЭВМ. На станции Лосиноостровская под Москвой испытывается система автоматической сортировки вагонов на горке. Вычислительные устройства этой системы, получая от фотоэлементов, электронных весов, взвешивающих вагон за десятые доли секунды, и других датчиков необходимые сведения, рассчитывают, какой должна быть скорость выхода вагона. При движении по замедлителю радиолокационные скоростомеры определяют фактическую скорость вагона.

По результатам сравнения фактической и расчетной скоростей определяется величина тормозного усилия замедлителя.

...По широкой бетонной полосе, делая разбег перед взлетом, мчится серебристый воздушный лайнер. Эти секунды — одни из самых сложных в полете. Летчик должен знать точно, когда прекратить разбег, если оставшаяся длина взлетной полосы недостаточна. Сигнализация осуществляется при помощи огней, установленных вдоль полосы. При нормальном разбеге огни зеленые. Загорелись красные — взлет немедленно прекратить!

Сигнальными огнями управляет ЭВМ. Перед взлетом оператор ввел в нее данные о типе, весе и расположении самолета на полосе, а во время разбега автоматически вводится информация, характеризующая скорость, ускорение, положение самолета и атмосферные условия. ЭВМ непрерывно для каждого положения самолета рассчитывает на основании полученной информации нужную длину разбега, сравнивает ее с оставшейся длиной взлетной полосы и по результатам расчета и сравнения управляет сигнальными огнями.

...Мы с вами в кабине машиниста пригородного электропоезда. Бесконечной лентой бежит железнодорожный путь. Вот вдали показалась станция. Пора тормозить, но машинист спокойно наблюдает за показаниями приборов. Плавно снижается скорость, и

точно у платформы электропоезд останавливается. Вышли и вошли пассажиры, электричка трогается и вновь набирает скорость без вмешательства машиниста. Так действует установка «автомашинист», сердцем которой является электронная управляющая машина.

Установка не только облегчает труд человека. Еще важнее другое: автоматическая система ведет поезд наиболее экономично — своевременно и эффективно используя различные режимы работы тяговых двигателей.

Опытные поездки с использованием автомашиниста показали, что экономия электроэнергии будет в данном случае составлять 5—7 процентов.

Создание установок, подобных автомашинисту, возможно и для самолетов, судов, автомобилей. Эти машины будущего не только заменят и облегчат действия человека, но и безошибочно выберут наиболее выгодный режим движения — в зависимости от изменяющихся атмосферных условий и нагрузок транспортных единиц.

...Все больше поездов будут идти по железным дорогам страны, и вес их увеличивается, скорости тоже. И, конечно, все сложнее управлять совместными передвижениями этих поездов.

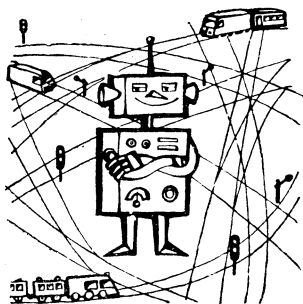
Электронные вычислительные машины на основании данных о подходе поездов к определенному участку составят наилучший план их пропуска по участку, план, при котором количество остановок для пропуска встречных поездов или для обгона пассажирскими поездами будет минимальным. Этот план машина-диспетчер отпечатает в виде расписания движения каждого поезда по участку. Такой план, как показали опыты, уже сокращает время следования поездов по участкам более чем на 5 процентов.

А в ближайшие годы (исследования в этом направлении уже ведутся) будет создана машина-диспетчер, которая сможет не только давать советы человеку, как лучше пропускать поезда, но и управлять стрелками и сигналами на станциях участка. Иначе говоря, не только давать план, но и осуществлять его.

Вот сколько работ может и будет выполнять электронная машина на транспорте. Как говорится, «и швец, и жнец, и на дуде игрец».

* * *

Мы, конечно, не возьмем на себя смелость утверждать, что перечислили все возможные стороны применения кибернетики на железных, шоссейных, водных и воздушных дорогах страны. Скажем прямо: рассказ об имеющихся примерах и перспективах применения ЭВМ и кибернетических принципов на транспорте может быть продолжен. Кибернетика, электроника, линейное программирование — очень молодые отрасли науки и техники. Им всего около двадцати лет. И области их применения множатся и расширяются очень быстрыми темпами.

НЕРВЫ ИЗ МЕТАЛЛА

Часто приходится слышать выражение: «У этого человека железные нервы». Это фраза не имеет буквального смысла. Ведь нервные волокна — одна из тончайших «деталей» человеческого организма. Ничто не может их заменить. Так думали до недавнего времени.

...В комнату вводят нескольких собак. Они громко лают, прыгают, встают на задние лапы, виляют хвостом. Словом, ведут себя, как обычные собаки. И все-таки перед вами — явление необычайное. Ведь у этих собак участки седалищных нервов заменены металлом!

Замена нерва произведена членом-корреспондентом Академии медицинских наук СССР Б. В. Огневым в лаборатории электронного зрения кафедры оперативной хирургии и топографической анатомии Центрального института усовершенствования врачей. Сейчас в лаборатории Б. В. Огнева сделано 36 таких операций на 30 собаках. Удалось вживить электрод и в зрительный нерв. При этом животное не утратило способности видеть. На следующем этапе этого опыта нерв между концами вправленного электрода пресекут — и ученые посмотрят, будет ли электрод проводить биотоки... Выражение «железные нервы» обрело под собой реальную почву. Перспективы использования этого открытия в медицине очень широки.

ГОВОРЯЩАЯ ТРУБКА

Врач еще раз внимательно осмотрел горло больного, наконец, выпрямился и сказал ассистентам что-то поллатыни.

— Оставьте это... — прервал его больной. — Я знаю латынь и понял свой приговор...

— Ничего вы не поняли! — вспыхнул врач. — Это не приговор, а диагноз. В наше время слово «рак» — это еще не значит смерть. И я вам даю честное слово... Но... после операции вы навсегда потеряете голос.

Прошло много месяцев с тех пор. Давно уже выпит-сался из больницы Александр Кукуджанов, и уже ни один анализ не показывал у него даже намек на рак. Но голос... Голоса не было.

Кукуджанов не сдался. Он начал искать средство, чтобы вернуть себе дар речи. Но как это сделать, если нет голосовых связок?

Кукуджанов выписывал новейшую литературу по интересующим его вопросам, но ответа не находил. Ведь искусственное горло создать невозможно. Тогда он решил идти другим путем: использовать возможности артикуляции человека.

Когда человек произносит звуки, внутри его рта в зависимости от положения языка, зубов и губ меняется столб воздуха. А что, если эти изменения усилить в сотни, тысячи раз?..

На помощь пришли последние достижения электроники. Усилитель на вакуумных лампах был громоздок. И Кукуджанов построил говорящий аппарат на полупроводниках. Небольшие триоды были вмонтированы в крошечную шкатулку. У самого рта помещался особый микрофон. И вот — первые слова, невнятные, какие-то механические, без оттенков человеческого голоса, но все-таки слова...

Однако и этого Кукуджанову было мало. Он смонтировал аппарат в обычной курительной трубке. Достаточно взять в рот мундштук трубки и сделать несколько движений ртом и языком, чтобы явственно слышался нормальный и ясный человеческий голос, вполне понятная речь. Усилитель свободно размещался в кармане.

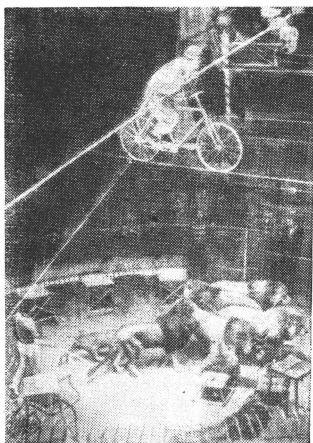
Пройдет немного времени, заводы наладят массовый выпуск «говорящих трубок».

КОСМИЧЕСКИЙ МИНЕРАЛ

Весной этого года геологи сделали интересное открытие. Ими обнаружен и исследован минерал, имеющий чрезвычайно важное значение для народного хозяйства. Он был найден в виде включений в гранитные массивы. Его открытие было заранее предсказано в лабораториях ученых.

В честь летчика-космонавта Юрия Гагарина новый минерал назвали гагаринитом. Под этим именем он войдет во все каталоги и справочники мира.

Гагаринит — источник целого ряда ценных элементов. Более чем на половину он состоит из элементов группы «редких земель». Эти элементы широко используются во всех новейших отраслях современной промышленности и смогут войти составной частью в ответственные детали будущих межпланетных кораблей. Можно сказать, что гагаринит — космический минерал.

ОБЕСЦЕНЕННАЯ ЖИЗНЬ

Артист цирка, который без колебаний рискует жизнью на потеху буржуазной публике, не останется без работы. Это на основе собственного опыта хорошо знает один из канатоходцев Западной Германии — Пио Нокк.

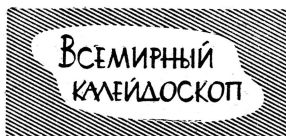
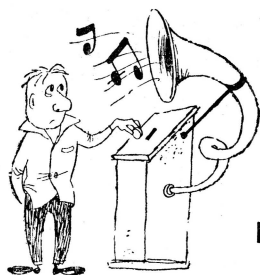
Он исполняет свой цирковой номер — без сетки! — над клеткой со львами. Надо думать, что львов предварительно досыта кормят и заранее приучают к обществу Нокка. Но даже в этом случае во время каждого выступления артист играет со смертью.

Опасно само падение. Кроме того, нельзя рассчитывать, что львы, несмотря на присутствие дрессировщика, гостеприимно отнесутся к постороннему человеку, упавшему в клетку. Опасность усилится, если Нокк при падении будет ранен и львы почуют запах крови.

ЦВЕТНЫЕ ДОРОГИ

Американские эксперты решают интересную проблему: как преодолеть усыпляющее воздействие на водителей однообразно серых автострад и снизить, таким образом, количество автомобильных катастроф? Найдено простое и оригинальное решение: покрыть автострады асфальтом различных цветов. По мнению экспертов, это украсит пейзаж, и, кроме того, цвета могут служить своеобразными дорожными знаками. Например, желтая автострада указывает на ограничение скорости, синяя — предупреждает о крутых виражах, а красная — о пешеходах.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ МОМЕНТ

Человеколюбивые деятели налогового управления Лос-Анжелоса установили у входа в управление автоматическую музыкальную шкатулку. Каждый налогоплательщик, опустив туда монету, может расставаться со своими деньгами под бодрую джазовую музыку или под романтическую песенку о том, как тщетны заботы земные...

Кто после этого скажет, что платить налоги неприятно?

АЙСБЕРГ НА БУКСИРЕ

Океанографический институт в Калифорнии собирается отбуксировать из Антарктики в Лос-Анжелос... айсберг. Гигантская ледяная глыба имеет такие размеры: высота (над водой) — 300 метров, длина — 30 километров, ширина 1100 метров. Айсберг проделает путь примерно в 16 тысяч километров и, как предполагается, в течение года будет снабжать питьевой водой южную Калифорнию.

Курьер на колесах

У Беверли Свини из города Хартфорда (США) самая обычная профессия: она курьер. И миниатюрные тележки с моторчиком для нее не развлечение: они экономят время, которое курьеру придется тратить в путешествиях по городу и по длинным коридорам учреждений.

Мотор, приводящий в движение одну из тележек, находится за спиной курьера и запускается левой рукой. Сцепление и регулирование скорости осуществляется правой рукой. Пользуясь этим средством передвижения, Беверли Свини развивает на улицах скорость до 20 километров в час.

В. АМПИЛОВ,
В. СМИРНОВ

Рисунки П. КИРПИЧЕВА

КОНЕЦ САШКИ БОЙКА

Роберт решил разделить подпольщиков на две группы. Бойцы первой группы — военнопленные Василий Багмут, Кузьма Тертычный, Вася Савченко, Толя Черноскутов и сам Сосновский — должны были привести в исполнение приговор подпольного суда. Второму отряду, комсомольцам Шурика Клишко, предстояло выполнять диверсионные работы на станции. Если провалится первая группа, думал Роберт, партизаны не останутся без своих людей на железной дороге.

Никогда еще он не чувствовал такой ответственности за судьбы доверившихся ему людей, как в те летние дни 1942 года. Бессонными ночами он обдумывал план предстоящих операций. Постепенно разрозненные наблюдения соединялись в одно целое. Так возникло решение.

Из дневника Роберта. «Как-то после случая с Холевинским один из подручных Сашки Бойка, главаря охранников, вызвал меня к своему атаману. Сашка встретил меня, как давнего при-

Окончание. Начало см. в № 5.

ителя. Глядя на меня пьяными, недобрыми глазами, он принялся ругать своих хозяев. Они, мол, фрицы, взяли на себя слишком много. Их дело — «освободить» страну и уничтожить коммунистов. А командовать страной (он так и сказал — «командовать») должны, мол, «патриоты». Такие, как он. Со временем, сказал он, так и будет.

Людям к лицу
СОПАСНОСТЬЮ

— Окончится заваруха, наладим новую жизнь, — болтал Сашка. — Получим землю, а может, в правительство войдем.

Он явно хотел купить меня. Я уже догадался, в чем дело.

— Трудно мне, Сосновский! По-ихнему я не понимаю. Бормочут, а черт их знает, о чем. То ли хвалят, то ли сговариваются по шее двинуть.

Охранник хлопнул меня крепкою рукою по плечу, допил стакан.

— Вот что, айда ко мне в батальон. Будешь, как за стеной. Я тебе помогу. Ну, а ты мне подсобляй. Парень ты башковитый и с немцами умеешь себя держать.

Разговор кончился неопределенным соглашением. Я сказал, что подумаю, а Сашка обещал никому не говорить об этой встрече. Этот атаман, ненавидящий «интеллигентов и жидов», с его недоразвитым умишком не был лишен практической сметки. Чутье подсказывало, что ему нужен расчетливый пособник. Говорят, акулы не могут жить без поводырей — лоцманов. Так было и с Сашкой. Я повел игру с охранником.

На станции поговаривали, что в скором времени ожидается свадьба атамана...

Приближался день свадьбы охранника, и Сосновский заявил Сашке о своем согласии вступить в батальон. Охранник обрадованно похлопал своего будущего адъютанта по плечу:

— Можешь выбрать на складе самое лучшее обмундирование. Там с красных офицеров галифе лежат.

Роберт познакомил Сашку со своим приятелем Василием Савченко, украинцем из Днепропетровска, «страстно желавшим служить в охранных войсках». Сашка сказал, что всегда рад землякам, и, как ожидал Сосновский, пригласил их на свадьбу. «Будет гулянка человек на сто или на двести», — расхвастался охранник.

Если бы подпольщикам удалось обезопасить свои «тылы», обеспечить алиби на случай расследования, приговор можно было привести в исполнение на свадьбе, в пьяной кутерьме. И тут Роберт вспомнил о Петере, солдате баншуща. Многие в поведении солдата говорили, что в его лице подпольщики приобрели настоящего друга. Роберт не забыл эпизода с экстренным поездом, о котором рассказал Шурик. Конечно, не было случайностью то, что Петер сообщил о поезде русским рабочим. Он догадывался, что среди них должны быть подпольщики, и нашел верный путь, чтобы предупредить их, не выдав себя.

Сосновский от имени Сашки пригласил Петера на свадьбу. Немец скептически улыбнулся и недоуменно пожал плечами, но

после уговоров согласился. Так был заключен союз между немецким солдатом и подпольщиком*.

Свадьба состоялась в бывшем актовом зале лидской средней школы, превращенной охранниками в казарму.

Из дневника Роберта. «Петер, сидевший рядом со мной и Савченко, оказался в роли свадебного генерала. Кроме него, немцев на «семейном торжестве» охранника не было — немцы брезговали обществом своего холоуя. Сашка был доволен, что у него в гостях «настоящий германец». Он то и дело подходил к ним и провозглашал тосты. Пили за Гитлера, за Германию, за Россию, за Украину, за гебитс-комиссара и за жениха. Через час в зале не осталось ни одного трезвого.

Свадьба превратилась в дикий разгул. Охранники с пьяными ужимками и присвистом танцевали гопака. Они избили оркестрантов, приведенных из гетто, и затеяли драку между собой. Лидские барышни завизжали, когда раздалось несколько выстрелов. Посыпалась штукатурка с потолка, осколки разбитой пулей лампы. По залу забегали лучи карманных фонарей. Я заметил, как Сашка, шатаясь, вышел из зала. Мы с Савченко двинулись вслед за атаманом, переступая через спящих. Никто не остановил нас, не окликнул. Мы медленно шли по темному коридору за Сашкой. Охранник вышел во двор казармы. Ночь была темная и дождливая. Возле уборной Сашка обернулся и промычал:

— А веселая у меня свадьба!..

Это и были его последние слова. Вася Савченко оглушил его могучим ударом кулака... Через две минуты мы вернулись в зал. Долгое время никто не беспокоился о командире. Лишь спустя полчаса в зале раздался истошный крик:

— Партизаны! Убили!

Поднялся переполох. Прогремела очередь, выпущенная из окна по чьим-то теням. Я тихо сказал Петеру:

— Хорошо, что никто из нас не выходил отсюда.

Петер понимающе кивнул:

— Да, никто из нас не выходил».

Савченко и Сосновского вызывали в комендатуру, допрашивали. Но вскоре отпустили. Петер подтвердил, что ни Роберт, ни Савченко не отходили от него ни на минуту. У полицейских, отнесшихся с уважением к свидетельству немецкого солдата, не возникло никаких сомнений в невиновности Сосновского. Убийство предателя приписали партизанам, якобы проникшим во двор казармы. Встретившись с Шуриком, Роберт спросил у него, что говорят в городе о свадьбе атамана.

— Знаешь, Роберт, все радуются. Вот бы, говорят, и других немецких прихвостней. У нас и листовка готова.

И Шурик прочитал текст новой листовки:

— «Товарищи! Кара партизан обрушилась на голову прокля-

* Любопытно сложилась в дальнейшем судьба Петера. Он оказал немало услуг подпольщикам и, сбежав из фашистской армии, ушел в лес, к партизанам. После войны Петер остался в Лиде и работал шофером в районном отделении милиции. Спустя несколько лет он вернулся к себе на родину, в ГДР (прим. авторов).

того предателя. Не уйдут от расплаты иуды. Их не защитят немецкие штыки. Пусть они дрожат от страха! Все на борьбу с ненавистными захватчиками!

Товарищ, товарищ, берись за ружье,
Фашист посягает на счастье твое,
Пусть пуля твоя уничтожит врага,
Пусть будет Отчизна тебе дорога.

Да здравствует наша Советская Родина! Смерть фашистским оккупантам!»

— Хорошая листовка. Кто сочинял?

— Это Толик, — с гордостью сказал Климко. — Он у нас еще в школе стихи писал.

— Жалко, но стихи придется выбросить... Ведь по ним можно догадаться, кто писал. У вас небось каждый в слободке знает, что Толик пишет стихи.

— Про него так и говорят — «сочинитель».

— То-то и оно... Пора нам, Шурик, выпускать листовки со сводками Совинформбюро.

— Радиоприемник нужен.

— Постараемся найти.

Петр Жуков, который в ближайшее воскресенье ожидал Сосновского на рынке, в ответ на просьбу подпольщика подыскать радиоприемник, почесал затылок и хитро посмотрел на Роберта.

— Есть кое-что на примете.

Шепотом добавил:

— Пускай кто-нибудь из ваших пойдет к Андрею Онацко. Его Мотя Наказных знает... Он сможет достать приемник.

Роберт, конечно, догадывался, что его группа не единственная подпольная организация в городе. Жукову были известны адреса многих явочных пунктов, но конспирация не позволяла ему делиться с Сосновским этими сведениями. Только летом 1943 года, после ухода к партизанам, Сосновский узнал, как широка и действенна была сеть молодежных подпольных групп, руководимых горкомом партии.

ПОЖАР В ДЕПО

— Товарищ Роберт, приходили с обыском.

Хозяйка квартиры, Александра Иосифовна, была встревожена, да и Роберт при этом сообщении почувствовал легкий холодок. Неужели добрались?

Сосновский расспросил хозяйку, кто приходил. Александра Иосифовна ответила, что четверо, двое в черном и двое в голубом, с бляхами на груди — шуцманы и жандармы. Перерыли вещи в шкафах, заглянули на чердак и ушли.

— А у соседей были?

— Были.

У подпольщика отлегло от сердца. Значит, ходили с повальной. Если бы вели целеустремленный поиск, то копались бы в вещах по-настоящему. Должно быть, фрицы были встревоже-

ны диверсиями на станции. Магнитные мины снова стали поступать от партизан.

В этот вечер Сосновский сидел дома. Александру Иосифовну попросил вывесить в садик одну из простыней — знак того, что день «неприемный». Хозяйка, которая догадывалась о настоящих занятиях своего жильца, выполнила просьбу и накрепко заперла двери. Ночь прошла спокойно. На следующий день Роберт рассказал Шурику об обыске и сообщил, что на несколько дней он «выходит из игры». Надо было все-таки выдержать карантин. Не стоило зря рисковать, в особенности теперь, когда готовилось покушение на коменданта лидской полиции Брутта.

— Хорошо, товарищ Роберт, — сказал Климко. — Мы вас поддержим.

Смысл его слов Сосновский понял лишь ночью, когда зарево гигантского пожара внезапно озарило окна. Роберт выбежал на улицу: да это вагонное депо горит! И тут он вспомнил улыбку Шурика: «Мы вас поддержим». Так вот что означали эти слова!

Потом Шурик говорил Сосновскому: «Вы сказали, что будете сидеть дома, вот я и надумал устроить большую диверсию. Немцы сразу поймут: вы здесь ни при чем».

В этом поступке весь Шурик, замечательный подпольщик, верный друг. Такой уж он был, Шурка. Временами он становился похожим на своего любимца Леньку Холевинского, выдумщика, шалопая и храбреца.

Климко был простым и скромным парнем. Он, наверно, рассмеялся бы, если бы ему сказали, что он совершает геройские поступки. «Да ну тебя к лешему, — сказал бы Шурка. — Не ерунди». Если кто-нибудь затрагивал то, что он считал глубоко своим, личным, Шурка прибегал к нарочито грубому: «Не ерунди». Однажды Сосновский спросил у друга, есть ли у него зазноба среди лидских девушек.

— Не ерунди ты, — засмеялся Шурка. — Время военное. Давай-ка лучше споем.

И, взяв гитару, запел. Голос у него был ясный, по-юношески звонкий. Особенно любил он петь одну бесхитростную и жалостливую народную песню:

Товарищ, товарищ, болят мои раны,
Болят мои раны, болят..

Роберт и не догадывался тогда, что Шурик и Маша Костромина любят друг друга. Узнав, что Машу зовут невестой Климко, Сосновский еще похвалил его за выдумку, с помощью которой Шурику удалось обмануть шефа и раздобыть для Маши пропуск в депо. А ведь она была действительно его невестой, возлюбленной. Но не только Сосновский — многие не знали об их любви, стыдливо оберегаемой от вмешательства посторонних. Такой уж он был, Шурка, девятнадцатилетний слесарь...

Вагонное депо, новостройка, было гордостью железнодорожного шефа. Гигантский цех, длиною в четыреста метров, мог вместить целый состав. Металлический каркас депо плотники обшили досками: немцы начали выкладывать каменный корпус, да передумали, решили ускорить строительство. В депо доставили новейшие станки из Германии, Чехословакии, Франции. В новом депо уже заканчивали монтаж оборудования. Кукелко, каждый

день навешавший стройку, готовился к торжественному дню открытия.

На площадке, рядом с депо, грудой лежали ящики с инструментами и деталями станков. Толя Качан вместе с другими грузчиками носил ящики в новый вагонный цех. Он незаметно сунул в один из ящиков две канистры с керосином и, взвалив его на плечи, пронес мимо часовых в вагонное депо.

Ночью Шурик и Толя залегли у проволочного ограждения, напротив входа в новый цех. Ждали сигнала. На другой стороне депо, в четырехстах метрах от них, Ленька Холевинский должен был провести «разведку боем», отвлечь внимание охранников.

Вот вспыхнул луч карманного фонарика, раздался тонкий мальчишеский голосок, загремел железный лист, который Ленька бросил на проволоку. Часовые, клацая затворами, побежали вдоль депо на шум. Шурик и его приятель подлезли под проволоку, пригнувшись, скользнули в ворота депо. Там, в темноте, отыскали ящик с канистрами. Вылили керосин на грудку опилок и щепок у стены. Насыпали пороховую дорожку. Весело пополз огонек по дорожке. Снова — под проволоку, оттуда ползком по картофельному полю, по огородам. Оглянулись, сквозь щели в стенах депо засветилось желтое пламя. Вот оно лизнуло стенки, и враз вспыхнули, затрещали высушенные летним солнцем доски.

Звуки тревоги, звон колокола, рев тяжелых пожарных машин. Ночь была ветреная, доски пылали жарко — через три часа от депо остались груды обгоревшего железа да пепел.

ПРИГОВОР ПРИВЕДЕН В ИСПОЛНЕНИЕ

Из дневника Роберта. «Брутт... Его дом всегда наполнен полицейскими. Комендант труслив. Ночью заставляет шуцманов дежурить у дома. Говорят, у него бывают приступы панического ужаса. Страшит предателя партизанская месть. Он очень набожен, этот трус. По воскресеньям регулярно посещает костел. Случается, ходит туда в одиночку, надев «цивильное», гражданское платье. Брутт, как и многие здешние немцы-колонисты, католик.

Костел, костел... Только здесь мы можем казнить этого полиция.

Я представляю высокие своды костела, полумрак, терракотовые фигуры святых. Выстрел раздастся здесь гулко, как оружийный залп. Все бросится к выходу. Начнется паника. Вместе с толпой — на улицу. Людское море растворит тебя. Потом — тихая улочка, сады, заборы. План рассчитан неплохо. И все-таки... Нет, я не могу стрелять в костеле. Не могу оскорбить верующих. «Не убий в храме господнем...» Нет, это не сентиментальные переживания. Я не могу оскорбить их чувства. Я знаю, они простят мой «грех». Они ненавидят Брутта так же, как и я. И все-таки не могу. Пусть фашисты заводят лошадей в храмы, сдирают иконы и стреляют в мадонн. Они считают себя верующими! Мы, убежденные безбожники, человечнее и умнее.

Посоветовавшись, мы с Савченко решаем привести приговор

в исполнение не в костеле, а у выхода, на улице. Это увеличивает опасность, но мы идем на риск».

В воскресное утро Александра Иосифовна достает из сундука коверкотовый плащ — довоенное мужнино богатство.

— Роберт Юрьевич, вы просили найти что-нибудь понаряднее.

Роберт надевает плащ, шляпу — теперь, кроме ботинок, ничто не выдает в нем военнопленного. Александра Иосифовна, вздыхая, приносит откуда-то черные лакированные туфли:

— Эти подойдут?

Вася Савченко, наблюдая, как переодевается Роберт, смеется: — Тросточку — и хоть в Берлин.

Вася тоже нарядился, но попроще. Куртка, галифе полувоенного покроя, сапоги — зажиточный крестьянин, захвативший в город навестить родственников. Вася должен неотступно следовать за Сосновским. «Подстраховка» — простейший тактический маневр. Так идут альпинисты в гору, связавшись одной веревкой, так — ведомый за ведущим — летят в небе ястребки.

Хозяйственный Савченко положил в карманы галифе две гранаты. В ответ на замечание Сосновского, что не нужен лишний груз, Вася, почесав затылок, меланхолично ответил:

— Да я все-таки захвачу. Разве ж она помешает, граната?
— Запасливый ты хоход, — рассмеялся Сосновский. — Кончится война, завхозом возьму.

В старинном костеле сумрачно и холодно. Тусклый, призрачный свет, пробиваясь сквозь цветные витражи, освещает преклоненные, сгорбленные фигуры. Белым пятном выделяется рыхлое лицо ксендза. Прямо перед ксендзом — комендант полиции Брутт. Он неспешно перебирает четки, шевелит губами, вознося господа молитвы. Роберт сжимает теплую рукоятку пистолета. Скорее бы этот лицемер, убийца вышел отсюда на свет, на ступеньки!

Служба окончена. В двух шагах позади Брутта идет к выходу Роберт. Савченко держится в стороне. Он следит за каждым, кто может кинуться на помощь коменданту.

Яркий свет осеннего солнца. Улица заполнена народом, растекающимся по тротуарам и мостовой. Кургузый, коротконогий Брутт неловко спускается со ступенек. Его широкая спина, плотно обтянутая мундиром, теперь как раз перед Сосновским.

Роберт стреляет из кармана плаща, в упор. Два раза резко и сухо лает автоматический «вальтер». И тут — неожиданность. Люди не разбегаются в панике. Они стоят вокруг упавшего Брутта, молча разглядывая ненавистного полицая. Роберт и Савченко проходят сквозь толпу. Живой коридор тотчас смыкается за ними. Их выпускают из круга, их прячут от полицейских. Патруль, бросившийся на выстрелы, рвется сквозь сомкнутые ряды, но шущманов задерживает сопротивление толпы. В несколько минут площадь и улицы облетела весть: «Брутта убили!» Город приходит в движение. Все бегут к костелу, чтобы увидеть картину справедливого возмездия. Люди, не снимая шапок, смотря на тело предателя. Голоса:

— Собаке и смерть собачья.

— Дождался кары, иуда!

Полицейские хватают всех, кто попадает под руку. Тут же допрашивают. Но, оказывается, никто не видел стрелявших. «Было слышно, пан полицейский, два раза стрельнули, а кто стрельнул, разве ж я видел?»

ДОРОГА В ГЕТТО

Из дневника Роберта. «Моя вторая зима в Лиде... Она начинается несчастливо. Жуков сообщил о смерти Радецкого. Жизнь комиссара оборвала случайная пуля. Это тяжелая потеря. Временами я получал от Радецкого короткие, ободряющие записочки с советами. Спокойнее жилось, когда рядом был опытный старший друг, настоящий коммунист. И вот Радецкого не стало.

Беда не ходит в одиночку. Вслед за известием о смерти Радецкого — новая страшная новость. Погиб Толя Черноскутов. Ночью он пробирался к станции, и на болоте, у самой железной дороги, его заметил патруль. Полицай крикнули. Толя побежал по болоту к станции. Полицай начал стрелять в темноту. Утром Толю нашли на болоте рабочие. Хоронило Черноскутова все депо. Вместе с нами шли Буба и Петер. У могилы начальника угольного склада сказал, что Черноскутов был аккуратным

и толковым рабочим и очень печально, что он погиб по неосторожности. Я тоже сказал несколько слов. Жаль, что я не мог рассказать, как Черноскутов расправился с Вальтером, Сулимой и бургомистром города Пинкевичем.

..Этой зимой партизанское командование дает нам новое важное задание. Мы начинаем переправлять в леса горожан и военнопленных. Домик Клишко превращается в пересыльный пункт. К Шурику мы посылаем проверенных людей, тех, кто твердо решил идти в партизаны. Из дома Клишко лежит прямая дорога в лес. Ночами Шурик отводит группы добровольцев в деревни Горны, Скамин Бор, Яманты и на Липечанскую пушу. Там подпольщика ждут партизаны. Первая группа добровольцев состоит из пленных, работавших на железной дороге. В лес уходят Вася Трифонов, тот самый, которого за шепелявость прозвали «Шемь-ошемь», уходят «три Николая» — Вдовиченко, Тимошенко и Полторака.

Восемьдесят человек переправляет Шурик к партизанам.

В феврале немцы объявляют траур. Их разгром на Волге — для нас величайший праздник. Мы по-своему откликаемся на событие. Шурка вместе с Ленкой Холевинским пробираются на бензосклад и цепляют к бакам магнитные мины. Так мы устраиваем праздничную иллюминацию в честь исторической битвы на Волге.

Через месяц Шурик получает новое задание — эвакуировать в лес евреев, бежавших из гетто. Этому заданию предшествуют особые обстоятельства.

Очередная встреча Жукова с Робертом произошла на квартире слесаря Онацко. Партизанский связной по-прежнему шеголял в наряде хуторянина. Он еще продолжал числиться докудовским старостой. С улыбкой рассказывал о пережитом недавно волнении. На окраине Лиды Жукова задержали фельдшандармы. Немцы извлекли из его карманов две дюжины сигаретных пачек. Эти невиданные сокровища Жуков нес в лес — обрадовать партизан.

— Пан, я есть спекулянт, — торопливо принялся объяснять связной. — Спекулянт. Гешефт. Ферштейн?

— А... гешефт, — понимающе кивнул немец и, разделив сигареты, вернул Жукову его долю.

— Вот он, твой немецкий гешефт, — жаловался Жуков Роберту.

От шуток перешли к делу. Не случайно при разговоре присутствовал старый слесарь. В деле, которым занялся Жуков, он был первый советчик.

— Горком партии будет выпускать в лесу свою газету. — объяснил Жуков. — Название как до войны — «Вперед». Вопрос один — где достать шрифт?

Дядя Андрей покряхтел.

— Наборщики все в гетто. Я слышал, есть у них шрифт. Спрятали. Был в типографии метранпаж Фельдон. Хороший человек. Его бы отыскать в гетто...

Несколько тысяч евреев проживали до войны в Лиде. Немцы в первый год оккупации выселили их на окраину, в унылую местность, которая называлась «Пески». Район гетто обнес-

ли колючей проволокой. Днем население еврейских кварталов под конвоем полицейских выводили на работы. Худые, оборванные жители гетто нестройными колоннами каждое утро шли по улицам Лиды.

Всю зиму одну из колонн водили на станцию чинить пути. Роберт во время ремонтных работ познакомился с переводчиком гетто Янкелем Двилянским. Высокий, бородатый Янкель, когда-то готовившийся стать раввином, бродил по путям с книгой, задрав бороду к небу. Полицейские считали, что он «не в себе».

— Слушай, товарищ, можно попасть к вам в гетто?

Переводчик строго посмотрел на Роберта сквозь очки.

— Пан, наверное, сумасшедший, — сказал он.

— Мне там одного человека нужно увидеть.

— Если пан хочет войти, он, наверное, захочет и выйти.

— Конечно.

— Тогда пусть возьмет что-нибудь подарить полицейским — марки или вещь. Я научу пана.

Спустя несколько дней, когда Янкель уже звал Роберта не паном, а товарищем, подпольщик, нацепив на свою шинель ярко-желтую шестиконечную звезду, незаметно скользнул в колонну рабочих из гетто и зашагал рядом с Янкелем. Новые знакомые Роберта плотно окружили его и провели через ворота гетто на «Песках».

В доме Фельдона сошлись друзья бывшего наборщика: Янкель Двилянский, сестры Маша и Роза Шелахович и Давид Орлюк, кадровый военный, «первый и последний еврей, получивший офицерское образование в панской Польше». Так представил Давида Фельдон.

В гетто Сосновский пришел только за шрифтом, но теперь он понял, что должен вывести этих людей к партизанам. Отрезанные колючей проволокой от всего света, они каждый день терпели неслыханные издевательства. То и дело в гетто врывались отряды полицаев и жандармов, грабили, насиловали, убивали. За жизнь евреев «блюстителю закона» не несли никакой ответственности.

— Вот что, товарищи, — сказал Роберт, — организуйтесь по звеньям, человек по десять-двенадцать, и мы начнем эвакуировать вас в лес, к партизанам. Оружие раздобудем.

При тусклом свете лампы Сосновский и Фельдон составили план эвакуации гетто. Гриша Фельдон, рослый, плечистый парень, обещал вывести из гетто первую группу.

— Наши ребята доставят вас прямо в лес, — объяснил Сосновский.

Фельдон кивнул.

— Хорошо. Давид возьмет на себя военную организацию группы. А шрифт мы, товарищ Роберт, достанем. Он у нас спрятан в надежном месте. Только как его вывезти?

Орлюк нашел выход:

— Возьмем швейную машину, вытащим механизм и в середину положим шрифт. Часовой разрешит вынести машину, если заплатит. Скажем — для продажи.

Роберт, переночевав в гетто, вместе с колонной прошел на станцию. Теперь ему предстояло найти Руцкого, известного в Лиде «вольного коммерсанта».

„ВСТАТЬ ПЕРЕД ОФИЦЕРОМ!“

Второй раз Сосновский отправился в гетто вместе с Руцким в его санках, запряженных гнедой лошадкой. Иван Михайлович Руцкий был интересной и довольно характерной фигурой для Лиды тех лет. Торговлей он занимался давно, без конца что-то покупал и перепродавал. При заполнении анкет в графе «род занятий» гордо ставил два слова: вольная коммерция. Таких коммерсантов в Лиде при панской Польше было много, пожалуй, больше, чем рабочих, — ведь город не был тогда индустриальным. Это торговое племя отличалось бедностью и жило главным образом привязанностью к своим торговым занятиям. Руцкий часто разъезжал по окрестным селам, скупая всякое барахло, и, случалось, под ворохом сена в своей таратайке привозил подпольщикам пачки листовок или мины. Он помогал партизанам, не забывая при этом и своих интересов «вольной коммерции».

И теперь, когда Сосновский, разыскав Руцкого, сообщил о выгодной сделке — покупке зингеровской швейной машины, — старик понимающе усмехнулся: «Машина так машина. Было бы что покупать».

Сосновский и Руцкий подкатили к воротам гетто. Часовой, получивший от вольного коммерсанта «на магарыч», пропустил санки. В доме Фельдона все было готово к отправке. Янкель Двилянский познакомил Роберта с тремя исхудавшими, уже немолодыми мужчинами, одетыми в тряпье.

— Познакомьтесь, — с гордостью сказал переводчик. — Личный состав будущего партизанского госпиталя. Хирург, дантист и терапевт.

— Мы давно хотим попасть к партизанам, — сказал один из врачей.

Роберт обнял переводчика.

— Спасибо, Янкель. Товарищи, вы очень нужны в отряде. Двилянский сообщит вам о дне побега.

Приближался комендантский час. Приходилось спешить. Взяв швейную машину, ставшую невероятно тяжелой от свинцовой начинки, Роберт направился к выходу. Неожиданно его остановила дряхлая, согбенная старуха, молча сидевшая в углу комнаты.

— Молодой человек, возьмите эту вещь.

Роберт развернул сверток. В нем была немецкая офицерская шинель тонкого сукна. Шинель уже видала виды. Зато оберлейтенантские погоны были новенькими.

— Поверьте старухе, вам пригодится мантиль.

— Откуда вы ее взяли?

— Немецкий офицер дал. Он отобрал у меня меховую шубу. Когда я заплакала, он ударил меня и дал этот мантиль в обмен. Он сказал, что немцы не обижают женщин. А зачем мне офицерский мантиль?

Роберт, поблагодарив старуху, взял шинель, еще не зная, какую роль она сыграет в этой поездке. На всякий случай он прихватил с собой и старую офицерскую фуражку, неизвестно каким

образом попавшую к «вольному коммерсанту». Через несколько минут подпольщики и папаша Руцкий выехали из гетто. Поднялась метель. Роберт торопил вольного коммерсанта, чтобы до комендантского часа проехать заставу на окраине города. Но комендантский час все-таки опередил их. Из темноты вынырнула полосатая жердь шлагбаума, преградившая шоссе. Немецких солдат не было видно. Желтел огонек контрольной будки.

— Может, свернем и — стороной? — спросил Руцкий.

Стороной? Но что стоило догнать клячу вольного коммерсанта среди сугробов? Нет, рисковать таким грузом, как шрифт, Роберт не имел права. На глазах у Руцкого подпольщик напялил офицерскую шинель прямо на ватник и распахнул дверь избушки: будь что будет. Рука сжимала в кармане шинели рукоятку снятого с предохранителя пистолета.

Но картина, которую Роберт застал в будке, вовсе не была воинственной. Часовой, положив голову на телефон, дремал. Видно, тепло «буржуйки» разморило его, и бдительный страж нечаянно нарушил строжайшие предписания устава караульной службы. Оглушить ударом пистолетной рукоятки или, завернув «вальтер» в полу шинели, чтоб не был слышен выстрел, послать в часового пулю? Но разве нет иного средства ошеломить этого фрица?

И, склонившись к часовому, Роберт закричал:

— Aufstehen! — Встать!

Немец испуганно вскочил, стукнувшись головой о потолок низкой будки. Его белесые ресницы испуганно вздрагивали. Он видел перед собой засыпанного снегом обер-лейтенанта. Готовясь к побоям, часовой уже откинул назад голову и зажмурился. Нет, Роберт нарушил бы весь порядок немецкой армейской жизни, если бы ограничился руганью. Настоящий офицер не может допустить подобного либерализма. Но шутка сказать — ударить такого верзилу! В нем было не меньше двух метров, а Роберта в институте еще на младших курсах прозвали «коротышкой». И, встав на табуретку, Сосновский отвесил фрицу две звучные пощечины.

Потом все еще не пришедший в себя солдат открыл шлаг-

баум. Приставив пятерню к пилотке, перевязанной каким-то нелепым шарфом, он почтительно проводил офицера.

Всю дорогу до леса Рущкий посмеивался в свои запорожские усы. Случай с немецким часовым доставил ему немало веселых минут. Но Роберт долго не мог успокоиться. Впервые в жизни он ударил человека по лицу...

В лесу Роберт отпустил Рущкого и кладбищенской рощей, задворками, добрался до своей квартиры. А через несколько дней подпольщики получили первые номера газеты «Вперед» и вывесили их на улицах Лиды. Что касается новых друзей Роберта, жителей гетто, то они с помощью верных проводников Шурика Климко и Толи Качана благополучно ушли в лес. Впоследствии из бывших жителей гетто был организован партизанский отряд имени Орджоникидзе. Трое врачей, с которыми Сосновского познакомил Янкель Двилянский, основали в лесу партизанский госпиталь. Подпольщики успели переправить в лес лишь незначительную часть евреев — гестаповцы прервали их работу. Почти в один день по приказу Эйхмана было уничтожено все население гетто в Лиде. Восемь тысяч евреев были расстреляны и похоронены в ими же вырытых братских могилах.

ПОСЛЕДНЕЕ ЗАДАНИЕ

Мартовской ночью Шурик Климко постучался в дом Александры Иосифовны:

— Роберт дома?

— У себя.

Шурик, ввалившись в комнату, вытер ладонью вспотевшее лицо, расстегнул ватник, отдышался:

— Был Жуков. Велел отвести вас в лес. Возле избушки Моисеевича Коннов вас ожидает.

Коннов был командиром самого крупного партизанского отряда, входившего в Лидское соединение.

— Говорят, есть особое поручение горкома.

Роберт, поспешно одевшись и сунув в карман «вальтер», вслед за Шуриком выбежал на улицу.

— Успеем до рассвета?

— Должны успеть.

Талый, покрытый ледянистой коркой снег предательски громко хрустел под ногами. Наконец они выскользнули за городскую околицу на поле. Едва приметной стезжкой, хорошо знакомой Шурику, друзья вышли на опушку рощи.

Бойцы из партизанского охранения встретили Роберта и Шурика на дороге, отвели по лесным тропам через топи, на сухую, поросшую осинничком поляну. Там у землянки стояли покрытые пономами партизанские кони.

Приземистый, широкоплечий Коннов, положив на стол красные, задубевшие на морозе руки, внимательно слушал сообщение Роберта. Тот доложил о последних действиях группы, о связях, установленных с подпольщиками гетто, о взрыве бензохранилища.

Командир был по-деловому сух, короток в речах — понимал, что гости ведут счет времени на минуты.

— Товарищ Роберт, дело у нас следующее. Мы должны полностью разгромить Лидский железнодорожный узел. Первый удар нанесет ваша группа. Надо взорвать железнодорожную электростанцию. Выполнить задание поручаем вам, товарищ Роберт. После диверсии уйдете в лес, будете возглавлять нашу агентурную работу в особом отделе. Вам тут все карты в руки. Вы, Климов, останетесь руководителем подпольной группы на станции.

Последнее партизанское задание было и самым трудным. Для того чтобы выполнить его, Роберт должен был проникнуть на электростанцию. Эта электростанция была единственным энергетическим центром в городе. Она питала током не только станцию, но и все предприятия в Лиде, а главное, авиационные мастерские при военном аэродроме. Немцы обнесли станцию колючей проволокой. У входа день и ночь дежурили охранники. Получить назначение на электростанцию можно было только в гебитс-комиссариате.

Роберт решился на смелый шаг. Он отправился с визитом к самому гебитс-комиссару города, чтобы выпросить у него назначение на электростанцию. Он знал, что железнодорожная администрация даст ему самые лучшие рекомендации. К тому времени Роберт завоевал прочный авторитет среди немцев и пользовался их доверием. Благодаря регулярным выступлениям с Бубой в концертах самодеятельности его знал теперь весь гарнизон. Но как бы то ни было, риск был велик. Предвидя возможную неудачу, Роберт распроштался с Шуриком и всеми подпольщиками.

Гебитс-комиссар, выслушав Сосновского, отрывисто рассмеялся и сказал, подбрасывая на ладони костяной нож для бумаг.

— Все хотят работать на электростанции. Там хорошо платят.

Ханвегу уже приходилось видеть Сосновского на городских концертах и в клубе, куда Роберта приглашали как тапера. Гебитс-комиссар был настроен благожелательно. Однако предосторожность не мешала. Ханвег снял трубку и попросил к телефону шефа железнодорожного узла. Кукелко ответил, что Сосновский проявил себя с наилучшей стороны.

— Так, говоришь, ты инженер? — спросил гебитс-комиссар.

— Да. У меня иные запросы, чем у простых рабочих, герр гебитс-комиссар. Война войной, а хочется жить по-человечески. Ханвег понимающе кивнул головой.

— Ладно, пойдешь на электростанцию помощником кочегара. Если покажешь себя хорошо, станешь кочегаром. Иди.

Роберт вышел из гебитс-комиссариата с бумажкой в руках. На бумажке — немецкий орел, вцепившийся в свастику, и две косые спешные строчки: «Герр Зонс! Направляю в ваше распоряжение. Ханвег».

„УХОДИТЕ НЕМЕДЛЕННО!“

Из дневника Роберта. «Две недели я работаю на электростанции у инженера герра Зонса. Инженер встретил меня неприветливо. Зонс — хромой немец с внешностью аскета. Лицо у него

худощаво и мертво, как маска. В первый день он велел мне надраить все медяшки в машинном зале.

Зал громадный. В нем пыхтят несколько машин Ланца. Двенадцать часов я гнул спину, натирая медяшки. Зонс, покуривая трубку, следил за мной с балюстрады второго этажа, где расположен пульт. На второй день инженер приказал мне заделать большую выбоину в бетонном полу. Он и тут истуканом стоял надо мной — следил. Хорошо, что мне раньше, на практике в институте, приходилось заниматься подобной работой. Латка вышла идеальная. Зонс долго рассматривал пол и наступил ногой на мягкий еще бетон. Скотина! Я вынужден был начать работу сначала.

В моей смене обычно работает кочегар Семен Павлов. Это рослый и крепкий крестьянин со скуластым свежим лицом. О таких говорят: «себе на уме». Был в Красной Армии, довольно развит и отлично понимает, что «немцы против русских не выдюжат». Однажды я показал ему партизанскую газету с рассказом о битве на Волге. Павлов почитал, сказал: «Добре». Надеюсь, что в решающий момент я смогу положиться на кочегара.

Тол, приготовленный для взрыва, лежит на квартире, в подклетке. Александра Иосифовна и не догадывается, какой опасный «товар» я купил на базаре вместе с картошкой. Каждое утро, отправляясь на работу, я старательно засыпаю тол в карманы. Но основное «средство» для транспортировки тола — мои немецкие ботинки на толстой деревянной подошве. Я специально приобрел их у одного из немцев. Ботинки на пяток номеров больше тех, что я ношу. В каждый ботинок входит граммов двести-триста порошка тола.

С трудом переставляя ноги, я бреду от дома к проходной. Здесь два охранника осматривают меня. Обыскивали только в первые дни. Немцы не упускают случая посмеяться над ботинками. У меня действительно смешной вид в этих громыхающих танках. Охранники, подмигивая, спрашивают, не согласен ли я обменять ботинки на их хромовые сапоги. Я отвечаю, что согласен и делаю вид, будто собираюсь снять ботинки. Немцы хохочут...

Во дворе я высыпаю тол в мешок, который хранится в угольном бункере. Хорошо, что бункер скрыт за глухой стеной станции. Здесь я могу, разувшись, ссыпать свой груз. За несколько недель успел собрать около трех пудов тола.

В эти дни я ни с кем не встречаюсь. Не вижу ни Шурика, ни Машу, ни Жукова. Думаю лишь об одном: скорее, скорее, скорее. Взорвать — и к своим, в лес. Я уже известил Жукова, что взорву станцию в конце марта или, самое позднее, в начале апреля».

13 марта переводчица Зоя Вишневская, накинув на плечи шубку, вышла из конторы и по прогнанной в снегу тропинке заспешила к электростанции. Охранники, коротавшие за разговорами часы дежурства, оживились, увидев белокурую полку.

— Шеф требует Сосновского, — коротко сказала Зоя.

Один из охранников бросился выполнять приказание. Через

минуту Роберт в своих ботинках неуклюже шагал вслед за переводчицей.

— Вы можете не ходить в контору, — не оборачиваясь, сказала пани Зося. — Это я вас вызвала. Слушайте внимательно. Вчера на станцию тайно прибыли немцы из «абвергруппы сорок семь». Это контрразведка. Я подслушала их разговор. Они говорили о вас. Видимо, скоро вас арестуют. Уходите немедленно.

Пани Зося остановилась. Теперь из проходной их не видели.

— Я не знаю, кто вы, — сказала переводчица. — Но я верю вам. Вам кажется странным, что я... Словом, вы, наверно, плохо обо мне думаете. Наверно, мы никогда не увидимся. Прошу вас, не думайте обо мне плохо.

Она протянула Сосновскому руку в лайковой перчатке. От пани Зоси пахло дорогими духами. Рука пани легла в широкую, крепкую ладонь Сосновского.

— Прошу вас, не думайте обо мне плохо! — повторила переводчица.

— Спасибо вам за все, — сказал Роберт.

— Вы славный человек, — сказала Зося. — Еще когда вы впервые пришли к шефу...

Топот сапог прервал пани Зося. Наряд немецких часовых, чеканя шаг, шел вдоль насыпи на развод.

— Прощайте, — сказала переводчица. — Прощайте. Пожалуйста, не думайте обо мне плохо.

В ЛЕС!

Из дневника Роберта. «Зося Вишневская оказалась права. Мы больше не встретились. Я слышал, что потом она неожиданно исчезла. Я так и не узнал, что заставило ее пойти к немцам. Мы ведь редко встречались. Однажды разговорились после концерта, но это не сблизило нас. Зося чувствовала себя очень скованно. Вероятно, опасалась, что я ей не доверяю. Да, собственно, так оно и было. Я часто вспоминал пани Зося и надеялся, что мы все-таки встретимся, но этого не случилось.

В тот день, 13 марта, я успел сказать военнопленным, чтобы они все немедленно уходили в лес. Шурика я не увидел, но, к счастью, у столовой встретил Машу и рассказал об «абвергруппе».

— Товарищ Роберт, — сказала Маша, — я знаю этих немецов. Их шесть человек, и гестаповцы с ними. Они обедали у меня.

— Постарайся подслушать, что они говорят, — посоветовал я.

Костромина к тому времени достаточно хорошо знала немецкий язык. Маша выглядела взволнованной. Не за себя боялась — за Шурика.

— Уходите и вы, товарищ Роберт, — сказала Маша. — Уходите. А мы как-нибудь постараемся...

Я крепко обнял Машу. Трудно им придется, этим девчонкам и мальчуганам. Маша заплакала.

— Ну, к чему слезы? Все будет хорошо.

Что я еще мог сказать, кроме этой фразы? Тяжело было и мне расставаться с друзьями.

Я не ушел из Лиды в тот вечер. Не мог оставить электростанцию целой. Партизанское командование придавало особое значение нашей диверсии. Обдумав положение, я пришел к выводу, что немцы не будут спешить с арестами. Во-первых, у них не могло быть прямых улик. Во-вторых, сначала они установили бы слежку. В моем распоряжении оставался один вечер. Сорок килограммов тола, которые я успел принести в бункер, могло не хватить для полного уничтожения станции. Расчет показал, что если поднять давление в котлах, они могли сдетонировать и удвоить силу взрыва.

Я наскоро забежал в дом, оделся потеплее. Александра Иосифовна и ее детишки — Вальдек и Ванда — с удивлением наблюдали за моими спешными сборами.

Много хлопот причинял я этой дружной семье. Теперь им предстояло пережить из-за меня очень неприятные минуты. После взрыва сюда ворвутся гестаповцы. Я вызвал хозяйку в сени.

— Александра Иосифовна, берите детей, все необходимое и уходите. У вас ведь есть в деревне родственники?

— Хорошо, я сейчас же уйду, — покорно ответила Александра Иосифовна. — Разве я не понимаю?

Сколько нам, подпольщикам, приходилось встречать вот таких замечательных помощников — настоящих русских людей, неприметных с виду, молчаливых, скромных! Какой отличались они самоотверженностью, смелостью, каким благородством! Не будь их поддержки — разве могли бы мы добиться успеха?.. Многие из них не могли сражаться против захватчиков с оружием в руках. Но их ненависть выливалась в наших действиях».

Вернувшись на электростанцию из дома Александры Иосифовны, Роберт отозвал в сторону Семена Павлова. Кочегар, заложив за спину узловатые руки, молча выслушал товарища.

— В общем, Семен, решай сам. Сегодня я взрываю электростанцию. Хочешь — идем к партизанам, не хочешь — не путайся под ногами. Думать некогда.

Павлов, сморщив скуластое лицо, все же потратил несколько секунд на раздумье.

— Ладно, — наконец сказал он. —
Давай команду.

В зале гудели, отпыхивались паром машины. Солдат из охраны дремал под балюстрадой. Зонс, сидевший наверху, у пульта, не мог его видеть. Роберт, сняв свои громыхавшие по бетону ботинки, в шерстяных носках неслышно подошел к унтеру. Взял автомат, кивнул Павлову. Кочегар навалился на охранника, стиснул немца своими лапищами.

Инженер, не услышавший под балюстрадой ни звука, внезапно увидел перед собой дуло «шмайсера». Павлов, обыскав немца, вытащил пистолет, молча привязал диспетчера к стулу и сунул ему кляп из пакли: сиди.

Уже пробило двенадцать. Приходилось спешить. Павлов, ожесточась, бросал уголь в полыхавшие белым пламенем топки. Давление в запасных котлах быстро возрастало. С трех атмосфер оно уже поднялось до десяти, а стрелки манометров продолжали свое движение. Павлов то и дело поглядывал на приборы — ждал, когда стрелки коснутся красной черты. Роберт, согнувшись под тяжестью мешка, внес взрывчатку в машинный зал, уложил ее под центральной машиной. Павлов махнул рукой: пары подняты до предела. Пора. Роберт разжег фитиль, приложил к бикфордову шнуру.

По двору подползли к проволоке. Зашелкали острые зубы кусачек. Через пять минут уже бежали в темноте по улицам Лиды. Спотыкались, падали на скользкой дороге. Шоссе переползли по-пластунски, опасаясь патрулей. Краем кладбищенской рощи пробрались к реке Лидейке, скованной тонким ледком.

Роберт взглянул на часы. Прошло двенадцать минут.

— Сеня, если взрыва не будет, я вернусь...

И тут увидели: там, где было здание электростанции, темноту расколос огонь. На языках пламени поднялась крыша и стала падать, разваливаясь на куски. Запоздавший грохот взрыва потряс воздух, и вслед за взрывом завывла сирена. На шоссе послышался гул моторов.

Разделись, обрывая пуговицы, и в одном нательном белье бросились в Лидейку. Расталкивая ладонями колючий ледок, перешли речку вброд, держа над головой узелки с одеждой. Роберт сильно замерз. Павлову пришлось втаскивать товарища на берег. Здесь ждала их неожиданность — болото, тянувшееся от левого берега Лидейки, чуть ли не до самой кромки лесов успело протаять.

Раздетые, проваливаясь то и дело в «окна», цепляясь за кочки, на едком морозном ветру, около часа шли они по болоту. Задыхались. Каждая минута замедления могла им стоить жизни. И не от немцев исходила уже опасность, а от этого пропахшего гнилью предательского болота.

Когда выбрались к лесу, едва хватило сил одеться. Но теплее не стало, намочшее белье жгучей броней сковало тело. О костре не могло быть и речи. Напрягая последние силы, побрели лесом к Мисиковщине — деревне, где могли встретить партизан.

Из дневника Роберта. «Партизан мы все-таки отыскали. А на следующий день я свалился в горячке. Помню лицо человека в белом халате, склонившегося надо мной. Где я мог видеть его? Память подсказала все-таки: терапевт Хивисевич, а встретились мы впервые в гетто. Значит, порядок, в партизанском госпитале...

Долго я пролежал. Опыт врачей и лекарства, которые поступали из Лиды, помогли мне встать на ноги. Однако я был еще очень слаб. Тяжелое воспаление легких не прошло без последствий. Летом 1943 года наш отряд должен был уходить в Литву. Фашисты начали блокаду белорусских лесов. Партизаны едва сдерживали натиск карателей. Опасаясь окружения, командование приказало отряду отойти от Лиды. Рейд нужно было провести спешно, иначе отряду грозила гибель.

Меня и других больных и раненых оставили в Налибокской пуше, недалеко от Лиды. Партизаны отвели нас на островок посреди болота. Вырыли там землянку, оставили оружие, боеприпасы и одиннадцать негодных лошадей для прокорма. Вместе с ними остался врач Михаил Гордин. Бойцы ушли, разрушив за собой гать, которая вела через болото.

Командир отряда предполагал вернуться через несколько недель. Однако прошел месяц, прошел и второй, а вестей от партизан не было. Мы съели лошадей и ползали по болоту, собирая клюкву. Мы были отрезаны от всего света, ничего не знали о судьбе отряда. Надолго потерялась связь с Жуковым, Шуриком и его друзьями».

ВОЙНА В ГОРОДЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

После того как Роберт взорвал электростанцию, Жуков стал еще чаще наведываться в город. Подполье сократилось, и нужно было расширять организацию. Подпольщикам приходилось нелегко. Фашисты свирепствовали. Облавы, аресты, повальные обыски участились. Гестаповцы целые семьи брали в заложники. Однако они ничего не могли поделать с непокорным городом.

Вскоре после ухода Роберта Шурик и его товарищи комсомольцы взорвали эшелон с боеприпасами. Магнитные мины сработали точно. Станционные пути оказались серьезно поврежденными. Знаменитая рельсовая война привела к тому, что на всей магистрали Запад — Восток, от Хутно до Юратишек, замерло движение. Лидский железнодорожный узел был полностью парализован. Крепко помогли партизанам Шурик и его верные помощники. Они подготавливали диверсии, передавали партизанам сведения о движении поездов, об их охране.

Одним из самых замечательных подвигов лидских подпольщиков, совершенных в то время, была так называемая «тюремная операция».

В начале 1944 года в партизанское соединение под Лидой прибыл гость из Москвы, советский разведчик, которого партизаны знали под кличкой «Майор Василий». «Майора Василия» и его радистку Женю Наумову доставил с Большой земли самолет. Выполняя особое задание, разведчик должен был проникнуть в город, чтобы встретиться с одним из агентурных работников. Особый отдел партизанского соединения поручил Жукову обеспечить офицера документами и отвести на явочный пункт. Раздобыть паспорт оказалось делом несложным: товарищу из Москвы были вручены документы на имя жителя деревни Петры — Алексея Буйницкого. Фотография майора была искусно наклеена на документ подпольщиками, работающими в бургомистрате.

Жуков отвел «Майора» на квартиру Онацко. Андрей Иосифович приютил гостя на чердаке, где не раз укрывались подпольщики.

Теперь «Майор» должен был в одиночку выполнять задание. Случилось непредвиденное. Утром в центре Лиды при массовой облаве «Майора Василия» задержали и вместе с другими арестованными «до полного выяснения личности» направили в полицейскую тюрьму. Это случилось как раз в те дни, когда полицейские старались из каждого, кто попадался им в руки, выбить признание в том, что он партизан. Разведчика после пыток бросили в одиночную камеру. Полицейские не догадывались, что в руки им попался человек, несколько дней назад прилетевший из Москвы. На второй день в камеру «Майора» через замочную скважину была брошена записка: «Держитесь, вас выручат. Будьте начеку. Жуков».

Записку передал двадцатилетний полицейский Володя Хитрун, вступивший в тюремную охрану по заданию партизан. Жуков, узнав об аресте разведчика, встретился с этим охранником на квартире Онацко.

— Ну, вот говорили тебе: «служи» до поры до времени, — сказал Жуков. — Настала пора.

Хитрун внимательно выслушал связного.

— Надо спешить, — сказал он. — Больше месяца у нас не выдерживают. Бьют здорово... А спасти его можно. Ключи на ночь забирает старший надзиратель. За день я сделаю слепок, а ты изготуешь второй ключ. Только надо моего напарника уговорить, Хорта. Он, понимаешь, немцами сыт по горло. Согласится помочь.

Свидание Жукова с Хоргом состоялось на запасной явочной квартире, у тети Оли Миничковой. Дом Миничковой называли веселым домом. У тети Оли всегда можно было найти бутылку первача, потанцевать под музыку охрипшего патефона. Частенько бывали у тети Оли немецкие солдаты. Под такой надежной охраной, маскируясь среди гуляк, собирались «на огонек» и подпольщики. Староста села Докудово нередко гостевал у веселой хозяйки веселого дома. И появление полицейского здесь было не в диковинку.

Иван Хорт был человеком осторожным, медлительным. Он долго расспрашивал Жукова о том, как отнесутся к нему в партизанском отряде, простят ли прошлое. Наконец согласился помочь. Дрогнувшим голосом сказал:

— Нет, не станете вы врать. Видал я вашего брата в тюрьме. Не станете. Ладно. Сделаем.

— Повоюешь у нас в отряде, покажешь себя — простят, — сказал Жуков. — Бывали у нас такие случаи.

— Ладно. Сделаем, — угрюмо повторил Хорт.

Побег был назначен в ночь на субботу. Дядя Андрей, получив кусок мыла с отпечатками тюремного ключа, принялся за работу. Он выточил из болванки новый ключ с тем же рисунком бородки.

— Только осторожно, — предупредил он Жукова. — Металл мягкий. Поспешите — сломаете!

Ночью Жуков, одетый в полицейский мундир, постучал в основание тюремной вышки, на которой дежурил Хорт. Полицейский увидел Жукова, кивнул головой. Тем временем Володя Хитрун принес во двор оружие спящих охранников.

С автоматом, поставленным на боевой взвод, партизанский связной дежурил у тюремной стены. Через несколько минут на вышке показался Хитрун.

— Петро, Хорт ключ сломал в замке.

Измена или нечаянная задержка?

— Пилите решетку, — сказал Жуков. — Если что, стреляй в Хорта и давай отсюда. Я буду прикрывать.

Два часа стоял Жуков, ожидая, пока его помощники напильниками и ножовками разрежут железные прутья. «И ночь вроде не холодная была, — вспоминал потом Жуков. — И одет я был тепло, а вот продрог — зуб на зуб не попадал. Ну, думал, последнее задание выполняешь, связной».

Наконец решетка была распилена. «Майор» сделал попытку пролезть в окно, но не смог. Тело его распухло от побоев, и остатки решетки не выпускали пленника. Обессиленный, «Майор» повис на зубьях.

— Тяните меня, ребята, — сказал он и, закусив губы, не издал ни одного слова, пока Хитрун и Хорт тянули его сквозь острые обрезки решетки.

Когда заключенного вынесли к вышке, он уже не мог стоять на ногах. Пришлось спускать его на улицу, обвязав веревками. Хорт взвалил «Майора» на могучие плечи, понес по улицам. Еще несколько сот метров — и кладбищенская роща. А оттуда путь в лес.

Неожиданно за поворотом послышались шаги кованых солдат-

ских сапог. Жуков, сжимая гранату, вышел вперед. Значит, боя не миновать.

— Не надо, — сказал Хорт. — Так обойдемся.

Он опустил «Майора» на землю, и тот, в разорванной, залитой кровью одежде, шатаясь, вышел на середину улицы. За ним с автоматами наперевес двинулись Жуков и полицейские. Нясный свет месяца, скрытого за облаками, освещал эти четыре фигуры. Обычная для времен оккупации ночная картина: заключенного ведут на расстрел. Немцы, возвращавшиеся с гулянки, посторонились, пропуская конвоиров.

— Ну и разделили они его, — сказал один из солдат, осветив фонариком «Майора Василия».

Вскоре Жукову пришлось на несколько месяцев покинуть город и укрываться в деревнях, где не было полицейских отрядов. Иного выхода не было. Гестаповцы арестовали войта Докудовской гмины Тавляя. Теперь удостоверение старосты не только теряло силу, но и служило уликой. Все документы, выданные Докудовской гминой, подвергались строгой проверке.

Попрощавшись с гостеприимным дядей Андреем и Шуриком, Жуков ушел из города.

В партизанском отряде он встретился с Сосновским. Да, друзья снова были вместе. Исхудавший, еще не оправившийся после болезни, Сосновский вывел из болот свою группу и встретился с партизанами. Теперь он был начальником особого отдела в партизанском отряде.

ДВА РАССКАЗА, ЗАМЕНЯЮЩИЕ ЭПИЛОГ

Человек, не видевший Лиды со времен войны, не без труда отыщет улицу Карла Маркса — зеленеющую садами, прямую, веселую. Дом номер двадцать семь, впрочем, не особенно изменился за прошедшие годы. Он крепко, надежно срублен из белорусской сосны. Вот только подновлена крыша, да желтеют кое-где свежие бревна, да забор поставлен новый.

Дом этот знаком каждому школьнику Лиды. В нем живет Екатерина Михайловна Климова, мать героев. В самом доме

тоже мало что изменилось. Екатерина Михайловна поддерживает тот же порядок, что и семнадцать лет назад. Конечно, комнаты по-прежнему заставлены горшками с фикусами, геранью, фуксиями.

В самой просторной комнате, против окон, два больших портрета. Два очень похожих русских, большелобых парня. У обоих упрямо сжатые рты, чуть прищуренные светлые глаза. Лица добрые, открытые. Нетрудно догадаться — братья. Тот, что постарше, — Генка, младший брат Шурика. Это снимок 1953 года, последняя фотография Генки. А тот, что кажется помоложе, это и есть Шурик Климко, командир людских комсомольцев-подпольщиков. Снимок 1942 года, единственная память о Шурике.

Хозяйка дома Екатерина Михайловна, маленькая, сухонькая, очень подвижная женщина, о былых днях рассказывает со спокойствием, за которым чувствуется горечь выстраданных лет, тяжкие раздумья бессонных материнских ночей. Все вытерпела, все перенесла. Вот только соседи говорят: «Ссохлась ты, Екатерина Михайловна, сжелтелась». Хлопот у Екатерины Михайловны много — да ведь она из тех женщин, что идут навстречу заботам. Полон дом ребятишек — это уже внуки. Большелобые, крепкие, рослые не по годам ребята. Да, недаром говорят: «Климки быстро растут»...

Рассказ Екатерины Михайловны. «Эту ночь, как Роберт Юрьевич взорвал электростанцию, я помню хорошо. Тревожная была ночь. К вечеру набилось к нам много военнопленных. Я их всех знала. Они на станции работали. Одного Роберта не было. Чувала я: что-то задумали ребята. Молчала. Привыкла ко всякому беспокойству. Конечно, болело сердце за сыновей, особенно за Шурика — самого бедового. Понимала, что дело он делает правильное, суперечить ему ни к чему.

Многое он от меня скрывал. А как от матери уберешься, от хозяйки в доме? Чего не знала, о том была догадка.

Собрала пленным поесть. Часов в десять они взяли оружие и пошли. Повел их Толя Качан, а Шурик остался. Маша прибежала и о чем-то говорила с Шуриком.

А среди ночи — я лежала, не спала — гроыхнуло. Окна позовели. Пожар! Машины забегали по улицам, сирену на станции запустили. На улице полно было народу. Смотрели, как полыхает электростанция.

На другой день прибегает Маша. Запыхалась. Вижу — лица на ней нет. Белая, и руки дрожат. Дала ей воды. Она сразу к Шурику в комнату. Достала гранату, револьвер.

— Мама, прощайте.

— Да что, — спрашиваю, — с тобой?

— Мама, я немцев потравила.

Тут и у меня ноги чуть не подкосились. Страшно стало за нее.

— Немцы к нам приехали, гестаповцы, — рассказывает, топчась. — Хотели на станции всех позабирать. До Роберта докопались. Потравила я их, порошков им насыпала.

В сенях остановилась:

— Мама, берегите Шурика.

И ушла. Долго я простояла в сених, слушала — нет, никто не стрелял. Значит, выбралась. Потом соседи рассказывали — в госпитале у немцев был переполох. На санитарных машинах травленных гестаповцев свозили. Кислое молоко, сыворотку собирали по домам — отпаивать сволочей. Не всех, говорят, спасли.

После этого Шурика и Мотю Наказных взяли на допрос. Знали, что они дружат с Машей. Били их. Все же выпустили — не могли доказать вины. В то время партизаны больших дел натворили на железной дороге. Взрывали эшелоны почти каждый день. На станции и вовсе работы остановились. Поезда неделями не ходили.

С Ленькой Холевинским первым стряслась беда. Вечером Шурик и Толя принесли его на шинели. Ни кровинки не осталось в хлопце. Когда нашли его, еще был живой. Говорил. А по дороге умер. От Шурика и узнала, что случилось с Ленькой. Немец какой-то заметил его на путях и погнался. Выстрелил несколько раз по хлопцу и, видно, сам не думал, что попал. А Ленька где-то в садочке залег и темноты ждал. Если бы

покликал кого-нибудь, может, и спасли бы, а он, глупый, молчал. Боялся кричать, чтоб немцам не сказаться. Пытать начнут — еще проговоришься. Отчаянный был мальчишка. Щуплый, лабенький на вид, а сколько в нем было силы! Захоронили Ленку тайно, чтобы немцы ничего не узнали.

Фашисты становились все лютее. То и дело хватали людей, пытали, казнили. Виселиц настроили.

Не раз я советовала Шурику бежать в лес, но он отмахивался: мол, «еще не время». Я знала, что он собирался пойти в партизаны, но все откладывал. Так и не успел.

Ночью остановилась возле дома машина, в ней полным-полно полицейских. И немцы вокруг на мотоциклах. Я разбудила Шурика: «Беги!» Куда там! Возле каждого окна полицейские. Открыла дверь — они меня отпихнули, ворвались. Шурик вышел им навстречу.

— Климко Александр?

— Климко.

— Собирайся.

Забрали и Александра Степановича, весь дом перерыли. К счастью, Шурик все запрятал. Я выбежала за своими, заголосила. Известно, бабья доля — голосить. Щуцман меня прикладом огрел. Успела заметить — в грузовике с полициями сидела женщина, рыжеволосая, ее я видела у нас в доме. Она приходила от партизан. Не понравилась мне — какая-то вертлявая. Подумала — значит, и ее взяли. Машина уехала. А я все лежу на земле, возле забора, и не могу встать.

Подняли меня соседи. Рассказывают — Мотю Наказных взяли, Толью Качана вместе с отцом, Гаврилой Павловичем.

Долго продержали наших в тюрьме. Никого на свидание не впускали. Говорят, сильно били. А потом расстреляли. Нам, матерям, конечно, ничего не сообщили. Я думала, может, в Германию угнали. Известно, сердцу только дай надежду. Как наши пришли и партизаны заступили в город, я узнала правду. Спаслись, оказывается, три человека — их вместе с Шуриком везли на расстрел. Они и рассказали, как было дело.

Везли их семь полицаев, а наших было двадцать четыре человека. Кто стоял в грузовике, а кто не мог стоять — лежал. Шурик шепнул Толе: «Как только начнут сгружать, я брошусь на ихнего командира, а вы бегите кто куда». Везли их по дороге на Кашары. Каждый понимал, что жизни остается немного — бежать так бежать.

Как только начали в Кашарах разгружать машину, Шурик прыгнул сверху на охранника и стал отнимать автомат. Александр Степанович кинулся на подмогу, и Толя Качан с отцом тоже. Но ничего не вышло. Полицаи сытые были, крепкие, а у наших ноги-руки перебиты.

Полицаи постреляли наших. Только трое утекли. Потом, когда комиссия у нас работала, то наших нашли в Кашарах. Врачи писали в газете, что палачи просто издевались над ранеными, стреляли в них так, чтобы потом люди не могли узнать, кого казнили. Красная Армия уже была близко, вот у полицаев поджилки и тряслись. Хотели скорее следы замывать. Не вышло. Партизаны отыскивали душегубов и судили их своим судом. Пой-

мали и провокаторшу Акуленко, которая выдала ребят. Это я ее видела в полицейском грузовике.

Вместе с партизанами пришел в город и Роберт Юрьевич. Первым делом постучался к нам в дом. Я рассказала ему про последние минуты Шурика. Наплакалась. Да что — слезами горе не отмоешь. Демобилизовался из армии мой старшенький, Леня. Дошел с войсками до Берлина. Генка подрастал, говорил: «Шурик хотел стать машинистом, и я на машиниста выучусь». Упорный оказался парнишка. Весь в брата. Он очень был на Шурика похож, такой же ловкий, быстрый. Тоже все по комсомольским делам бегал, пропадал по вечерам в райкоме. Вот его грамоты — за общественную работу — висят на стенке. Память. Выучился, получил паровоз. Стал машинистом. В пятьдесят третьем году стряслась беда. Горше не придумаешь. Помощник Генки рассказывал потом: котел в паровозе взорвался. Их обоих ошпарило. Генка велел помощнику выпрыгнуть, а сам стал тормозить. Поезд остановился, только Генку уже не смогли спасти.

Долго я тогда болела. Может, и не встала бы с постели, да тут пошли внуки. За ними глаз был нужен. Как без бабки обойдешься? Старший внук, Сергей, тоже в машинисты готовится. Школьники меня не забывают. Бывает, полная изба набьется гостей. Шумный народ, а здесь, в доме, молчат. Спрашивают про Шурика, Леньку, Толю Качана. Я им рассказываю. Это им нужно знать».

Рассказ Роберта Юрьевича Сосновского. «Долго ждали мы наших на болоте в Налибокской пуще. Знали, что вокруг, как ищейки, бродят каратели. Наконец, перед угрозой голодной смерти, мы решили выйти и принять бой. Около месяца бродили в лесах, пока не соединились с партизанскими группами. Вскоре мы сами стали атаковать немецкие гарнизоны, занимавшие окрестные села.

Вернулся, наконец, из Литвы и наш отряд, истрепанный, поредевший в боях. Я ожидал встретить Машу Костромину, Васю Савченко и других ребят, которые уходили в этот поход. Казалось, после всего, что было пережито в Лиде, с моими друзьями уже ничего не случится... Но у войны жестокие законы. Кузьма Тертычный, бывший военнопленный, участник нашей подпольной борьбы — он вместе с Савченко вступил в отряд, — рассказал мне о гибели Маши и Василя. Маша, лучшая автоматчица отряда, командовала группой, прикрывавшей отход партизан. Было это под Жемиславом. Фашистам удалось окружить группу. Маша приказала своим товарищам оставить по одному патрону и вести огонь, пока не иссякнут диски. Все свои силы каратели бросили на маленькую группу, которая не давала им возможности преследовать отряд. Бой длился более двух часов. Ни один из партизан не дался живым в руки врагов.

Да, тяжелый был бой под Жемиславом. В этом сражении погибли Василий Савченко и Семен Павлов. Тела мертвых партизан гестаповцы повесили на телеграфных столбах вдоль шоссе. Фашистские изверги думали устрашить этим местное население, литовцев, всячески помогавших партизанам. А вскоре дошла до меня и еще одна тяжелая весть — о казни подполь-

щиков, оставшихся в Лиде. Не довелось мне гулять на свадьбе Шурика. Выдала ребят некто Лилия Акуленко. Случилось это так.

На время наши отряды потеряли единое управление. Им пришлось рассредоточиться, вести самостоятельные операции. Гестаповцы бросили в леса близ Лиды несколько десятков тысяч регулярных войск. Нарушилась связь с лидским подпольем. Командир небольшого отряда «Балтиец» Пролыгин решил послать в Лиду связного. У него были адреса некоторых явок. Пролыгин был командиром решительным и опытным, но тут он совершил ошибку. Лилия Акуленко, которой он дал поручение связаться с подпольем, оказалась женщиной малодушной и трусливой. Задержанная случайно при облаве, она на первом же допросе выдала многих подпольщиков и тех, кто был с ними связан. Она купила свободу ценою жизни тридцати человек.

В ночь арестов гестаповцы развозили ее на одной из своих машин, чтобы она опознавала бывших товарищей. Той ночью уцелело лишь несколько человек, о которых Акуленко не знала.

К счастью, Акуленко не получила в отряде адреса дяди Андрея, и после разгрома дом старого слесаря остался для нас

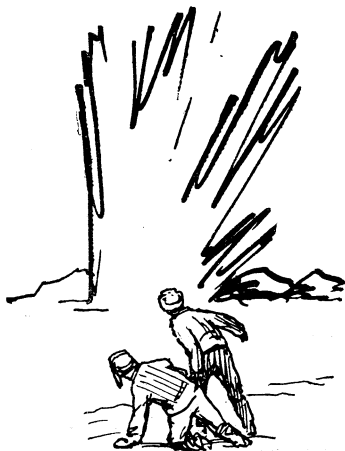
Лилия Акуленко **С ОПАСНОСТЬЮ**

ВСЕ РЕШАЮТ СЕКУНДЫ...

Строители Братской ГЭС до сих пор вспоминают случай, происшедший не так давно.

Чтобы сохранить плотину от напора льда, строители решили предупредить заторы и перед началом ледохода подорвать лед в нескольких местах. В двенадцать лунок заложили аммонит. Специалист взрывного дела И. Д. Яхней, оставшись на льду один, поджег шнуры. Их горение было рассчитано на три минуты — время достаточное, чтобы отбежать на безопасное расстояние. Шел дождь, лед стал скользким и рыхлым.

Отбегая от места взрыва, Яхней провалился в полынью.

явочным центром. После того как гестаповцы отпустили Акуленко, она исчезла. Ее нашли наши органы госбезопасности спустя много лет, в одной из республик Средней Азии. Суд над Акуленко состоялся в Гродно в 1954 году.

Жестоко мстили мы за смерть товарищей, беспощадно уничтожали фашистов. Наш отряд вскоре вошел в состав партизанской бригады имени Кирова. Командовал бригадой Сергей Филиппович Васильев. Бригада один за другим вышибала немецкие гарнизоны из деревень и хуторов под Лидой. Самолеты с Большой земли регулярно снабжали нас всем необходимым. Мы были отлично вооружены, и теперь уже не каратели окружали нас, а мы брали «в клещи» карателей. Немцы не могли справиться с растущим партизанским движением. Незадолго до освобождения Лиды мы провели в городе одну из последних наших операций: с помощью Николая Сороки, подпольщика, работавшего в авиационных мастерских, похитили главного инженера фашистской авиабазы. Немец был переправлен на Большую землю и сообщил ценные сведения.

Прошло немного времени, и я вместе с партизанскими частями вернулся в Лиду, на этот раз не таясь ни от кого. Секре-

Он схватился за ледяную кромку, подтянулся и... сорвался. А где-то совсем рядом горели детонаторные шнуры. «Конец!» — подумал Яхней. Человека в беде заметил шофер И. С. Силаев, случайно оказавшийся на берегу. Он подбежал, помог Яхнею выкарабкаться, но лед опять треснул. Оба оказались в воде. Первым выбрался Силаев. Он подал Яхнею руку и снова вытащил его. Но Яхней поскользнулся и в третий раз очутился в полынью.

— Погибнем оба! Уходи! — крикнул он Силаеву.

Но тот оказался верным товарищем. Ползком подобрался он к опасному краю, с трудом вытащил Яхнею. Они отбежали несколько десятков метров, когда громыхнул взрыв. Посыпались, зазвенели осколки льда.

Силаев и Яхней оглянулись. Там, где они только что находились, громоздились торосы, а между ними, крутя ледяные горы, хлестал черный вал воды.

ЧЕЛОВЕК В ОГНЕ

Тяжелый, груженный нефтью состав упрямо взбирался на подъем. Машинист решил «подбодрить» локомотив и дал в топку побольше горючего. Неожиданно грохнул взрыв, буйное пламя заметалось в

будке. Машинист растерялся: дернул тормозную рукоятку и выпрыгнул. Остановить состав сразу нельзя, он продолжал идти дальше. В объётом огнем паровозе остался помощник машиниста Балабанов. Ни-

гарь горкома партии Ефим Данилович Гапеев, один из руководителей партизанского соединения, предложил мне остаться в Лиде — восстанавливать город из руин. Прежде чем принять окончательное решение, я поехал в Киев. Увидел развалины на месте своего дома. Оставшиеся в живых соседи рассказали о том, как погибла семья. И я снова приехал в Лиду, чтобы никогда не покидать этого города, его гостеприимных жителей.

Война причинила непоправимое горе миллионам наших людей, обездолила их, осиротила, лишила крова. Велико, неизмеримо было общее горе. Но надо было налаживать новую жизнь — ради будущего новых поколений, ради счастья страны. Так я остался в городе, с которым сроднился за время войны, вернулся к своей прежней, самой мирной на земле профессии строителя.

Раньше разрушал — теперь стал строить.

Город, как и люди, залечивал тяжелые раны, набирался новых сил, он требовал больших забот. И хотя война не прошла без тяжких последствий, отняла много сил и здоровья, но и для мирной работы хватило закала и энергии.

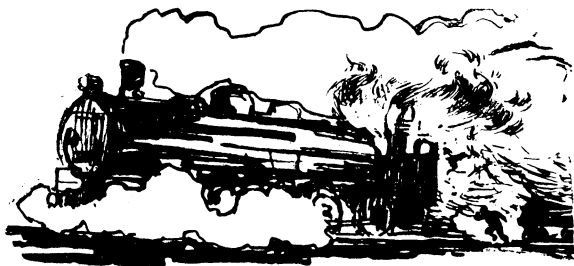
Прошли годы.

колай Иванович знал, что с горящей нефтью шутки плохи. Мгновение — и не будет ни паровоза, ни железнодорожного полотна, ни его самого, Николая Балабанова. Набегут друг на друга, сгрудятся вагоны, запылывает среди северного леса гигантский костер обломков, станет, задохнется дорога.

Надо, надо скорее закрыть вентиль большой форсунки.

Скорее! Балабанов резко повернул вентиль, но тот не действовал. Закрыв глаза, Балабанов сквозь пламя пробрался к крану нефтяного бака и сумел перекрыть его. На смельчаке вспыхнула промасленная куртка, воспламенились брюки...

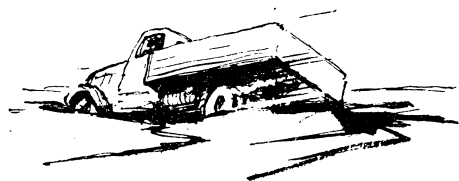
Огонь заметили со встречного поезда и поспешили на помощь.

Дружба, сроднившая нас, подпольщиков, плечом к плечу сражавшихся против оккупантов, крепка по-прежнему. Встречаемся мы с Петром Васильевичем Жуковым, вспоминаем наши комсомольские годы. Петр Васильевич, демобилизовавшись из армии, работал на строительстве молочно-консервного завода, а затем стал начальником охраны, или, выражаясь языком военного времени, комендантом этого предприятия. Дорог и близок нам дом номер двадцать семь по улице Карла Маркса, где живет Екатерина Михайловна Клишко, женщина, считающая нас своими сыновьями... Как и в былые годы, всегда рады гостям в доме Андрея Иосифовича Онацко.

Да, немногим из подпольщиков посчастливилось дожить до дней победы. Но те, кто остался в живых, свято чтят память своих товарищей, погибших в борьбе за народное счастье.

...Тревожны нынешние дни. Вновь нам, мирным людям, грозит войной заокеанские заправилы, объединившиеся с гитлеровскими недобитками. Не выйдет ничего у этих господ. Не слазить им с нашим народом. Если понадобится, миллионы патриотов встанут на защиту Родины. Они будут сражаться с такой же ненавистью и отвагой, как Шурик и его товарищи боролись с фашистскими захватчиками».

ГРЕДАСОВ СПАС ДВОИХ

Ночь. Ветер гонит поземку по обледенелой дороге. Снежный вихрь танцует в свете фар. «ЗИЛ-157» медленно поднимается в гору.

Вдали замелькали огоньки Миасса. Вячеслав Петрович Гредасов увеличил скорость, но тут же сбросил ее: на обочине мелькнули фигуры трех пешеходов.

— Садитесь, подвезу.

Вчетвером в кабине тесновато. Женщина посадила шестилетнего сына на колени.

Впереди показалась белая чаша замерзшего пруда. Шофер, как всегда, чтобы сократить расстояние, свернул на лед. Когда до противоположного берега оставалось метров

сто, под колесами раздался треск. Водитель не успел даже открыть дверцу, как тяжело груженная машина опустилась на пятиметровую глубину.

Вода прибывала быстро. Когда она дошла до лобового стекла, шоферу удалось открыть дверцу. Он вытолкнул из кабины растерявшегося мужчину, схватил мальчика и вынырнул на поверхность. Гредасов поставил ребенка на лед, глотнул воздух и нырнул. Задыхаясь, вытащил он из кабины обмякшее тело женщины. Гредасов терял силы, но не выпускал спасенную.

Подоспевшие люди вытащили их из воды. Спасена была вся семья Дьяконовых.

Взглянем в микроскоп, на предметном стекле которого лежит тончайший срез ткани растений. Наш взгляд захватил клетки «врасплох». Одни из них имеют ясно видимое четкое ядро, окруженное плазмой, другие мы застали в момент деления, в разных его стадиях. Меняя поле зрения, можно проследить весь ход деления клетки. Ядро набито перепутанными нитями-хромосомами. В каждой клетке их одинаковое количество: одним из главных признаков любого вида живых существ считается определенное число хромосом. В клетках гречихи, например, 16 хромосом, в каждой телесной клетке человека 46 хромосом.

Но вот хромосомы начинают укорачиваться, утолщаться и больше уже не перепутываются друг с дру-

Если управлять клеткой

Рисунки Р. ЗНАМЕРОВСКОГО

гом. Перед делением каждая хромосома словно копирует сама себя — создает рядом свое идеальное подобие, вторую, дочернюю хромосому.

Вот мы видим, как хромосомы-«матери» и хромосомы-«дочки» расстанутся, отходят в разные стороны клетки, к полюсам этого микромира. Термин «полюса» ввели здесь сами биологи. А на «экваторе» клетки возникает, отделяя «детей» от «родителей», новая клеточная стенка

Мы стали свидетелями важнейшего природного процесса, создавшего в конечном счете все многообразие живого мира, — процесса размножения клетки.

Но... возьмем и посмотрим другой препарат. Что такое? По его клеткам тоже можно проследить процесс удвоения числа хромосом. Но дальше положение меняется. Словно чья-то невидимая рука остановила начавшие расходиться к полюсам хромосомы, удержала их в одной клетке.

Что случилось?

ВТОРЖЕНИЕ В ЯДРО

С научными открытиями бывает иногда так, что сначала их описание занимает прочное место лишь в узкоспециальных книгах. И только много позже выясняется подлинное их значение, и десятки миллионов людей узнают имена исследователей. Взять хотя бы первое разложение атомного ядра Резерфордом в 1919 году.

Так получилось и с опытами И. И. Герасимова. Правда, вторгся он не в атомное ядро, а в клеточное.

В последнем десятилетии прошлого века он подверг ничта-

тую водоросль спиригиру воздействию низких температур и наркотиков. Это, разумеется, вызвало нарушение нормальных жизненных процессов клеток.

Часто при делении в одну из новых клеток вообще не попадало хромосом. Она оставалась без ядра и скоро погибала. Зато в другой, более счастливой клетке оказывалась двойная порция хромосом, и в ней образовывались два ядра. Порою эти ядра объединялись в одно, с двойным набором хромосом. И это было действительно везением, потому что такие диплоидные (от греческого «ди» — «два») клетки стали не только гораздо крупнее обычных одноядерных, но в них значительно активней пошли все жизненные процессы.

Так впервые была доказана возможность вызвать искусственным путем так называемую полиплоидию (от греческого «поли» — «много»). Емкая речь ученых. Самый короткий перевод этого слова на общепонятный язык звучит так: кратное увеличение числа хромосом в клетке...

БЫЛЬ ОБ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ

Итак, уже Герасимов нашел несколько путей для достижения такого эффекта. Его последователи разнообразили приемы и распространили их на сотни видов растений. Чего только они не делали! Одни продолжали воздействовать на клетку низкими температурами, другие, наоборот, повышали температуру, привлекали все новые химические вещества.

Немало нашлось способов помешать хромосомам в ядре отделиться вовремя стеной — много ключей подходило к замку, но у каждого такого ключа, говоря фигурально, были свои недостатки. То он вообще не проворачивался в замке, то поворачивался со скрипом. Не все растения подчинялись применяемым способам воздействия, слишком редко давали эти меры желанный эффект. А главное — в большинстве случаев вводимые вещества слишком сильно подавляли многие процессы в клетке.

А между тем еще в 1887 году медики выделили из ядовитого растения безвременник яд — алколоид колхицин. Выделили, изредка применяли как болеутоляющее, а потом перестали — слишком уж он оказался вредным. И лежал колхицин без дела, упоминаемый лишь в старых фармакологических справочниках, целых пятьдесят лет — раза в полтора больше, чем сиднем сидел на своей печи богатырь Илья Муромец.

Только в 1937 году колхицин взяли в свои руки генетики. И ахнули: вот он, желанный ключ!

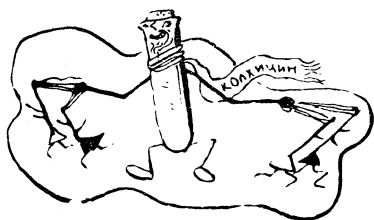
Не мешал колхицин ни росту клетки, ни распадению ядра на хромосомы, ни делению хромосом. Мешал только хромосомам расходиться.

С помощью колхицина можно создать огромную клетку, в которой будет тысячи полторы хромосом. Но это уже чересчур. Клетка вскоре погибнет.

Зато клетки, в которых хромо-

сом оказывалось только вдвое больше, чем обычно, часто радовали биологов. И не мудрено. Достаточно присмотреться глазами ученого к существующим растениям, чтобы убедиться в широкой распространенности естественных полиплоидов, в преимуществах, которыми многие из них обладают.

НАСЛЕДНИКИ

Всюду побывали ученые — счетчики хромосом. В лесах Швеции и Поволжья они порой встречали удивительные осины, которые росли вдвое быстрее обычных и достигали таких размеров, что заслужили имя исполинских.

Исследование нарциссов показало, что до 1885 года в Голландии были особенно распространены сорта этих цветов с 24 хромосомами в ядре, затем их сменили более крупные, 36-хромосомные, а те, в свою очередь, в самом конце века были побеждены 48-хромосомными. И все это случилось до того, как явление полиплоидии было вообще открыто и объяснено!

Осины, цветочки... Поль де Крюн в великолепной книге «Борцы с голодом» описал завоевание мягкой пшеницей полей Канады и США. Сейчас 20 процентов всех посевов пшеницы занимают мягкие сорта. В их клетках 42 хромосомы вместо 14 — у предка пшеницы и 28 — у твердых сортов.

Человек просто пользовался следствиями неизвестного ему явления как подарком природы. Даритель предпочитал оставаться неизвестным.

Чем больше изучали естественную полиплоидию, тем более любопытные вещи открывались перед учеными.

Оказалось, что розы, растущие на севере, часто имеют большее число хромосом, чем другие их виды на юге.

В субтропической Сицилии полиплоиды составляли меньше трети всех растений. Зато на холодном Шпицбергене уже четыре пятах растений были полиплоидами, а на острове Колгуеве — даже больше 90 процентов. Оказалось, что многие растения, попав в условия севера или высоких гор, начинают давать полиплоидное потомство.

Одну из причин этого понять легко — не даром в опытах Герасимова как раз низкие температуры вызывали полиплоидию.

В значительной части случаев полиплоидное потомство оказывалось после нескольких лет естественного отбора лучше приспособленным к новым условиям, чем их родственники с меньшим набором хромосом.

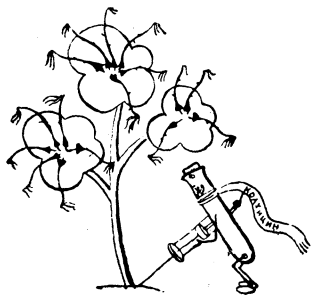
Конечно, так случалось не всегда. Творческий путь художника — природы — отмечен миллионами неудачных произведений. Бывает, что полиплоиды оказываются менее жизнеспособны, чем исходная форма, но таких случаев наблюдалось гораздо меньше, чем обратных. Полиплоиды расширяли пределы своего

обиталища, устремлялись в Арктику, на Памир — туда, где плохо приживались их соперники. Но если одни облюбовали себе север, то некоторые виды полиплоидов, наоборот, повели наступление на Сахару и сумели приспособиться к ее зною и безводью.

Полиплоиды происходят от организмов с меньшим количеством хромосом, существуют рядом с ними, но явно (в исторических масштабах, охватывающих миллионы лет) наступают на своих родителей и старших братьев, угрожая им вытеснением. Примерно так же млекопитающие когда-то одержали решающую победу над ящерами. Только в этом природном процессе темпы, видимо, ускорятся. В него, кроме неторопливых законов эволюции, вмешивается человек — вечный революционер. Ему как можно скорее нужны самые урожайные, самые плодovитые, самые мощные и красивые виды растений. Если это полиплоиды — значит подавай ему полиплоиды, говоря точнее — он сам будет их создавать и распространять, как уже рассадил по земному шару такие естественные полиплоиды, как пшеница, картофель, банан, люцерна, хлопчатник, овес, сахарный тростник.

ДЕТИ ХИМЕР

У нее были голова льва, туловище козы и хвост в виде змеи. Так говорит о чудовище Химере один из древнегреческих мифов. Это грозное имя оставило свой след в скульптуре средневековья (вспомните химер Собора Парижской Богоматери), а в наше время прочно заняло свое место в литературе как обозначение несбыточной мечты

и... в биологии. Так, в частности, называют растения, состоящие из генетически неоднородных тканей. Вот такой химерный куст. В нем нет ничего страшного, но особенное есть. Листья сморщены и покрыты неровными пятнами. Клетки этих пятен по строению резко отличаются от остальных, в ядрах не два, а четыре или шесть наборов хромосом. Все это вызвано действием колхицина на проросток растения.

Но мы можем отделить от него побег, из которого возникнет тетраплоидное растение, своего рода дитя химеры. Оно-то и даст нам полиплоидные семена.

Полиплоидию можно вызвать и прямым действием растворов колхицина на семена или корни растений. Все эти способы сейчас широко применяются в лабораториях Советского Союза и всего мира.

„ПАТЕНТ АВ“

Мечта сделать больше и плодovитее все живое, что служит человеку, с давних пор владела умами людей. Романы Уэллса «Пища богов» и Лагина «Патент АВ» — примеры художественного выражения этой мечты.

Шаг за шагом, медленно, но верно осуществлял человек эту давно поставленную цель. Зерно пшеницы сейчас вдвое тяжелее, чем пять тысяч лет назад. Это результат отбора, который проводили многие десятки поколений земледельцев. Отбор и селекция принесли нам все богатство современных культурных видов. Но нельзя ли ускорить осуществление мечты?

Перед нами демонстрировавшаяся последние годы на Выставке достижений народного хозяйства тетраплоидная гречиха, выведенная кандидатом биологических наук В. В. Сахаровым в сотрудничестве с В. В. Мансуровой и С. А. Фроловой. Она в полтора-два раза крупнее обычной, это относится и к стеблю и к цветкам. Гораздо крупнее семена. Более темные, чем у «родительницы», листья свидетельствуют о большей способности усваивать солнечный свет. Может быть, поэтому, как показали исследования, в крупе из новой гречихи выше содержание белков.

Гигантская гречиха побивает обычную не только по росту. Согласно рекомендации, которую дала ей Выставка достижений народного хозяйства Союза ССР, она более устойчива против полегания, лучше переносит холод.

Обычную гречиху приходится убирать с поля раньше, чем она полностью созреет, — слишком легко она осыпается. Тетраплоиды не столь капризны. На территории десяти областей испытывался новый сорт в 1960 году, и с хорошими результатами.

Другой вид гречихи вывел академик Белорусской академии наук профессор А. Р. Жебрак. Его гречиху с успехом сеют в ряде белорусских колхозов.

Но главное направление работ Жебрака в полиплоидии — получение новых видов пшеницы. Он вывел более ста новых ее полиплоидных форм.

Конечно, далеко не все они оказались годными к непосредственному использованию в сельском хозяйстве. Но материалом для дальнейшей гибридизации и селекции, для глубоких теоретических исследований могли быть почти все.

Мы уже говорили, что самая обычная пшеница — уже полиплоид с 28 или 42 хромосомами. Жебрак вывел еще 56- и 70-хромосомные формы.

В ГДР вывели замечательную тетраплоидную «петкусскую» рожь, дающую на 30 процентов больше зерна и зеленой массы, чем обычные сорта.

Для лакомок в Англии создали замечательно крупные груши, в Швеции получены полиплоидные яблоки до 2 кг веса — хоть стальную каску надевай во время сбора. И это лишь небольшая часть успехов полиплоидии.

Впрочем, здесь самое время немного отвлечься от рассказа и сделать необходимое примечание, которое можно условно назвать

ЗАКОН БОЛЬШИХ ЧИСЕЛ

Может показаться, что достаточно положить какие-то семена на сутки в раствор колхицина, потом вынуть, посадить в землю — и собирать через несколько месяцев урожай и славу.

На самом деле все это далеко не так просто. Только во взаимодействии со старыми, испытанными способами селекции обретает свое истинное значение полиплоидия.

В опытах только что возникшие полиплоиды в большинстве оказываются слабыми и отнюдь не плодовитыми. Один из видов тетраплоидной ржи принес урожай всемерно меньший, чем диплоид. Грустно вздыхали поначалу селекционеры, глядя на ростки тетраплоидной гречихи. Однако эти полиплоиды представляют собой великолепный материал для отбора. Год за годом выращивают биологи все новые и новые поколения растений, пока к ним не приходит желанная победа. Тут вряд ли что-нибудь выйдет, если с самого начала ставить опыт только над десятками или сотнями семян и ростков. Здесь, как в военном деле, победа на стороне «больших батальонов». Тысячи и десятки тысяч растений, разнообразие опытов и условий, в которых они проводятся, — вот неперемное условие успеха.

ЧЕМ ХУЖЕ—ТЕМ ЛУЧШЕ

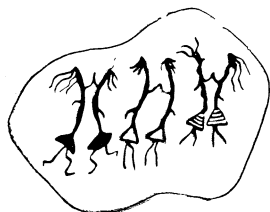
Полиплоидия оказалась важной не только сама по себе. Она пришла на помощь другому очень важному методу биологии — гибридизации.

Мало того, что при соединении представителей разных видов, а то и родов мы можем получить совершенно новый вид. Нас еще словно премируют тем, что новое растение или животное обладает так называемой гибридной силой... Взять хоть известного своей выносливостью мула — помесь осла и лошади. Но мул дорого расплачивается за это ценное качество — он лишен возможности иметь потомство.

Точно так же при отдаленной гибридизации вновь возникающие растения часто оказываются неспособны к размножению семенами. Чтобы понять, отчего это произошло, вспомним, что в каждой обычной клетке находится двойной набор хромосом, а в каждой половой — только одинарный. Но половые клетки образуются из обычных. Перед этим в диплоидной клетке происходит замечательнейшее и важнейшее событие, которое один из ученых назвал «танцем хромосом». (Говорите после этого, что наука пользуется только скучными и непонятными терминами!) «Танец» этот длинен и сложен, хромосомы-партнеры встречаются и расходятся, словно подчиняясь правилам старинных бальных танцев. Но каждая из них встречается только с парной себе (набор-то двойной, и в нем — каждой твари по паре) и даже может во время фигур так тесно переплестись с этим напарником, что обменяется с ним частями своей поверхности.

Но в конце концов пары расходятся: одна — в одну сторону клетки, другая — в другую, их разделяет стенка — и вот вам две половые клетки. Одна из целей «танца» — сделать так, чтобы в каждой половой клетке было по одному представителю каждой пары хромосом.

Так вот у отдаленного гибрида, как и полагается, в каждой клетке два набора хромосом — один от отца, другой от матери. Но хромосомы, как и сами родители, скажем терн и алыча,

не похожи друг на друга. И теперь они, бедняжки, никак не могут найти себе пару. В результате, как правило, таким гибридам приходится размножаться вегетативным способом.

Но... хорошо, если это возможно. А вот как нужно было действовать академику Н. В. Цицину, когда выяснилось, что ржано-пырейные гибриды не дают потомства? Ответ был найден. Надо было сделать

ржано-пырейный гибрид тетраплоидом.

Что же получилось? Каждая хромосома в процессе обычного деления клетки создала себе пару, но теперь эта напарница не ушла в новую клетку-«дочь», а осталась в старом ядре, и ее создательнице стало с кем танцевать «танец хромосом». Половые клетки стали иметь двойной против обычного по количеству набор хромосом, у ржано-пырейных гибридов первого поколения появились наследники.

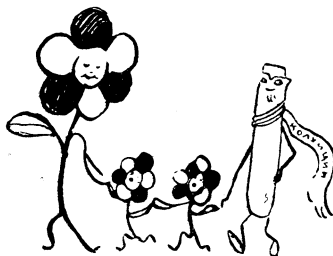
«Преодоление бесплодия у ржано-пырейных гибридов является большой победой советской селекции», — писал академик об этих результатах. Большое значение этот прием имел и в опытах Жебрака, о которых уже говорилось.

Одним из главных поставщиков эфирных масел служит человеку перечная мята. «Размножается вегетативно», — так написано в Большой советской энциклопедии. Еще бы! Редко-редко находят на этих многолетних кустистых растениях семена. Но они нужны селекционерам, которые добиваются повышения содержания в растении ментолового масла. И приходилось обмолачивать урожай с целых гектаров, чтобы получить несколько горстей семян.

В ряде стран вообще прекратили селекционную работу с этим видом — показалось, что игра не стоит свеч. Перечная мята — тоже отдаленный гибрид. И тот же прием, что и академик Н. В. Цицин, использует Александр Николаевич Лутков, который сейчас заведует лабораторией полиплоидии Новосибирского института цитологии и генетики.

В результате резко изменилась форма метелочек, образуемых соцветиями, растения стали крупнее. А главное — только с одного из них можно было собрать до 5 тысяч семян. Это открывало широчайший простор для селекционной работы.

Селекция полиплоидной мяты принесла свои плоды — повышение содержания масла, увеличение урожая. И еще одно преимущество имеет полиплоидная мята, особенно удобное для механизаторов. Диплоид склонен расстилаться по земле, пускать от стебля добавочные корни, его трудно отделить от земли.

Полиплоиды стоят прямо, как храбрые солдаты, косилка срезает их легко и без остатка.

Поэтому уже сейчас полиплоидная перечная мята занимает почти половину всех посевов этого растения.

Глава называется «Чем хуже — тем лучше». Так можно сказать о сделанном биологами открытии: чем менее плодovit был гибрид сразу после получения, тем больше потомства даст он, став полиплоидом. 5 тысяч семян перечной мяты — одно из подтверждений этого факта.

БЕЗДЕТНЫЕ РОДИТЕЛИ

Бывают случаи, когда человек даже заинтересован в том, чтобы семян не было. Не верится? Вспомните хоть вишни. Честное слово, можно бы обойтись без косточки. Или арбузные семечки. Только место занимают.

И здесь приходит на помощь полиплоидия — мастер на все руки.

При этом стараются получить гибриды с нечетным числом наборов хромосом. Такие гибриды почти всегда бесплодны. Но и тут простым действием колхицина, разумеется, цели не достигнешь. Поэтому сначала получают тетраплоидную форму какого-нибудь растения, а потом скрещивают с диплоидом. Вот так японцы скрестили две формы арбуза. И получился арбуз-триплоид. Нельзя сказать, чтобы в нем совсем не было семян, но их гораздо меньше, они незрелы и так же не замечаются при еде, как незрелые семена в самом обычном огурце.

Исключительно перспективны работы, которые в самые последние годы повела лаборатория полиплоидии Новосибирского института цитологии и генетики. Их цель — получение для нашего сельского хозяйства триплоидов свеклы. В Дании и Венгрии триплоиды уже господствуют на свекловичных полях. Они дают добавку в конечном получении сахара с гектара на 15—20 процентов. Эта цифра складывается из значительного повышения сахаристости и некоторого роста урожая. При высоких урожаях обычной свеклы в ней, как правило, понижается содержание сахара. Так сказать, нос вытащил — хвост увяз. Триплоиды не имеют этой дурной привычки, они за счет количества не теряют в качестве. Так не проще ли было просто ввезти их семена из-за границы? Такие опыты делались. Но у нас гораздо более суровые условия. Это сказывалось. Нам нужны свои триплоиды. И вот с 1958 года, используя не только сибирское, среднерусское, украинское лето, но и кавказскую теплую зиму, превращая один год в два, создают мастера полиплоидии триплоиды свеклы. Сейчас свыше 50 тысяч триплоидных гибридов, полученных на основе самых различных сортов, испытываются в 16 точках Советского Союза.

Семена для посева придется получать каждый год заново, скрещивая выращиваемые на специальных участках тетраплоиды с диплоидами. Но ведь точно так же у нас и в США сеют кукурузу гибридными семенами, получаемыми на специальных полях. В конечном счете в обоих случаях — это весьма недорогая плата за буйное торжество гибридной силы, за искусственный гигантизм.

ЗАВТРА...

Попробуем представить, что может принести нам искусственная полиплоидия вместе со своими старшими братом и сестрой — отбором и гибридизацией и младшей сверстницей — радиобиологией.

Деревья в лесах мощнее и прекраснее. И в них почти нет дупел, следов гнили — полиплоидные формы устойчивы против большинства болезней. Гораздо больше стало замечательнейших лиственниц. Кто сказал, что это реликтовые, отходящие на задний план, уступающие место другим деревьям растения? Гигантская полиплоидная лиственница (отдельные экземпляры ее найдены в природе и уже создаются искусственно), став несравненно жизнеспособней своей предшественницы, опровергла пессимистические предсказания. А под этим дубом, наверное, сидел еще Пушкин? Вот это ствол! Что вы?! Это подросток, ему всего лет двадцать с небольшим.

На полях покачивается 5—6-метровая конопля, высоко держит голову полиплоидный лен, дающий особенно длинные, тонкие и в то же время прочные волокна.

А вот пшеница. Каждое растение несет пять-семь сотен зерен. Это результат ее «брака» с плодovитейшим элимусом. Но этот «брак» был бы бесплоден, если бы в свое время (в наше время) гибрид не сделали полиплоидом.

На бахчах растут арбузы, мякоть которых, срезав верх корки, можно есть прямо ложкой из природной миски. Семечки сплевывать не придется...

В садах с деревьев свисают такие яблоки, что десятилетний мальчишка не съест зараз больше половины, такие груши, что одной штуки хватит на банку варенья. А ведь есть еще апельсины, одна долька которых не помещается в стакан, и неслыханный виноград...

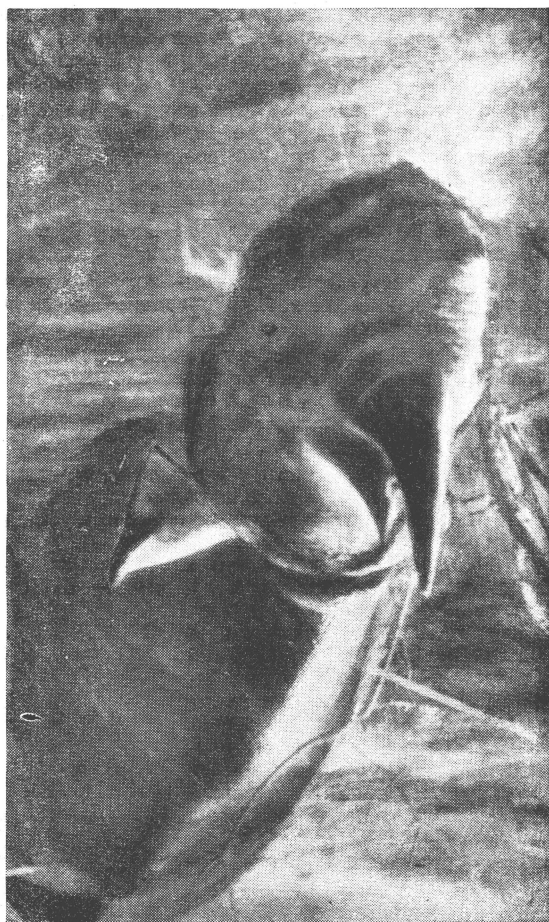
Цветы нашего скромного севера поспорят размерами и окраской с тропическими — полиплоидия уже сейчас дает возможность разнообразить величину, форму, цвет, даже запах существующих видов.

Полиплоидам найдется место не только на Земле. В кабине космического корабля, возможно, именно они будут ускоренными темпами очищать воздух, давать космонавту обогащенную белками пищу. Кстати, судя по уже проведенным опытам, они более устойчивы к ионизирующим излучениям, чем их старшие родственники, лучше умеют приспособляться к изменяющимся условиям. Может быть, полиплоиды первыми вступят на почву Венеры и Марса...

Основы великих достижений будущего закладываются сегодня.

*Спасательная
операция
на Замбези*

Носорог поздно заметил опасность. Просвистели метко пущенные стрелы, легко раненное животное рухнуло на землю и... заснуло.

Стрелки связали носорога и бережно погрузили неподвижную тушу на плот.

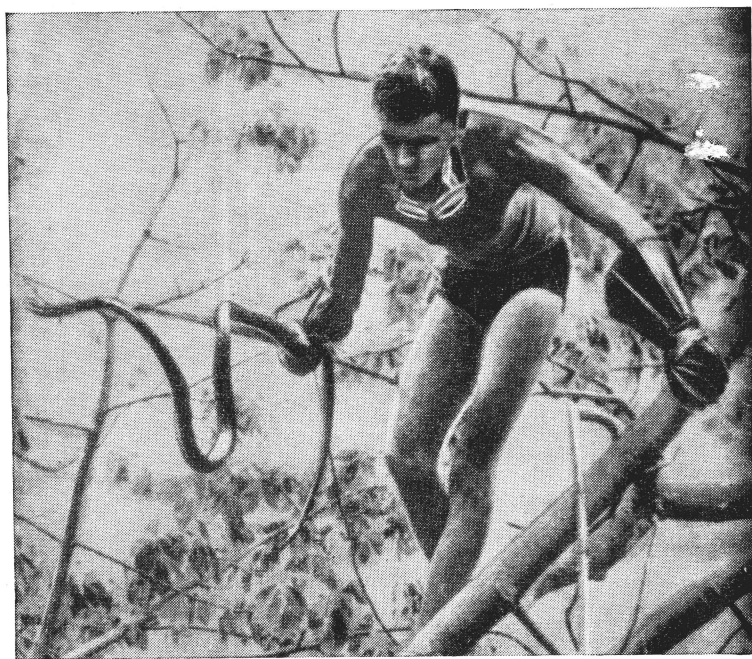
Дальнейшие события развивались вопреки правилам охоты. Моторная лодка отбуксовала животное к берегу. Вскоре развязанный носорог поднялся. Не найдя обидчиков, он обрушил свой гнев на плот, превратив его в груды обломков, и скрылся в лесу.

Многие месяцы продолжалось в Федерации Родезии и Ньясаленда спасение диких лесных обитателей. Тысячи животных при заполнении водохранилища на реке Замбези были застигнуты врасплох наступающей водой. На помощь четвероногим пришли местные жители.

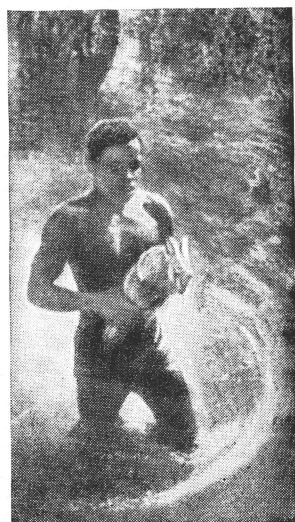
Напуганные животные в большинстве случаев упорно «отказывались» от услуг спасителей, стараясь брыкнуть, укусить, ужалить их или просто удрать.

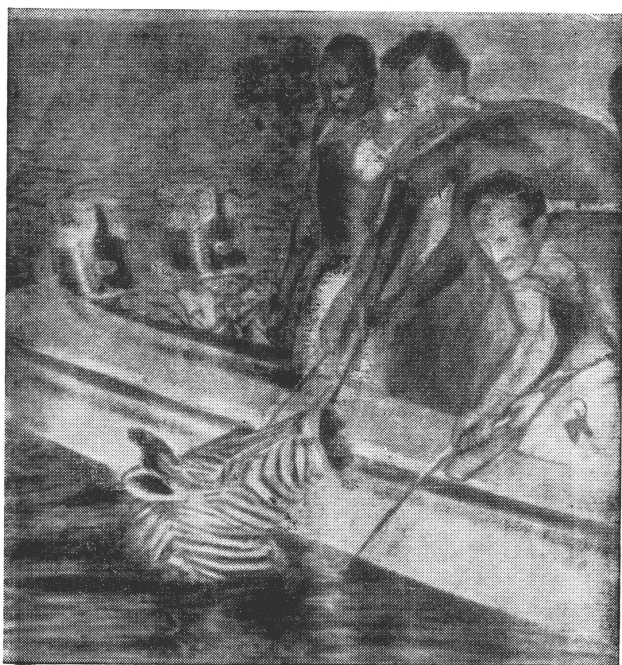
Сложнее всего было спасать львов, буйволов, носорогов, диких кабанов, слонов. В этих случаях люди пользовались достижениями медицины — пропитывали стрелы быстродействующими наркотиками и успокаивающими средствами.

С более или менее миролюбивыми лесными обитателями хлопот было меньше. Обезьян снимали с ветвей полузатопленных деревьев. Лодки нагоняли антилоп, козюль, муравьедов, дикобразов, пустившихся вплавь искать сушу. На них набрасывали веревки, втягивали на борт. Даже змей с большими предосторожностями доставляли на берег. Биологи, пользуясь случаем, без особого труда заполучили черную мамбу.

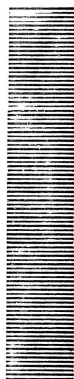

Только зебрам отказывали в комфорте за их постоянное желание кусаться. Их, как правило, обвязывали веревкой и брали на буксир.

На временных островках, возникших при затоплении водохранилища, животных обычно загоняли в маскированные сети, затем связывали и отвозили в лес.

Спасательная операция на Замбези прошла успешно.

РОБИНЗОНЫ КОСМОСА

Рисунки Н. ГРИШИНА

Во время операции свсис ни разу не шевельнулся, лишь короткая дрожь временами пробегала по его телу. Бреффор наложил повязки, на которых быстро проступили желтые пятна. Потом мы перенесли раненого в грузовик — свсис был не очень тяжел, килограммов семьдесят, как определил Мишель, — и уложили на импровизированную кушетку из трав и одеял. Все это время свсис не открывал глаз. Зато когда машину починили и завели мотор, он заволновался и... впервые заговорил. Это был поток шелкающих, странно ритмичных слогов. Свсис пытался встать, и нам пришлось удерживать его вчетвером, так он был силен. Постепенно пленник успокоился, и мы его отпустили. Я захотел пить и налил себе стакан воды. Приглушенный возглас Вандаля заставил меня обернуться: наполовину приподнявшись, свсис протягивал руку.

Окончание. Начало см. в № 4, 5.

— Он просит пить, — сказал Вандаль.

Тогда я решил сделать опыт. Наполнив стакан, я произнес: «Вода!» Ссвис понял и сказал: «Вода». Он взял стакан, недоверчиво осмотрел его и выпил воду.

Я показал ему пустой стакан. Он повторил за мной: «Такан». С такой же легкостью мы справились со словами «пить» и «спать».

Потом я ударил себя в грудь: «Я». Скопировав мой жест, ссвис произнес: «Взлик». Что это было, перевод местоимения «я» или его имя? Подумав, я рассудил, что второе, пожалуй, вернее. Но тогда он решил, что меня зовут «Я»!

Постепенно опыт все усложнялся.

— Вода пить?

Он ответил:

— Взлик спать.

Мы разинули рты. Это существо было наделено невероятной сообразительностью! Мне хотелось продолжить урок, но Вандаль напомнил, что ссвис ранен и, наверное, измучен. И правда, наш пленник, повторив еще раз: «Взлик спать», — вскоре уснул.

Вандаль сиял.

— Если они все такие способные, мы скоро передадим им многое из нашего опыта.

— Пожалуй, — согласился я с кислой миной. — А через пятьдесят лет они будут на нас охотиться с ружьями! Впрочем, так далеко нечего заглядывать. Ясно одно: если мы с ними договоримся, они будут бесценными союзниками.

— По-моему, это будет нетрудно, — вмешался Бреффор. — Ведь мы спасли ему жизнь!

— Ну да, одному спасли, а больше десятка перестреляли. И, может быть, даже его соплеменников.

— Но ведь они напали первыми.

— А мы вторглись на их земли. И если они объявят нам войну... В общем надо заботиться о нем получше. В нашем положении ничем нельзя пренебрегать.

Я перебрался вперед. Мишель вел машину. Мартина сидела рядом с ним.

— Заночуем здесь, — предложил я.

Мы остановились.

Подложив под голову свернутую палатку, я растянулся на земле лицом к небу, где сверкали уже знакомые нам созвездия.

— Это еще что? — спросил вдруг Бельтер, обратив наше внимание на странный силуэт, возникший в лунном свете. Все движения зверя, быстрые, упругие, гибкие, говорили о том, что это хищник. Несмотря на сравнительно небольшой рост — около полутора метров, — чувствовалось, что он невероятно силен. Я показал его ссвису. Тот сразу заволновался, залопотал, делая вид, будто натягивает лук, потом показал на наше оружие, повторяя одно слово: «Бизир! Бизир!» Я понял, что зверь опасен, и торопливо вставил магазин в автомат. Все остальное произошло с ошеломляющей быстротой. Первым прыжком зверь преодолел метров тридцать пять. И снова взвился над землей, устремляясь прямо на нас. Мартина вскрикнула. Все остальные вскочили. Я дал очередь, не целясь, и промахнулся. Еще одна очередь, и снова впустую — я зря израсходовал все патроны.

Растянувшийся возле меня Мишель быстро сунул мне новый магазин.

— В машину скорее! — крикнул я, нажимая гашетку.

Бельтер, Мартина, Вандаль и Мишель нырнули в кузов, втащив за собой свиса.

Из грузовика навстречу чудовищу пронеслась трассирующая очередь двадцатимиллиметровки. Должно быть, она достигла цели, потому что хищник остановился. Вскочив в кузов, я хлопнул дверцу.

Внезапно Мишель отшатнулся с отчаянным воплем:

— Держитесь!

Страшный удар потряс машину. Броня затрещала прогибаясь. Меня отбросило на Вандаля, а сверху всей тяжестью своих восьмидесяти пяти килограммов рухнул Мишель. Пол затрясся, и я уже думал, что он проломился. Пулемет смолк, свет погас. Мишель с трудом поднялся и зажег карманный фонарик.

— Мартина! — позвал он.

— Я здесь, в башне. Все кончено.

Труп хищника лежал, привалившись к грузовику. Наверное, он умер в последнем прыжке, на лету. Его изуродованная голова была отвратительна.

— Как все произошло? Мартина, ты должна была видеть!

— Очень просто. Когда ты вскочил в грузовик, зверь прыгнул. Я угостила его как следует.

— Скажу вам одно, — проговорил Бельтер, поставив ногу на поверженного зверя. — Если вокруг Кобальт-сити водится много таких созданий, мы с ними хватим горя. Какие прыжки! И какая живучесть! А вы посмотрите на клыки, — продолжал он, осматривая хищника.

— Зато ума у него, пожалуй, немного, — заметил Вандаль. — Даже непонятно, где может уместиться мозг в таком плоском черепе.

Я повернулся к Мартине и поздравил ее:

— Ловко ты справилась с пулеметом!

— Тут не моя заслуга, а Мишеля. Это он научил меня стрелять.

Короткая красная ночь прошла без тревог. Наутро мы решили переправиться через реку. Для этого пришлось соорудить большой плот. На его постройку ушло целых шесть дней.

Здесь мы впервые отведали теллусийского мяса; небольшое животное, сильно уменьшенная копия «слонов», которые приходили на водопой, поставило нам вырезку на жаркое. Из осторожности мы съели по маленькому кусочку, так как опасались отравления. По вкусу мясо напоминало телятину. Почти поправившийся к этому времени Взлик поглощал его с явным удовольствием. Никаких желудочных болезней не последовало, и с этого дня мы все время разнообразили наше меню. Зато попробовать плоды с деревьев, сваленных для плота, мы так и не решились, хотя Взлик уписывал их за обе щеки. Он уже начал ходить и, казалось, совсем привык к нам. Накопленный запас французских слов позволял ему выражать простейшие мысли.

Переправа прошла благополучно. Сняв с плота веревки и вы-

ташив гвозди, мы двинулись вниз по течению. Я отметил, что река повсюду довольно глубокая, без отмелей и перекатов.

Жизнь кипела на берегах. Мы встречали многочисленные стада «слонов», иногда видели голиафов. Два раза вдалеке появлялись «тигрозавры». Это название, придуманное Бельтером для хищника, который на нас напал, так за ним и осталось, несмотря на протесты Вандала, уверявшего, что у зверя нет ничего общего ни с тигром, ни с ящером.

Почва становилась все более неровной; низкие холмы заставляли нас то и дело искать объезды. Перевалив последний подъем, мы почувствовали в воздухе терпкий солоноватый запах.

— Море близко, — сказал Бельтер.

Вскоре мы увидели его. Оно было темно-зеленое, бурное. Дул западный ветер, и волны, увенчанные пеной, с ревом обрушивались на берег.

Мы съехали вниз и остановились на пляже, усеянном гранитной гнейсовой галькой. Вандаль выскочил из машины первым, горя нетерпением исследовать морское побережье, этот рай биологов. Здесь в лужичках кишели тысячи невиданных существ! Одни приближались к земным формам, другие совершенно ни на что не походили.

Скоро Шэффер обнаружил за гнейсовым барьером изолированную заводь. Вода в ней была так прозрачна, что можно было все камешки пересчитать, а единственными ее обитателями оказались маленькие ракушки да несколько водорослей. Мы плескались, как дети!

Взлик долго смотрел на нас, потом влез в воду. Плыл он странно, по-змеиному изгибая тело и почти не шевеля ногами, но довольно быстро. Потом мы поехали дальше.

Через некоторое время побережье стало скалистым, и нам опять пришлось свернуть в глубь материка. Так случайно мы открыли озеро. Его юго-западный берег был низким, а с востока простиралась цепь скал и холмов. Густые заросли темной рамой окаймляли водяную гладь, чуть сморщенную рябью; вода при лунном свете переливалась и фосфоресцировала.

Мишель сменил меня на посту. Я настолько устал, что заснул мгновенно, а когда открыл глаза, мне показалось, что спал всего несколько секунд. Однако сквозь окна уже просачивался свет голубой зари.

— Сейчас вы увидите зрелище, достойное богов, — прошептал Мишель.

Мы вышли и не смогли сдержать крик восхищения. Озеро лежало перед нами густо-синее с прозеленью, как толща льда на леднике, в пурпурно-золотой оправе. Прибрежные скалы оказались изумительного красного цвета, а деревья, трава и кустарник играли всеми оттенками желтизны, от платинового слава до червонного золота. Лишь кое-где в этой гамме виднелись зеленые пятна, а холмы на востоке, над которыми вставал Гелиос, розовели, словно затопленные цветущим вереском.

— Волшебное озеро! — вздохнула Мартина. — В жизни не видела ничего прекраснее!

— «Волшебное озеро» — неплохое название, — заметил Мишель.

Мы ехали весь день и всю ночь. Когда занялась голубая заря, до нашего земного островка оставалось километров сто, но мы хотели обследовать ближайшие окрестности и рассчитывали вернуться в деревню только к вечеру. Неожиданный вызов по радио спутал все планы.

— Накануне гидры убили троих людей и двух быков. Теперь они пикируют поодиночке и летают над самой землей, где ракеты не могут причинить им никакого вреда. Положение критическое, — передал Луи.

— Я думаю, что лучше бы покинуть этот клочок земли, — ответил я. — Вдали от болот мы не встретили ни одной гидры.

Из приемника отчетливо донесся вой сирены.

— Это не так-то просто, но если... Ну вот, снова летят! Не отключайся! — сказал Луи. — Постараюсь держать вас в курсе. Может быть...

Серия оглушительных взрывов помешала ему договорить, потом послышались выстрелы. Обеспокоенный, я начал вызывать. Послышался задыхающийся голос Луи:

— Спешите! Их тут самое малое тысячи три! Попытайтесь приехать до темноты.

— Луи, мы будем в деревне часа через два, — проговорил я в микрофон. — Держитесь!

— Вы так близко? Нам повезло.

— А где мой дядя?

— Заперся в обсерватории вместе с Менаром, им там ничего не грозит. Твой брат с инженерами в седьмом убежище. У них ручной пулемет, и, похоже, они им неплохо действуют.

Мы добрались до рудника без происшествий. Здесь не было ни души. Через секунду дверь одного убежища приоткрылась, и кто-то помахал нам рукой. Мишель подвел машину вплотную: только тогда я узнал мастера Жозефа Амара.

— Где остальные?

— Уехали на поезде. Они переделали его в бронепоезд и взяли все оружие. Я остался, чтобы вас предупредить. Из Совета звонили, сказали, что вы должны подъехать.

— Лезьте к нам.

Амар уставился на Взлика вытаращенными глазами:

— А это еще что за товарищ?

— Туземец. Потом всё узнаете.

Через десять минут до нас начали доноситься взрывы, и, наконец, мы увидели деревню. Все окна и двери были забаррикадированы. Гидры сидели на крышах многих домов или совсем низко летали над улицами. Бронепоезд стоял на «вокзале».

— Поль, подъезжай к паровозу, — приказал я.

Рудокопы поработали на славу. Вокруг вагонов на земле валялось около сотни вздувшихся дохлых гидр.

— Черт возьми, каким образом вы столько насбивали? — крикнул я.

Машинист — это оказался Бирон — прокричал в ответ:

— Мы их шпарим кипятком. Вот еще пожаловали, сейчас

увидите! — Бирон просунул в бойницу шланг с медным нако-
нечником и деревянной ручкой.

Чудовища были уже метрах в тридцати и мчались с большой
скоростью. Внезапно навстречу им ударила струя кипящей воды
и пара, сразу сбив штук двенадцать. Остальные рассеялись.

— Видели? — крикнул Бирон. — Проще простого! Мы бы
уложили куда больше, сообрази я в первый раз подпустить
их поближе. Сплоховал, а теперь они вроде побаиваются.

— Хорошая выдумка, она сбережет немало пуль. Надо будет
усовершенствовать ваше изобретение. Я доложу Совету, и, ду-
маю, вам вернут политические права. Сейчас мы едем в деревню.
В каком доме Луи Морьер?

— Наверное, на почте.

По дороге к площади гидры нас не тронули, и мы спокойно
доехали до почты. Крыша ее казалась сплошной шевелящейся
зеленой массой. Гидры словно замерли, вцепившись щупальцами
в черепицу и глупо тараща глаза. Мы стали тщательно целить-
ся, стараясь сразу поразить нервные центры гадин. Через не-

сколько минут нам удалось снять с почты ее вторую, живую кровлю. Луи выскочил из дома и прыгнул в грузовик.

— Что нового? — спросил я.

— С вашим приездом дело пошло, но эта мерзость проникла в три дома. Убито еще человек двенадцать. Среди них Альфред Шарнье и Маделина Дюшер. Телефонная линия повреждена где-то между почтой и заводом. Постарайтесь ее восстановить, а то неизвестно, что там творится. Я останусь здесь.

Луи вернулся в дом, а мы поехали вдоль телефонной линии. Вот и место обрыва. Захватив кусок медного провода, я выскочил из грузовика. Едва я начал сращивать оборванные концы, над моей головой залаял пулемет. Гидры неслись ко мне. Пользуясь старым приемом, я бросился плашмя на землю, а когда они проскочили мимо, быстро влез в машину. Мне пришлось дважды возобновлять эту опасную игру.

Восстановив связь, мы приступили к очистке крыш. Начали с площади, и через час здесь все было кончено. Затем грузовик двинулся по главной улице. Едва мы сделали первые выстрелы, как гидры, словно по сигналу, поднялись в небо, собрались в облако и скрылись.

В тот же вечер собрался Совет. Нас осталось всего семь человек, так как кюре и Шарнье погибли. Я сделал краткий отчет об экспедиции и представил Совету Взлика. Затем Луи рассказал о том, что произошло в наше отсутствие. Главной проблемой была новая тактика гидр. Теперь они прилетали ночью, затаивались в кустах или кронах деревьев и оттуда внезапно нападали на прохожих. Люди боялись выходить из домов и передвигались только вооруженными группами.

— По радио ты предложил переселиться, — вспомнил Луи. — Я целиком «за», но как это сделать? Если переезжать на грузовиках, не хватит горючего, а пешком невозможно.

— Я предлагаю корабль.

— А где ты его возьмешь?

— Надеюсь, Этранж сумеет сделать нам чертежи. Достаточно будет маленького грузового судна. Наша территория подходит вплотную к морю. Морем мы доберемся до устья Дордонн. Реку я исследовал: она судоходна на всем протяжении.

— Каким образом будет двигаться судно? — спросил дядя.

— Поставим паровую машину или большой дизель с завода. Хотя горючее... Черт, если бы у нас было оборудование для буровой, я мог бы проверить, глубоко ли здесь нефть.

— Оборудование есть, — сказал вдруг Этранж. — Полный комплект. Когда проектировали вторую плотину и бурили пробные скважины, весь инструмент остался на заводском складе. Как раз перед самой катастрофой я получил письмо: изыскатели хотели забрать оборудование, но так и не успели.

— Ну, знаете, нам, кажется, повезло куда больше, чем всем Робинзонам, вместе взятым!

— Кстати, среди моих людей трое когда-то работали на Аквитанских нефтяных промыслах.

— Тогда все в порядке. Мы приступим к разведке завтра. Надеюсь, все согласны переселиться из этих мест?

— Надо проголосовать, — сказала Мария Прэль. — Я понимаю, здесь оставаться трудно, но отправиться в сторону этих,

этих... — она кивнула на Взлика, который молча прислушивался к разговору. — Нет, надо голосовать!

— О, с ними, я думаю, мы сговоримся, — возразил Мишель. — Впрочем, давайте проголосуем, так будет лучше.

Когда развернули бумажки, служившие нам бюллетенями, два голоса оказались «против» — Мария Прэль и учитель, остальные — «за».

Через несколько дней мы отправились на разведку нефти. Как я и предполагал, нефть оказалась неглубоко: мы дошли до нее, пробурив скважину всего в восемьдесят три метра. Не без труда наполнили мы цистерну наскоро оборудованного нефтевоза и отправили его в деревню, где уже сооружалась установка для перегонки нефти. Несмотря на всю свою примитивность, она дала вполне приемлемый бензин.

Я пробыл на буровой два месяца. Взлик совершенно выздоровел и приехал ко мне; он делал удивительные успехи во французском языке, и мы болтали с ним, как земляки.

Каждый вечер я связывался по радио с Советом. Чертежи судна были уже готовы, завод приступил к изготовлению отдельных частей, но жить в деревне становилось день ото дня страшнее. Гидры нападали непрерывно, бороться с ними было трудно, и мы потеряли еще семнадцать человек и большое количество скота.

К концу второго года пребывания на Теллусе наш первый корабль отправился в пробное плавание. Он хорошо принимал волну, однако его крейсерская скорость не превышала шести узлов.

Мишель и Бреффор совершили рейс до окрестностей Кобальт-Сити; они взяли с собой семена земных трав, чтобы к тому времени, когда мы перевезем скот, на месте уже было достаточно привычного для животных корма. С ними поплыл и Взлик, которому мы поручили переговоры с его племенем. Перед отплытием он открыл нам одну интересную подробность: оказывается, в Дронну впадает узкий, но довольно глубокий приток, который протекает всего километрах в тридцати от облюбованного нами места.

Тем временем мы построили баржу с небольшой осадкой, ее можно было вести на буксире. И вот началось великое переселение: на юг отплыл первый караван. На судне было семьдесят пять человек, оружие, инструменты, рельсы, листы дюрала и стали. Я был капитаном. Мишель и Мартина — моими помощниками. На баржу мы погрузили заводской паровозик, разобранный подъемный кран и горючее.

На море стоял штиль. Но я успокоился только тогда, когда «Победитель» — так мы окрестили своего первенца — дошел до устья Дордони.

Мы двинулись вверх по течению. Члены экипажа, кроме Мишеля и нас с Мартиной, еще не сталкивались с животным миром Теллуса, если не считать гидр.

Легко представить, с каким изумлением смотрели они на невиданных зверей. Как-то вечером одному тигрозавру удалось перепрыгнуть с берега прямо на палубу и ранить двоих людей, прежде чем его расстреляли в упор из пушки. А когда мы были уже недалеко от устья Дронны, по берегу галопом промчались

два сввиса. Несколько минут спустя впереди поднялись три столба дыма: условный сигнал Взлика.

Он ожидал нас на мысу у слияния двух рек. Около пятидесяти сввисов его племени, построившись клином, стояли метрах в ста позади.

«Победитель» застопорил машины, но якорь мы не бросали, опасаясь всяких неожиданностей.

— Поднимайся к нам, — предложил я.

Взлик бросился в воду и взобрался на борт по пассажирскому трапу. В этот момент механик высунулся из люка машинного отделения и разинул рот:

— Неужели нам придется жигь с этими чудаками?

Взлик повернулся и ответил:

— Не бойся, они хорошие.

Механик был ошеломлен.

— Вот это да! Он говорит по-французски?!

Его поведение меня удивило, но потом я вспомнил, что жители деревни видели сввиса лишь мельком.

— Ну как? — спросил я. — Что вы ответите на наши предложения?

— Мы выбрали мир. Мы даем вам Сигнальную гору, по-нашему — Несса, даем всю землю между Везером, Дордонью и Дронной до Неведомых гор, по-нашему — Босер. За нами остается право прохода через эти земли. Взамен вы даете нам железо, сколько понадобится, и будете помогать нам в борьбе с черными сввисами, или сслвирами, с тигрозаврами и голиафами. Вы можете проходить через наши земли и рыть в них свои ямы, но не охотиться. Для этого нужно спрашивать разрешение у Совета племени.

— Мы согласны, — сказал я. — Только железо дадим не сразу. Понадобится время, чтобы его добыть.

— Знаем. Я рассказал сввисам, как вы его достаете из земли. Совет вождей хочет вас видеть.

— Хорошо, идем.

Мы спустили на воду ботик и сели в него втроем: Взлик, Мишель и я.

Четыре хороших гребка, и ботик ткнулся носом в берег. Дюжина сввисов приблизилась, разглядывая нас. Нам казалось, что все они совершенно похожи друг на друга и, если Взлик смешается с остальными, мы уже не сможем его найти. Позднее, по привыкнов к их виду, мы, конечно, легко отличали знакомых сввисов от незнакомых.

Взлик в нескольких словах передал, что мы приняли все условия. В залог дружбы я вручил каждому по отличному стальному ножу, какой уже был у Взлика. Судя по всему, подарок им понравился, но ни одна черточка не дрогнула на их лицах.

Мы вернулись на судно вместе с Взликом и медленно двинулись вверх по течению. Там, где Изель — так я назвал этот приток, показанный нам Взликом, — изгибается широкой излучиной, нам пришлось остановиться: дальше начинались пороги. Здесь река образовала спокойную заводь. Я решил, что лучшего места для порта не сыскать.

Весь следующий день мы валили деревья для постройки при-

стани. Через неделю она была готова. Уложив рельсовый путь, приступили к самой сложной операции — выгрузке подъемного крана. Даже в разобранном виде он был невероятно тяжел. Нам не удалось избежать несчастья: около полудня молодой рабочий Леон Белльер поскользнулся и был раздавлен упавшей на него балкой. Мы похоронили юношу и в память о нем назвали эту бухту Порт-Леон.

Когда кран встал на место, работать стало легче.

Мишель принял от меня команду судном, и «Победитель» уплыл, а оставшиеся шестьдесят человек приступили к постройке бревенчатого форта. Бригада дорожников сразу же начала укладывать рельсы железнодорожной ветки длиной в пятьдесят километров, которая должна была связать Порт-Леон с Кобальт-Сити.

Мы успели уложить четыре километра пути, использовав весь запас рельсов, когда «Победитель» вернулся с новым грузом.

Нам доставили большое количество горючего, рельсов и маленький экскаватор. На судне прибыло также пятьдесят рабочих. С третьим рейсом приплыли первые семьи, женщины с детьми.

Несколько коров и овец, которых мы выпустили на участок, засеянный земными травами, чувствовали себя хорошо. По вечерам их загоняли в хлев при форте, опасаясь тигрозавров.

Мы строили для переселенцев временные хижины из расчета двух комнат на семью. Холостяки — их, кстати, становилось все меньше и меньше — жили в общежитии.

Железнодорожная ветка росла с каждым днем. И вот пришел день, когда дорога дошла до долины, где должна была вырасти наша столица. К тому времени в «земной» деревне осталось всего человек полтораста: в основном это были рабочие, разбиравшие под руководством инженеров заводское оборудование. С ними был мой дядя и Менар: зная, что перевезти обсерваторию невозможно, они тщательно законсервировали все здания до тех пор, пока у нас появятся более совершенные транспортные средства.

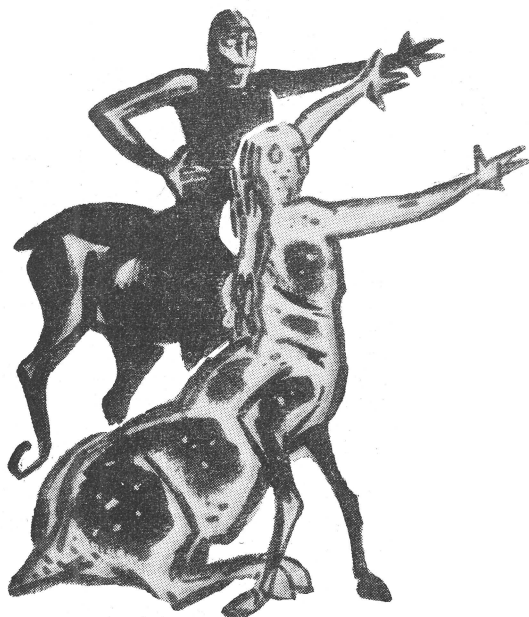
Разумеется, мы не могли взять с собой большой телескоп, но два других, поменьше, мы все-таки сумели увезти.

В памяти у меня остались самые светлые воспоминания о днях новоселья. Наши дома, построенные наполовину из бревен, наполовину из дюрала, стояли по склонам долины в живописном беспорядке. Многочисленные животные бродили вокруг, но среди них не было ни тигрозавров, ни голиафов; чаще всего мы видели мирных травоядных или мелких хищников, напоминавших наших лисц или кошек. Кстати сказать, земные деревенские кошки размножились необычайно и очень помогали нам, уничтожая маленьких грызунов, покушавшихся на посевы.

Мы начали добывать цемент из мергелевого известняка ближайших скал и в первую очередь построили завод в трехстах метрах от выходов каменного угля. Как только прибывали станки, их немедленно устанавливали на подготовленные места. Скоро завод заработал.

В этот день я женился на Мартине. Свадьба была очень простой, чисто гражданской, потому что ни я, ни она не верили в бога. И это была не первая свадьба на Теллусе: Белльер и

Ида поженились в Кобальт-Сити на два месяца раньше нас. Ссвисы прислали целую делегацию с подарками. Взлик рассказал им, что я больше всего люблю камни, и передо мной высыпал целую кучу всевозможных камней, среди которых оказалось

несколько прекрасных кристаллов и кусок превосходной медной руды. Последняя меня очень обрадовала. Я спросил, где ее нашли, и ссвисы показали мне место к юго-востоку от пика Тьмы. Месторождение оказалось необычайно богатым.

Мы давно хотели посетить племя Взлика, да все не было случая, а тут свадьба, и мы решили отправиться к ссвисам в «свадебное путешествие». К вечеру мы добрались до пещер. Они были расположены под самым гребнем довольно крутого обрыва, у подножия которого струился ручей.

Взлик заранее предупредил соплеменников о нашем приезде. Нас встретили и провели к вождю племени, очень старому ссвису с зеленоватой от времени кожей. Он лежал на толстой подстилке из сухих трав в большой открытой пещере, все стены которой были покрыты удивительно живыми изображениями голиафов и тигрозавров, пронзенных стрелами. Среди этих изображений, наверняка имевших магическое значение, мы вдруг увидели себя: люди и грузовики были нарисованы очень точно.

Старый Слик — так звали вождя — при виде нас встал и через Взлика обратился к нам со словами приветия. За спиной Слику на каменной стене висело его оружие: большой лук,

стрелы и дротики. На вожде не было никакой одежды, если не считать ожерелья из сверкающих камней.

Я вручил ему нож и стальные наконечники для стрел, а также маленькое зеркальце, которое поразило свсиса больше всего. В продолжение всего ужина он не выпускал зеркальца из рук.

В пещерах царил необычайная чистота. Входы в них довольно плотно закрывались шитами из кож, натянутых на деревянные рамы. Внутри горели светильники, заправленные растительным маслом.

— Культура у них совсем человеческая! — заметила Мартина.

— Ты права. И я даже думаю, что их образ жизни почти ничем не отличается от жизни наших предков в каменный век. Разве что чистоплотностью.

Свсисы очень внимательны к своим женам и проявляют о них заботу, даже удивительную для такого примитивного уровня развития. Женщины-свсиски меньше ростом, более коренасты, и кожа у них светлее, чем у мужчин. Мне показалось, что Взлик и дочь вождя Ссуай знают друг друга более чем хорошо, и это меня искренне порадовало. Если Взлик после смерти своего «тесть» станет вождем племени, наш союз должен упрочиться.

Мы пробыли у свсисов восемь дней. Постепенно я уяснил себе устройство их общества. В отличие от ссвивов, черных свсисов, коричневые свсисы придерживаются единобрачия. В племени четыре рода с родовыми вождями, роды объединяются только в случае войны или для большой охоты. Все племя состояло из восьми тысяч свсисов, включая женщин и детей. Помимо этого, племя входит в союз, насчитывающий еще десять племен, однако все они собираются вместе лишь в случае особой опасности. Основное занятие свсисов — охота, но они занимаются

также примитивным земледелием. Они умеют коптить мясо и могут, таким образом, делать запасы впрок.

Со всех сторон, кроме северной, племя ссвисов окружают их исконные враги, черные ссливы. Далеко на юге обитают другие племена красных ссвисов. Легенды говорят, что там прародина племени Взлика.

Родственные связи за пределами семьи у ссвисов практически отсутствуют. Живут ссвисы очень долго, по сто — сто десять земных лет, если только не погибают раньше на войне, что, впрочем, случается довольно редко. Ссвисы беззаветно храбры и свято соблюдают верность союзникам. Воровство для них — вещь совершенно неизвестная. С точки зрения интеллекта ссвисы почти ничем не уступают людям и обладают поразительной восприимчивостью. Многие из них стали впоследствии первоклассными рабочими, а кое-кто — выдающимися математиками.

Прошло более двенадцати месяцев по земному времени с тех пор, как мы переселились в Кобальт-Сити. Если мерить старой мерой, мы жили на Теллусе уже пятый год. Менар подсчитал, что это должно соответствовать трем теллусийским годам.

Кобальт-Сити постепенно преображался. Теперь он походил на оживленный город, окруженный полями, на которых колосилась пшеница и «скин» — местный злак ссвисов. В поселке было две с половиной тысячи жителей, своя электростанция, маленькая клиника, где Массакр готовил будущих врачей, и даже зародыш университета, где я тоже преподавал. Земные травы все больше вытесняли в окрестностях теллусийскую растительность, и на ближайших холмах паслись тучные стада.

Мы добывали различные металлы и уголь, полностью удовлетворяя свои нужды.

Одержимый мечтой о дальнейших исследованиях, я заложил в Порт-Леоне верфь, на которой достраивался более быстроходный корабль, чем «Победитель».

Каждые двадцать дней по уже наезженной дороге к Нефтяному источнику отправлялись два нефтевоза. Но скважина быстро истощалась. Впрочем, это меня несколько не огорчало. Я открыл новый нефтеносный район.

Короче говоря, все шло так, что, если бы не случайные встречи со ссвисами на улицах да не два солнца и три луны в небе, можно было бы подумать, что мы вернулись на Землю.

Именно в это время произошло самое значительное событие после нашего прибытия на Теллус.

В тот вечер я поднялся наверх, забыв выключить стоящий в углу приемник. Ночью меня разбудила Мартина:

— Послушай, внизу кто-то разговаривает!

Я подошел к окну, распахнул его, прислушался. Снаружи было темно и тихо. Город спал.

— Тебе, наверное, почудилось, — проговорил я, укладываясь обратно в постель.

— Послушай, вот опять!

Действительно, снизу доносились какие-то звуки.

— Пустое! — пробормотал я уже в полусне и спокойно объяснил полузабытыми земными словами: — Просто я забыл выключить радио...

И тут сон мой как рукой сняло.

— Черт побори, кто может вызывать в такой час?

Кубарем скатился по лестнице и бросился к приемнику. Лампы горели, но эфир молчал. Через окно я видел небо, усеянное звездами; луна, должно быть, уже зашла. И вдруг из динамика прозвучал голос:

— Here is WA, calling New-Washington... Here is WA, calling New-Washington... *

Тишина. И опять:

— Here is WA...

Звук был очень чистым. Передающая станция находилась, наверное, где-то совсем рядом.

— Слушай! — снова сказала Мартина.

Я замер затаив дыхание. Что-то тихо жужжало.

— Неужели самолет?

Я подбежал к окну. Крохотный огонек медленно полз среди звезд. Метнувшись к аппарату, я начал лихорадочно крутить ручку настройки, пытаюсь найти волну, на которой шла передача.

— WA, WA, who are you?

Кричал я в передатчик, используя все свои познания в английском:

— WA! WA!

Наконец нужная волна найдена.

— WA, who are you? Here New-France! **

Я услышал приглушенный возглас и ответ на великолепном французском языке:

— Говорит самолет WA. Где вы находитесь?

— Прямо под вами. Следите, я зажгу снаружи свет.

Теперь самолет кружил над нашими головами.

— Вижу ваши огни. Ночью сеть невозможно, мы прилетим потом. Сколько вас и кто вы?

— Около четырех тысяч, все французы. А вас?

— В самолете семь, в Нью-Вашингтоне — одиннадцать тысяч американцев, французов, канадцев и норвежцев. Оставайтесь на той же волне. Мы будем вас вызывать.

— Давно в полете?

— Десять часов. Вылетели на разведку. Днем вернемся к вам.

Не в силах усидеть дома, мы бросились будить моего брата, Луи, Бреффора и, наконец, переположили весь город. Новость распространилась молниеносно. Мы едва дождались рассвета.

С утра жители Кобальт-Сити начали готовиться к встрече летчиков. Чтобы не ударить в грязь лицом, мы расчистили обширную площадку с твердой почвой и выложили белую стрелу, указывающую направление ветра. Потом я вернулся к приемнику, у которого дежурила Мартина.

— Ну, что?

— Пока ничего.

— Не могло же нам это присниться?

Два часа прошло в томительном ожидании. Вокруг приемника собралась целая толпа. И вот наконец:

* Говорит WA, вызываю Нью-Вашингтон...

** WA, кто вы? Говорит Новая Франция!

— ВА вызывает Новую Францию! ВА вызывает Новую Францию!

— Новая Франция слушает. Говорите! Прием.

— Мы летим над материком близ экватора. Два мотора отказали. Вернуться, по-видимому, не сможем. Связь с Нью-Вашингтоном прервана. Слышим вас очень плохо. На тот случай, если мы погибнем, вот координаты Нью-Вашингтона: 41°32' северной широты, 62°12' западной от вас долготы.

— Где вы находитесь сейчас?

— Примерно на восьмом градусе северной широты и двенадцатом от вас градусе долготы.

— У вас есть оружие?

— Да. Пулеметы на турели и ружья.

— Постарайтесь сесть. Мы вас найдем. У животных, похожих на носорогов, мясо съедобное. Только не ешьте незнакомых фруктов!

— На строгом пайке нам хватит бортовых запасов на тридцать дней. Идем на посадку, третий мотор тоже сдает. Снижаемся на равнину между очень высокими горами и морем. До скорой...

Передача оборвалась. Сдерживая растущую тревогу, мы ждали. Где-то там, за шесть с лишним тысяч километров от нас, семеро смельчаков боролись со смертью. Мы прождали так целый час, и лишь тогда голос снова заговорил:

— Посадка удалась. Самолет серьезно поврежден, но мы все живы. К несчастью, аккумуляторы сильно разряжены. Поэтому будем передавать изредка только позывные, чтобы вы не теряли направления.

Я немедленно выехал в Порт-Леон. «Дерзновенный», маленький кораблик с грузоподъемностью около ста сорока тонн, был уже на плаву. Два мощных дизеля с завода сообщали ему скорость до 25 узлов. Учитывая наши скромные возможности, это был настоящий шедевр кораблестроения!

Команда состояла из двенадцати человек. Штурманом был Мишель, старшим механиком — Бирон.

Мы взяли с собой грузовичок, уменьшенную копию нашего верного «броневика».

Тихим ходом «Дерзновенный» спустился по реке. На выходе из устья Дордони я послал позывные; экипаж самолета коротко отозвался. И в ту же минуту корабль покачнулся на волне: мы вышли в океан.

На четвертый день вдали показалась земля, хотя мы все время шли одним курсом — прямо на юг. По-видимому, материк изгибался на юго-запад, если только это не был какой-нибудь остров. Мы пересекли 32° северной широты. Было жарко, но пока вполне терпимо. Вызвав по радио Кобальт-Сити, я узнал, что, несмотря на все усилия, установить связь с Нью-Вашингтоном пока не удастся.

Берег снова скрылся. Без особых происшествий мы достигли земли, где спустился самолет. По словам летчиков, это был материк, отделенный от нашего широким проливом. Обогнув длинный полуостров, мы пошли вдоль берега.

Наступил уже вечер, когда мы, наконец, доплыли до намеченного пункта: отсюда, по нашим расчетам, до самолета по суше

было ближе всего. Но берег нас разочаровал: деревья поднимались прямо из моря, толпились на илстых топких отмелях, где кишели неведомые гады, а воздух был отравлен невыносимо зловонными испарениями. О высадке не могло быть и речи.

Мы поплыли вдоль побережья, отыскивая местечко погостеприимнее, и через несколько километров достигли устья мутной реки. Несмотря на быстрое течение, нам удалось в него войти и подняться километров на девяносто. Здесь илстые наносы окончательно преградили путь.

Мы привели все наше оружие в полную боевую готовность, удвоили посты наблюдателей. Вокруг на заболоченных берегах шевелились, хлопали и шипели в тине омерзительные, почти протоплазменные создания. Странные серые или ядовито-зеленые кучи живого студня амёбовидными движениями переползали из лужи в лужу. Мы задыхались от запаха гнили; термометр показывал +48° в тени! Когда настала ночь, берега осветились фосфоресцирующими пятнами разных цветов, размеров и форм, которые медленно передвигались в удушливом мраке.

После долгих поисков мы обнаружили на правом берегу скалистый выступ, на котором, по-видимому, не было живых существ. «Дерзновенный» пристал к нему. Мы пришвартовали судно канатами, вбив в мягкий сланец железные клинья. С борта на берег лег бревенчатый помост, по которому грузовичок осторожно съехал на сушу.

— Кто отправится? — спросил Мишель. — Ты, я и еще кто с нами?

— Ты останешься, — возразил я. — На «Дерзновенном» должен быть кто-нибудь, кто сможет, при случае, довести судно до порта.

Связь с самолетом установили быстро. Узнав, что мы близко от них, американцы завопили от радости.

— У нас всего два литра питьевой воды и ни одной таблетки для стерилизации, — пожаловались летчики.

— Мы доедем за пару часов, — успокоил их я. — Приготовьтесь. Если у вас осталось горючее, зажгите костер: дым будет служить ориентиром.

Я сел за руль, матрос Андре Этьенн встал к турели со спаренными направляющими для ракет. Немного волнуясь, я обнял Мишеля, махнул рукой остальным, и мы тронулись.

ХІ. ФИОЛЕТОВАЯ СМЕРТЬ

Не спуская глаз с компаса, я вел бронированный грузовик на юго-запад. Каменистая полоса тянулась километра два-три, потом пошел мягкий скользкий грунт. Пришлось Этьенну слезть и натянуть на колеса цепи. Несмотря на мое запрещение, он все-таки попытался схватить амёбовидную тварь и обжег руку, словно кислотой. Эти слизняки буквально кишели вокруг.

Мы двигались с трудом, вода фонтанами вылетала из-под колес. К счастью, редкая растительность послушно расступалась перед машиной. Запах тухлых яиц, вызванный гниением этих трав, а может быть, желатинообразных существ, преследовал

нас неотступно. Через два часа этой мучительной езды мы увидели, наконец, далеко впереди столб дыма.

Местность начала повышаться, и отвратительные ползучие твари исчезли. На твердом грунте цепи можно было снять, теперь грузовик пошел быстрее. И вот я увидел вдалеке силуэт самолета с поломанными крыльями.

Заметив нас, американцы бросились навстречу машине. Все они, кроме одного, одетого в авиационный комбинезон, были в форме военно-морского флота США. Я открыл заднюю дверцу и впустил их внутрь. Вдвоятером мы еле уместились в маленьком грузовике, но это не помешало бурным излияниям американцев. Они едва не сломали мне пальцы восторженными рукопожатиями!

Самому старшему из них было лет тридцать пять. Как начальник экспедиции, он представил мне остальных, начав с белокурого гиганта, который был выше меня на целую голову: капитан Эллиот Смит. За ним шел коренастый брюнет, капитан Рональд Брюстер Огненно-рыжего расхлябанного парня звали Дональд О'Хара, он был лейтенантом. У инженера Роберта Уилкинса, тридцатилетнего шатена, быстрые черные глазки так и сверкали из-под широкого нависшего лба с залысинами. Широкоплечий сержант Джон Пари оказался канадцем. Оставался человек в комбинезоне. Указывая на него, американец сказал:

— А это для вас сюрприз: Андре Бирабан, географ и ваш соотечественник.

— Вот это действительно приятная неожиданность! — воскликнул я. — На Земле мне частенько доводилось слышать ваше имя.

— И, наконец, разрешите представиться самому: Артур Джейнс.

В свою очередь, я познакомил всех с Андре Этьенном и сказал:

— А теперь, друзья, надо скорей отправляться в обратный путь. Я возьму с собой четверых; трое и наш матрос останутся и снимут все вооружение. Патронов у вас хватит?

— Полный боекомплект.

— Оружие и боеприпасы заберем следующим рейсом.

Джейнс приказал ехать Смиту, Брюстеру, Бирабану и Уилкинсу, а сам с остальными заперся в самолете. Я посадил Смита рядом: по-английски я объяснялся из рук вон плохо, но, как выяснилось, он довольно прилично знал немецкий язык, которым я владел свободно, и мы могли по дороге поговорить. Я узнал, что Нью-Вашингтон представлял собой кусок территории Соединенных Штатов, угодивший в середину Теллусийского океана. Из шестидесяти пяти тысяч человек у них осталось в живых всего десять тысяч. На новом острове оказался наполовину разрушенный катастрофой авиационный завод, который американцам удалось до какой-то степени восстановить, поля, пригодные для обработки, большие запасы оружия, продовольствия и, что самое странное, довольно много судов: французский легкий крейсер «Сюркуф», американский эскадренный миноносец «Поуп», канадский эсминец и два торговых корабля — норвежское полугрузовое судно и аргентинский танкер.

— Почему же вы только сейчас вылетели на разведку?

— Были дела поважнее. Пришлось хоронить мертвых, расчищать развалины, строить дома. У нас осталось очень мало бензина, который почти весь ушел на заправку самого сохранившегося самолета. А теперь и этот разбился.

— Вы ни разу не слышали наши передачи?

— Нет. А между тем мы обшаривали эфир целый год.

— Странно! Как же вы жили все это время?

— У нас было много консервов, пшеница росла хорошо, мы ловили рыбу. Вот молока у нас не было, — добавил Смит с грустью. — Из-за этого погибло много детишек.

Я, в свою очередь, рассказал ему о наших делах.

Часа в три пополудни мы добрались до «Дерзновенного». Я высадил спасенных людей и немедленно отправился во второй рейс. Если бы я только знал, какая жуткая сцена меня ожидала!

Я уже видел самолет, когда заметил огромную студенистую массу изумительного светло-фиолетового цвета, ползущую с большой скоростью к самолету. По форме она напоминала гигантскую амёбу. Заинтересовавшись, я остановил машину.

В этот момент дверца фюзеляжа открылась, и оттуда выглянул канадец. Он увидел остановившийся грузовичок, помахал рукой и двинулся ко мне навстречу. За ним из самолета вылезли Этьенн, О'Хара и Джейнс.

Я перевел взгляд на чудовище: его роскошная фиолетовая окраска исчезла — теперь оно было матово-серым, округленным и походило на огромный, покрытый плесенью валун. Пари приближался. Предчувствуя какую-то опасность, я двинулся к нему, непрерывно сигналив. Механик улыбнулся, еще раз помахал мне рукой и ускорил шаг. Я мчался на полном газу! И все-таки опоздал.

Внезапно чудовище снова озарилось фиолетовым светом и ринулось на канадца. Пари увидел его, заметался, потом побежал назад к самолету. И тогда произошло нечто страшное и непонятное: послышался сухой треск, в воздухе мелькнуло нечто вроде синеватой искры, и канадец рухнул наземь. Еще через мгновение он исчез, поглощенный фиолетовым слизняком.

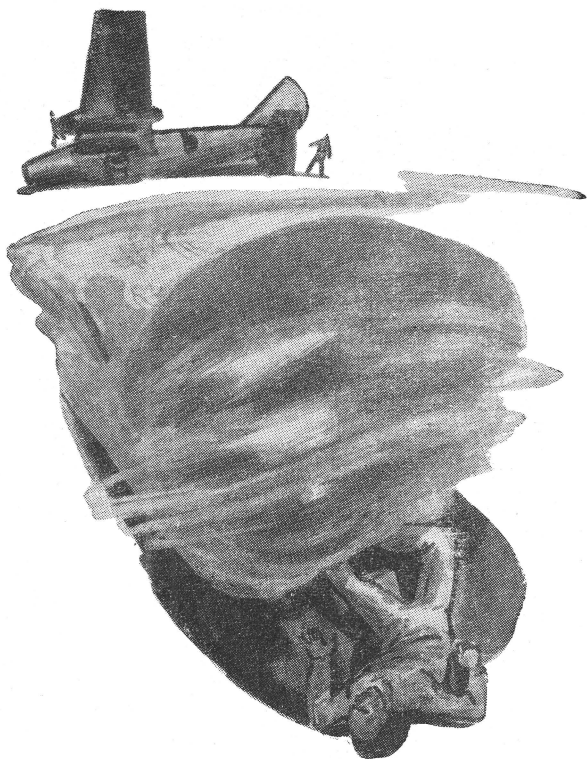
Остолбенев от ужаса, я нажал на тормоза. Чудовище повернуло и приближалось к машине. Я сорвался с сиденья, вскарабкался в башню и лихорадочно закрутил ручки наводки ракетной установки. Снова выскочила синеватая искра, ударив в радиатор. Меня сильно потрянуло. Это не было похоже на удар электрического тока — ледяной холод судорогой свел мое тело. И тут же я нажал кнопку спуска. Обе ракеты нырнули в живую слизь, находившуюся всего в десяти метрах от грузовика. Послышались два глухих взрыва, громкий искровой треск разрядов, и в воздух полетели клочья фиолетового студня. Чудовище скорчилось и замерло.

Я осторожно подбегал ближе. Фиолетовое желе слабо вздрагивало, и последние искорки пробегали в его глубине.

Тем временем подошли остальные.

— What an awful thing! — пробормотал Джейнс и повторил по-французски: — Какая ужасная штука!

— Боюсь, что мы ничего уже не можем сделать для вашего механика, — сказал я. — Разве что похоронить.

Но когда мы разрубили топором сморщенное и ставшее словно деревянным тело этой твари, внутри оказался лишь золотой перстень с печаткой, и больше ничего!

В подавленном настроении мы погрузили два пулемета и вернулись на корабль.

Едва грузовичок оказался на палубе, мы снялись с якоря и немедленно отплыли. Я чувствовал себя куда увереннее, нежели вначале. Отныне я мог передать управление людям, из которых по крайней мере двое действительно знали, что такое корабль.

XII. Я ПОВИДАЛ НЕВЕДОМЫЕ ЗЕМЛИ...

Полностью препоручив техническое командование Джейнсу и его офицерам, мы с Мишелем оставили за собой лишь общее руководство экспедицией. Я отправил радиограмму в Кобальт-Сити, потом по совету Уилкинса попытался связаться с Нью-Вашингтоном. Как ни странно, мне это сразу удалось. Джейнс

коротко доложил обо всем и передал мне благодарность правительства.

Выбравшись из зловонной реки, «Дерзновенный» взял курс на северо-запад. Дул сильный ветер, и наш кораблик низко кланялся волнам, несмотря на протесты кое-чьих желудков.

К ночи море успокоилось, однако мы все же сбавили ход. Я оставил на мостике Смита и лег спать.

Разбудила меня необычная качка. Торопливо натянув одежду, я поднялся на палубу.

— Что случилось? — спросил я у рулевого.

— Не знаю, капитан. Мы только что остановились.

— Где американский капитан?

— На корме вместе с инженером.

Из люка высунулась голова Мишеля.

Вдруг раздался громкий всплеск, и весь корпус судна вздрогнул. Я услышал звонкое английское ругательство, потом удивленный возглас и крик, страшный крик:

— Все вниз! Вниз!

В то же мгновение Смит сбил меня с ног, и мы оба упали в люк. Уилкинс нырнул вслед за нами. При свете лампы я разглядел белые, искаженные лица американцев. С грохотом захлопнулась дверь матросского кубрика. Последовал новый толчок, и «Дерзновенный» накренился на правый борт. Споткнувшись, я больно ударился о переборку.

— Говорите же, что это, черт побери?

Уилкинс, наконец, ответил:

— Гигантские кальмары!

Я похолодел. С самого детства, когда я впервые прочитал «Двадцать тысяч лье под водой», эти животные наводили на меня панический страх.

На подгибающихся ватных ногах мы поднялись по лесенке на закрытый мостик. Сквозь большие иллюминаторы я увидел, что залитая лунным светом палуба пуста. Только на носу за рамой ракетной установки извивалось нечто вроде толстого каната.

Смит рассказал, как все произошло. Когда оба винта сразу застопорило, он с Уилкинсом пошел на корму и нагнулся, чтобы узнать, в чем дело. Прямо на него смотрели огромные, чуть светящиеся глаза. Чудовище взмахнуло щупальцами, и тогда он закричал.

Мы попробовали запустить машину; винты вспенили воду, «Дерзновенный» прополз несколько метров, потом моторы снова заглохли, и последовала новая серия толчков и рывков.

Казалось, эта ночь никогда не кончится. Но только на рас свете мы увидели, как велика опасность. По крайней мере тридцать кальмаров окружили судно со всех сторон. Разумеется, это были не кальмары, хотя с первого взгляда любой мог ошибиться. У них было вытянутое заостренное сзади тело без хвостового плавника. Спереди извивалось шесть огромных щупалец с блестящими коготями, заостренными на концах и чуть расширяющимися в середине, как наконечники пик. У основания щупалец располагалось шесть глаз.

«А что, если просунуть в иллюминатор пулемет с самолета?» — подумал я и крикнул матросам:

— Тащите сюда пулемет и ленты!

Одно чудовище приближалось, пеня воду щупальцами. Вот оно уцепилось за поручень правого борта и оторвало его напроочь.

— Может быть, если нам удастся убить хоть одного, остальные займутся им?

Прозвучал звонок, я подошел к переговорной трубке.

— Капитан, винты освободились.

— Хорошо, будьте наготове. Как только скажу, давайте вперед до полного.

Трое матросов втащили по трапу пулемет. Я приспустил одно стекло, выставил наружу ствол, тщательно прицелился в «кальмара» и дал очередь. Раненое животное буквально выпрыгнуло из воды, потом пошло ко дну. Я уже взял на мушку второго, как вдруг разразилась настоящая буря: десятки гигантских рук заметались по палубе, сокрушая все на своем пути. Сорванные поручни летели за борт, щиток носового пулемета был смят, со звоном вылетело стекло, и одно щупальце просунулось в отверстие иллюминатора, сорвав по дороге раму. Чудовищный отстрок яростно извивался. Мишеля швырнуло о стену, мы с Уилкинсом от ужаса не могли шевельнуться, и только Смит сразу пришел в себя. Сорвав с крюка пожарный топорик, он размахнулся широким жестом дровосека и начисто отсек щупальце. Через полуоткрытую дверцу я бросился к радиопередатчику, чтобы успеть послать сигнал бедствия, пока еще целы мачты антенны. «Дерзновенный» раскачивался все сильнее. И тут случилось чудо, которое спасло нам жизнь.

Метрах в двухстах от нас на поверхность высунулась огромная плоская голова и словно раскололась вдоль, открыв прожорливую пасть, усаженную белыми острыми зубами. Одним взмахом она перехватила надвое одного «кальмара» и устремилась к следующему. Рядом вынырнули еще две такие же головы, и между вновь прибывшими и «кальмарами» началась битва, такая свирепая и жестокая, что я до сих пор не знаю, сколько она продолжалась, минуту или целый час!

Так же внезапно море успокоилось: лишь обрывки щупалец и мертвые туши покачивались на волнах.

Мы поняли, что спасены, и на полном ходу пустились на север.

Светлая лунная ночь позволяла идти, не снижая скорости. Утром впереди был замечен остров.

Мы пошли вдоль южного берега. Он был скалистый, крутой и выглядел не очень-то гостеприимно. В глубине тянулась цепь невысоких гор. Добравшись к концу дня до восточного мыса, мы встали на якорь в маленьком заливе.

Взошло красное солнце, осветив унылое плоское побережье, почти лишенное растительности. Когда в небе засиял Гелиос, мы смогли сделать промеры. Выяснилось, что у берега глубина достигает десяти морских саженей*. «Дерзновенный» подошел вплотную, мы легко перекинули помост, и грузовичок съехал на берег. Заменяв ракетную установку более подвижным авиа-

* Морская сажень равняется шести английским футам, или примерно 182 сантиметрам. (Прим. перев.).

ционным пулеметом, мы снарядили в разведку Мишеля, Уилкинса и Джейнса. Не без тревоги смотрел я вслед ма-

шине, скрывшейся за первым подъемом. Хорошо еще, что на примятой траве остались следы от шин: в случае чего по ним будет нетрудно отыскать товарищей.

Часа через два шум мотора возвестил о возвращении разведчиков. Из кабины выскочил один Мишель.

— Где остальные? — спросил я.

— Остались там.

— Где это «там»?

— Поедем, увидишь. Мы кое-что нашли.

Любопытство мое было разожжено; я передал командование Смиту и сел в машину. Мы ехали по волнистой степи с редкими рощицами. Через час перед нами возникла скала высотой в несколько метров; на ее плоской вершине стоял Джейнс. Мишель остановил грузовичок у самого подножия. Мы сошли, обогнули скалу и с другой стороны увидели грот и вошли в него.

На стенах были выбиты ряды странных значков, удивительно напоминающих санскритский алфавит. Сначала я подумал, что друзья просто решили надо мной подшутить, но неподдельный налет времени на камне быстро убедил меня в обратном. Здесь было сотни три-четыре знаков.

— Что ты об этом думаешь? А ведь это еще не все. Выйдем.

Неподалеку от скалы оказалась небольшая, словно вымершая котловина, на дне которой громоздилась гора металлических листов и скрученных балок, остатки какого-то аппарата.

Я протиснулся в щель между нагромождением обломков. Листы обшивки вдавились в сыпучий песок. Они были из незнакомо мне толстого металла; Уилкинс сказал, что это какой-то алюминиевый сплав.

— Это что за штука? Самолет?

— Может быть. Только наверняка не наш, не земной.

Мы подошли к тому месту, где должна была находиться носовая часть. Спереди повреждения были не столь значительны, и странный аппарат сохранил очертания кончика огромной сигары. В уцелевшей перегородке виднелась дверца без замков. Она легко открылась.

В кабине, имеющей форму усеченного конуса, положенного на бок, я увидел нечто вроде щита управления с такими же знаками, какие были высечены на скале, узкие металлические кресла, порванные медные провода, свисающие с потолка. Я вскрикнул: на рулевом рычаге из белого металла застыла высохшая кисть руки. Она была огромной, черной, все еще мускулистой, несмотря на мумификацию тканей, и только с четырьмя пальцами. У запястья рука была оторвана.

Не стовариваясь, мы склонили головы. Сколько времени она сжимает рычаг последним невероятным усилием? Что за существа управляли этим кораблем?

Мы принялись рыться в обломках. Нашли несколько пустых банок, части каких-то приборов, книгу с алюминиевыми страницами, но, увы, без всяких иллюстраций, да еще молоток вполне земной формы, вот и все. Удивляться скудости наших находок было нечего: судя по надписи на скале, часть экипажа спаслась, и, естественно, они забрали все, что могло иметь хоть какую-то ценность. В кормовой части, где должны были помещаться двигатели, громоздились оплавленные, ржавые глыбы, и среди них, в толстой свинцовой трубе, — кусок тяжелого белого металла. Позднее анализ, произведенный в Нью-Вашингтоне, показал, что это был уран.

Мы сделали фотоснимки и вернулись на корабль. Подробно обследовать остров у нас уже не было времени. Мы назвали его «Остров Тайны» и отплыли к южной оконечности материка.

«Дерзновенный» стал на якорь в бухте, защищенной высокими скалами самых фантастических очертаний. Мы спустили грузовичок и отправились в глубь неведомой страны. В три часа пополудни, когда мы доедали запоздалый завтрак, вдали показалась многочисленная группа всадников. Когда она приблизилась, мы узнали больших красных свисов. Я вспомнил, как Взлик неоднократно говорил мне, что их племя пришло с юга, отделившись от остальных свисов по непонятным причинам. Произошло это не так давно, всего за несколько поколений до нашего «перелета» на Теллус.

Эта встреча нас огорчила: свисы преграждали нам путь к горам, а, зная их воинственный характер, ехать напролом было опасно — дело неминуемо кончилось бы столкновением. Но свисы, по-видимому, нас не заметили; они свернули влево и скрылись за линией горизонта.

Мы ехали всю ночь. И лишь перед рассветом увидели сигнальные ракеты, взлетающие с палубы «Дерзновенного».

ХІІІ. ПОСЛЕДНЯЯ ОПАСНОСТЬ

Спустя несколько дней корабль достиг устья Дордони. Мы отсутствовали целый месяц! Нечего и говорить, как я обрадовался встрече с Мариной. Сколько раз за это путешествие я думал, что уже не увижу ее никогда!

Луи показал мне текст последней радиogramмы из Нью-Вашингтона. Я прочел ее, не веря своим глазам. Суть заключалась в следующем: по непонятным причинам Нью-Вашингтон медленно погружался в океан, и если скорость погружения не замедлится, остров полностью исчезнет под волнами самое большее через полгода. Поэтому правительство посылало нам сигнал бедствия — SOS.

Собрался Совет с участием американцев. Джейнс выступил по-французски:

— В Нью-Вашингтоне есть корабли, самолеты и вертолеты. Но у нас нет ни бензина, ни солянки. Можете ли вы продать нам горючее? Главное — с доставкой на место!

— Ни о какой продаже не может быть речи, — ответил мой дядя. — Помочь вам — наша обязанность. Все дело в транспорте. У нас только одно судно — «Дерзновенный», а он для этой цели слишком мал.

— А «Победитель»? — спросил я. — По-моему, он еще послужит. Кроме того, баржи, только их надо оборудовать для перевозки горючего. Что скажете вы? — обратился я к нашим инженерам.

Этранж подумал, потом сказал:

— На изготовление цистерн и противопожарного оборудования уйдет месяц. Каково расстояние от Порт-Леона до Нью-Вашингтона?

— Примерно четыре с половиной тысячи километров.

Месяц спустя «Дерзновенный» отплыл, ведя на буксире баржу со 145 тысячами литров горючего. Нью-Вашингтон оказался едва возвышающейся над водой равниной с двумя прибрежными холмами, на которых теснились дома. Прибывших встретили залпами из всех орудий. Город, расположенный у самой воды, был украшен флагами. Оркестр крейсера сыграл американский гимн. Под звуки «Марсельезы» маленький «Дерзновенный» проскользнул со своей баржей в порт, провожаемый удивленными взглядами морских офицеров.

Президент Нью-Вашингтона Линкольн Дональдсон торжественно принял Мишеля. Потом французы пригласили его на «Сюркуф»; когда офицеры и моряки узнали, что вскоре смогут увидеть кусочек Франции, радости их не было предела!

Для жителей Нью-Вашингтона настала напряженная пора: чтобы демонтировать и погрузить на суда все, что можно было спасти, люди работали от зари до зари, не покладая рук. Вскоре первый караван отплыл на материк.

Об этом Мишель предупредил меня по радио. В ответ я смог сообщить ему, что мы тем временем договорились со Взликом, который после смерти своего тестя стал главным племенным вождем. Свисы уступили американцам территорию, по правде говоря принадлежавшую черным свисам, сслвипам, но входившую в охотничьи угодья племени, и часть своих исконных

земель между Дронной и Неведомыми Горами. Кроме того, я выговорил для нас коридор вдоль всей Дордони до самого устья, где мы намеревались построить Западный Порт. Тем временем у подножия гор мы строили для американцев дома по ту сторону Дронны, напротив нашего маленького поста «Хром».

И вот первый караван прибыл. Было решено, что американцы удовлетворятся пока землями красных ссвисов, отложив заселение территории ссвлипов до лучших времен.

Мишель прилетел на самолете незадолго до прихода последнего каравана. Остров почти полностью затонул, но к тому времени в Новой Америке уже вырос город и семь деревень, а на полях созрел и был убран первый урожай. Город Нью-Вашингтон, как его называли шутя американцы, насчитывал пять тысяч жителей.

Население Новой Франции тоже увеличилось за счет шестисот моряков с «Сюркуфа» и шестидесяти аргентинцев, пожелавших жить в «латинской стране». Кроме того, к нам присоединилось человек пятьдесят канадских французов.

А двести пятьдесят норвежцев попросили отвести им часть нашей территории близ устья Дордони. Там они и обосновались, выстроив рыболовный порт.

В действительности никакого строгого разделения не существовало, и смешанные браки были самым обычным делом. К счастью, у американцев оказалось гораздо больше женщин, чем мужчин, и многие наши моряки переженились еще в Старом Нью-Вашингтоне. Женился и Мишель на семнадцатилетней красавице норвежке Инге Юнсет, дочери капитана грузового судна.

Через пять лет мы объединились в Союз Республик Теллуса. Но до этого нам еще пришлось воевать со ссвлипами. И был момент, когда едва не началась война с американцами.

Ссвлипы первыми открыли боевые действия. Однажды вечером сотня их воинов внезапно напала на маленький американский пост. Двум американцам удалось спастись на автомашине. Как только об этом стало известно, в воздух поднялись самолеты, но отыскать убийц не удалось: степи опустели, а непригодные для глаза леса покрывали слишком обширные пространства. Американцы снарядили легко вооруженную колонну, но понесли большие потери и вернулись ни с чем. Тогда они обратились за помощью к нам и к нашим союзникам ссвисам.

Кампания была трудной, и не обошлось без потерь. Мы углубились во вражескую территорию, перейдя даже будущую границу Новой Америки.

На рассвете к нашему лагерю сразу со всех сторон галопом устремилось более пятидесяти тысяч ссвлипов. Мы поставили все пятьдесят машин, кроме нашего старого бронированного грузовика, в круг, залегли и стали ждать.

Открыли огонь, когда враг был уже в шестистах метрах, и это чуть не стоило нам жизни.

Безумная отвага ссвлипов наводила ужас, а их живучесть казалась просто невероятной. Один из них продолжал мчаться вперед даже после того, как ему оторвало руку вместе с плечом, и свалился замертво в двух шагах от американцев. Это я видел своими глазами.

За первой атакой последовала вторая. Когда ссвипы пошли на приступ в третий раз, подоспели самолеты, но толку от них было мало — все смешалось в невообразимой свалке, и летчики просто не знали, куда стрелять.

Во время третьей атаки Мишель получил стрелу в правую руку, а мне наконечник пробил левую икру; впрочем, оба наши ранения оказались легкими. Как только враги были отброшены, вступили в действие самолеты. Под покровом темноты уцелевшие ссвипы бежали и больше не возвращались.

После этого похода американцы построили цепь фортов вдоль своей границы.

Два следующих года прошли спокойно, в мирном труде. Однако мы с сожалением видели, что американцы все больше и больше замыкаются. К нам они почти никогда не приезжали, если не считать единичных случаев, — прилетит один самолет, и все. Да и мы стали бывать у них только по делу, для обмена сырьем или промышленными изделиями.

Разъединяли нас и обычаи. Они шарахались от нашего вполне умеренного и разумного коллективизма и называли наш Совет диктатурой. Кроме того, у американцев сохранялись глупые предубеждения против «туземцев», которые мы никак не разделяли: более двухсот молодых ссвисов учились во французских школах.

И вот 5 июля 9 года теллусийской эры произошло открытое столкновение.

В этот день десять ссвисов хотели, согласно договору о праве беспрепятственного прохода, пересечь восточную оконечность американской территории, которая в этом месте врезалась в их собственные земли длинными языками. Они направлялись к нашему посту Болье Горному, чтобы обменять дичь на стальные наконечники для стрел. Ссвисы проникли в Америку в виду нашего поста, находившегося на другом берегу в верховьях Дронны, как вдруг их остановили три американца с автоматами и грубо приказали повернуть обратно. Требование было совершенно идиотское, так как до Болье по прямой оставалось метров сто, а до границы в обратном направлении — километров пятнадцать. Глава ссвисов Авитц сказал им по-французски, что он на этот счет думает. Обозленные американцы дали три автоматные очереди, двух ссвисов убили, двух ранили, и среди них Авитца, которого они захватили в плен. Остальные ссвисы под градом пуль пересекли Дронну и сообщили обо всем начальнику поста Пьеру Лефрану.

Чтобы разобраться на месте, Лефран со ссвисами спустился к реке. И горько об этом пожалел. С противоположного берега ударила автоматная очередь, убив еще одного ссвиса и ранив самого Лефрана. Тогда, вне себя от ярости, его друзья ответили десятком ракет, которые подожгли и превратили в развалины ферму на американском берегу.

По счастливой случайности мы с Мишелем проезжали в это время неподалеку. Погрузив Лефрана и раненых ссвисов на грузовик, я погнал машину напрямик в Кобальт-Сити. Немедленно было созвано заседание Совета и после голосования объявлено чрезвычайное положение. Лежа на носилках, Лефран рассказал о случившемся, ссвисы подтвердили его слова. Мы еще спорили,

не зная, что предпринять, когда пришла радиogramма с поста «Свисский Мост на Везере»: наблюдатели отчетливо слышали грохот боевых барабанов, и по всей территории свисов поднимались дымные столбы сигнальных костров. Каким-то непонятным способом Взлик был уже извещен обо всем и теперь собирал своих воинов.

Зная мстительный и совершенно беспощадный нрав свисов, я прежде всего подумал об изолированных американских фермах, расположенных вдоль границы. Что там будет через несколько часов? Немедленно к Взлику вылетел вертолет с моим письмом, в котором я умолял его подождать один день, а сам вместе с остальными членами Совета бросился на радиостанцию, чтобы связаться с Нью-Вашингтоном.

События между тем нарастали. На станции радист встретил меня с новой радиogramмой в руках: американский эсминец обстреливал Западный Порт. «Дерзновенный» и «Сюркуф» завязали с ним артиллерийскую дуэль.

На всякий случай Совет отдал приказ о всеобщей мобилизации. Самолеты с полными баками и боекомплектом были готовы взлететь по первому сигналу.

Установив связь, мы обратились по радио к американскому правительству с просьбой приостановить военные действия и начать переговоры. Американцы согласились, обстрел нашего порта прекратился. Кстати, эсминец рад был убраться восвояси, потому что радиоуправляемая ракета с «Сюркуфа» разворотила ему всю носовую часть.

Мишель, мой дядя и я, не теряя времени, сели на самолет и через полчаса были уже в Нью-Вашингтоне. Переговоры начались бурно. Американцы вели себя так заносчиво, что Мишель вынужден был им напомнить, что без нас они давно бы уже были съедены морскими чудовищами или умерли от голода на своих лишенных горячего кораблях. В конце концов была создана комиссия для расследования, в которую вошли Джейнс, Смит, мой дядя, я и брат Взлика — Исци. Оба американца проявили достаточно благородства и признали вину своих соотечественников, которые были приговорены к десяти годам заключения каждый. Свисы в виде компенсации получили десять тысяч стальных наконечников для стрел.

Любопытно отметить, что после этой стычки, едва не кончившейся трагически, отношения между нами сразу улучшились. К концу 10 года они стали настолько дружественными, что появилась реальная возможность объединения в Союз Свободных Республик Теллуса.

7 января 11 года собралась конференция представителей американцев, канадцев, аргентинцев, норвежцев и французов. Была выработана и принята федеральная конституция. Она предоставляла каждой республике широкую автономию, но предусматривала одно общее правительство, резиденцией которого стал новый город Союз, выстроенный при слиянии Дордони с Дронной, как раз в том месте, где когда-то мы убили первого тигрозавра. Окружающая территория площадью в двести квадратных километров была объявлена федеральной землей.

Самым сложным оказался вопрос об охотничьих угодьях свисов. Тут американцы показали всю свою несговорчивость.

В конце концов был принят закон о неприкосновенности земель наших союзников, а также других племен, которые примкнули к нам в течение ближайших ста лет. Все будущие поселения, основанные на новых территориях, будут считаться федеральными землями, пока их население не достигнет пятидесяти тысяч человек; после этого они переходят в разряд Свободных Республик с правом установления своих собственных законов.

25 августа 12 года состоялось первое заседание федерального парламента, на котором мой дядя был избран первым президентом Союза Свободных Республик Теллуса. Впервые развернулось наше государственное знамя — ярко-синее полотнище с пятью белыми звездами, по числу республик Нью-Америки, Новой Франции, Аргентины, Теллусийской Канады и Норвегии. Два языка были объявлены государственными — английский и французский.

Я не стану входить в подробности принятых тогда законов — они действуют до сих пор, и вы их прекрасно знаете. Скажу только, что армия, флот, авиация и производство оружия были целиком переданы в ведение федерального правительства. Заглядывая далеко вперед, ему передали также атомную энергию, ибо настанет день, когда мы и на Теллусе овладеем этой мощной силой.

XIV. НАЧЕРТАННЫЙ ПУТЬ

С тех пор прошло пятьдесят с лишним лет. Да, Теллус крутится, не зная усталости!

Все семь лет, пока президентом был мой дядя, ушли на организационные работы. Мы расширяли железнодорожную сеть, скорее для потомков, чем для себя, потому что наше население не превосходило двадцати пяти тысяч. Впрочем, оно росло быстро. Природные запасы были не исчерпаны, поля давали богатейшие урожаи, и семьи становились все многочисленнее. У меня одиннадцать детей, и все они живы; у Мишеля — восемь. Средняя семья в первом поколении состояла из шести человек, а во втором — уже из семи. Одновременно мы отметили поразительное увеличение среднего человеческого роста. На нашей старушке Земле, согласно статистике, средним считался рост в 165 сантиметров. На Теллусе эта цифра поднялась до 182.

При следующих президентах, американце Кроуфорде и норвежце Хансене, главные усилия были направлены на развитие промышленности. Мы построили авиационный завод.

Одновременно мы продолжали исследование планеты. Остаток своей жизни я провел в бесконечных экспедициях и составлении геологических и топографических карт, иногда один, иногда с моими американскими коллегами, а потом со своими тремя старшими сыновьями — Бернаром, Мартином и Жаком.

Двадцать лет спустя мы с Мишелем еще раз посетили Остров Тайны. Там все осталось по-прежнему. Только песок еще больше занес обломки странного аппарата. Мы снова вошли в кабину, где высохшая черная рука все еще сжимала рычаг управления,

и увидели на полу свои собственные следы, сохранившиеся в закрытом помещении.

На обратном пути мы посетили Город Башен. Теперь с нами был сын Взлика, Ссиу, и с его помощью нам удалось вступить в переговоры со свисами, знающими сталь. Их вождь показал нам примитивные домны, где ее выплавляли, и после долгих расспросов рассказал нам легенду.

Пятьсот с лишним теллусийских лет назад к песчаной отмели южнее теперешнего поселения свисов пристала «лодка, которая шла по воде сама». Из нее вышли три странных существа. Когда свисы хотели их захватить, они рассеяли нападающих, «метая пламя». «Не короткие стрелы, которые делают «бум», как у вас, — уточнил вождь, — а голубое длинное пламя!»

Через несколько дней свисы застигли их ночью врасплох и захватили в плен. Из-за этих существ в племени поднялся яростный спор, который кончился тем, что половина красных свисов неизвестно по какому поводу откололась и ушла на север. Это и были предки Взлика.

Пришельцы выучили язык свисов и научили их плавить металл. Дважды они спасали наполовину ослабленное племя от нападений сслюпов, «метая синее пламя». Казалось, они все время чего-то ждут с неба. Потом пришельцы умерли один за другим. Перед смертью они написали большую книгу, которая, как реликвия, хранится вместе с другими их вещами в священной пещере.

Я попросил описать пришельцев. Вождь не смог этого сделать, но зато повел нас в священную пещеру. Там еле живой от старости свис показал нам настенные фрески: на них были изображены три черные фигуры с двумя ногами, головой и телом, похожим на человеческое, но с очень длинными руками, свисающими до земли. Если изображенные рядом свисы были взяты в правильных пропорциях, рост этих существ должен был достигать, по моим расчетам, двух с половиной метров.

Мы попросили показать нам их вещи: три книги с металлическими страницами, похожие на ту, что мы нашли на Острове Тайны, несколько довольно простых инструментов и остатки оружия, которое «метало пламя». Это оказались три трубки длиной в семьдесят сантиметров, расширившиеся на концах и выложенные изнутри платиновыми чешуйками. Обрывки проводов на другом конце должны были соединять трубки с исчезнувшей частью. По-видимому, пришельцы не пожелали оставить полудиким свисам свое слишком мощное оружие.

Последней мы увидели книгу, написанную на пергаменте. Примерно пятьсот листов были испещрены такими же значками, как в металлических книгах. Я горько посетовал, что вряд ли кто-нибудь сможет их разобрать, но тут старый свис заявил, будто эта книга написана на их языке и он умеет ее читать. После долгих уговоров свис взял книгу, может быть даже вверх ногами, и начал говорить нараспев:

— Тилир, Тилир, Тилир! Тем, кто придет слишком поздно, привет! Мы надеялись до последнего часа. Теперь двое уже мертвы. Мы уже никогда не увидим Тилир. Будьте добры к свисам, они приняли нас хорошо...

Он умолк.

— Дальше я не могу читать, — прибавил старый сввис после долгой паузы.

Мне удалось от него узнать, что первые выученные наизусть строки книги передаются от жреца к жрецу вот уже много поколений, и это слово «Тилир» должно послужить как бы паролем, если соотечественники пришельцев снова высадятся на Теллус. Он открыл мне также, что книга была двойной: первая ее половина написана на языке сввисов, а вторая — на языке пришельцев. Как бы то ни было, это давало бесценный ключ к расшифровке, и я тщательно скопировал всю книгу.

Сколько раз потом я задумывался, склоняясь над почерневшими от времени страницами с затейливыми значками! Сколько раз я забрасывал повседневные дела, чтобы с помощью Взлика приступить к переводу! Но в конечном счете мне никогда не хватало времени. С трудом разобрав отдельные фразы, я лишь разжег свое любопытство, так ничего толком и не узнав.

В книге шла речь о Тилире, о чудовищах, о катастрофах, о ледяном холоде и страхе. Теперь она хранится в городе Союзе, где мой внук Анри и внук Взлика, сввис Хои, пытаются ее расшифровать. Существа, которые написали эту книгу, прилетели скорее всего с ближайшей от нас внешней планеты, названной

нами Арес, по аналогии с Марсом старой солнечной системы. Может быть, я еще доживу до того дня, когда эта тайна будет разгадана нашими внуками. Но пусть они поторопятся!

Внуки мои! Мы начертали путь, по которому вам предстоит идти. Осталось еще много нерешенных проблем, хотя мы сделали все, что могли. И две самые главные.

Первая из них — проблема сосуществования на одной планете двух пород разумных существ. Тут может быть лишь три выхода: уничтожение людей — это самое страшное; уничтожение ссвисов — этого мы никоим образом не хотим, и, наконец, самое разумное — признание за ссвисами полного равенства и включение их в Союз Свободных Республик Теллуса. Американцы пока противятся этому, но мы надеемся, что и они поумнеют. Ссвисы такие же разумные существа, как мы, а кое в чем они даже нас превосходят. Взять хотя бы математический трактат Хои — лишь немногие из людей способны в нем разобраться!

И вторая проблема — проблема сосуществования двух разумных рас на планетах одной солнечной системы, если только пришельцы с Острова Тайны действительно прилетели с Ареса...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Роман Ф. Карсака, которого «Юманите» считает преемником известного французского писателя-фантаста Жюль Верна, показывает человеческое общество, очутившееся на другой планете. По фантазии автора небольшой клочок Франции и частица территории Соединенных Штатов оказались перенесенными на планету неведомой звездной системы. Не надо искать физических объяснений такого неожиданного перемещения в пространстве — это просто литературный прием, который понадобился автору, чтобы показать, как обитатели этих клочков Земли, люди различного социального положения и взглядов, очутившиеся в положении робинзонов космоса, строят свою совместную жизнь.

Фашиствующие молодчики из замка Хоннегеров пытаются захватить власть и установить диктаторский режим, пустив в ход оружие, припасенное ими для иных, земных, но тоже грязных целей. И первое, что вынуждено предпринять складывающееся общество людей, — это пресечь покушения на свою свободу.

Затем предстоит налаживать хозяйство. Оно должно быть общим. Не могут быть в создавшихся условиях средства производства в частных руках. Неизбежно вытекает и следующий вывод: все должны трудиться.

Так шаг за шагом логикой самих событий робинзоны космоса убеждаются, что, только объединенные общностью задач, все вместе, трудясь в интересах всего общества, они могут наиболее эффективно преодолевать трудности и опасности, которые подстерегают их на каждом шагу, и наилучшим образом организовать свою жизнь.

В этом духе принимаются первые законы, устанавливается и совершенствуется конституция будущего Союза Свободных Республик Теллуса.

ХV. ЭПИЛОГ

Вот и все. Мой рассказ окончен, и я только что сжег черновики. Соль уже закатился, в небе сияет Гелиос. Из окна своего дома, расположенного на окраине Кобальт-Сити, я вижу поля, где колышется еще зеленая пшеница. Мой правнук Жан вернулся из школы. Пролетел самолет, и снова все тихо. С свисы на улицах разговаривают по-французски с горожанами. В кобальт-Сити теперь двадцать пять тысяч жителей. Из моей комнаты видна обсерватория на вершине горы Мон-Париж; там моему дяде выпало счастье провести изучение Ареса с помощью большого телескопа, который мы все-таки перевезли сюда. Вот под окнами прошла внучка Мишеля, Мартина, до боли, до слез похожая на мою Мартину, но только эта — блондинка. У нее с моим внуком Клодом... Впрочем, не мне говорить о будущем. Будущее принадлежит вам, граждане Союза Свободных Республик Теллуса...

Перевод с французского Ф. Мендельсона

В романе нет недостатка в приключениях. Люди сталкиваются с невиданными чудовищами, борются с ними, побеждают их. При всем своеобразии животного и растительного мира Теллуса биология его подчиняется тем же закономерностям, что и у земных организмов. Это придает рисуемому автором миру природы черты достоверности.

Встречают люди на Теллусе и разумных существ. Фантазия автора придала им облик мифических кентавров. Возможно, эта внешняя непохожесть на людей Земли избрана писателем умышленно, чтобы острее показать расовые предрассудки некоторых земных переселенцев из Нью-Вашингтона и осудить их. Стоящие примерно на уровне каменного века, свисы обладают многими чисто человеческими качествами.

Враждебность одного племени свисов к другим, начальные столкновения пришельцев и коренных обитателей планеты, возникшие распри «европейцев» и «американцев» завершаются в конце концов установлением общего мира.

Автор последовательно подводит читателя к ясному и убедительному выводу: сосуществование на одной планете разумных существ, на каких бы ступенях развития они ни находились и каким бы внешним обликом ни отличались, возможно только при условии мира и признания за всеми полного равенства.

В этом пафос романа. И это делает произведение, где много фантазии, а действие происходит на вымышленной планете, весьма современным с чисто земной точки зрения.

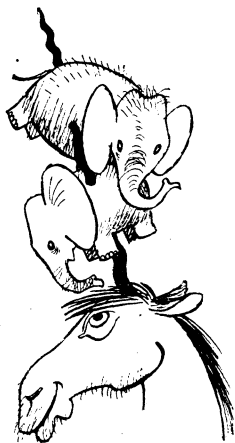
Мир, Труд, Свобода, Равенство, Братство и Счастье — идеалы, за которые борются миллионы людей на Земле.

Борются в реальной, существующей обстановке, с настоящими трудностями и одержат действительную и полную победу.

Роман Ф. Карсака является как бы маленьким вкладом в эту великую борьбу народов земного шара.

И. АКИМУШКИН

Существует ли

единорог?

Рисунки В. ЧИЖИКОВА

Слышали вы когда-нибудь о единороге?

Я уверен, что слышали. Ведь зверь этот — действующее лицо многих сказок, которые вам читали в раннем детстве. Единорог — одно из древнейших легендарных существ. О нем упоминается в христианских мифах и других сказаниях.

Изображения его встречаются среди символических фигур церковной мифологии и особенно часто на гербах...

Черный единорог на серебряном поле был эмблемой туркестанского царства, красовалось

это животное на гербах Российской империи... На британском гербе изображен единорог, держащий щит.

В течение двух тысячелетий люди рассказывали о единороге удивительные истории.

В арабских сказках он описывается как животное гигантской, небывалой величины. Зверь этот якобы так огромен, что ему ничего не стоит насадить на свой рог, как на вертел, несколько слонов...

Несмотря на дикость и свирепость этого чудовища, многим праведникам удавалось «с божьей помощью» приручить его и заставить верно служить себе.

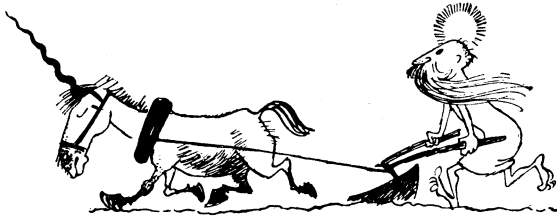
А в более поздних христианских легендах единорог превращается уже совсем в благочестивого и воспитанного зверя: завидя издали святого человека или безгрешную девицу, он сразу же смиряет свой неукротимый нрав.

Но самое удивительное — это рог единорога. Стоит прикоснуться таким волшебным рогом к отравленному кушанью, и оно тотчас становится съедобным. Если сделать из рога единорога — уникорна — кубок, то из него можно выпить любой отравленный напиток и остаться невредимым.

Поистине замечательный зверь этот единорог! Но что же все-таки это за животное и откуда появилось оно в христианских и арабских мифах?

Тайна происхождения единорога увлекла меня. Разве не интересно исследовать причудливые перипетии одной из самых древних зоологических легенд?..

В конце прошлого и начале нашего века этим вопросом занимались некоторые ученые. Я познакомился с их исследованиями, а также просмотрел

труды многих натуралистов древности и средневековья, в которых упоминалось о единороге. И вот что я узнал об этом фантастическом животном.

Первые в литературе имя единорога появляется в сочинениях древнегреческого историка Ктезиаса, жившего в IV веке до нашей эры. В своей книге об Индии среди многих диковинок этой «страны чудес» Ктезиас упоминает об одном рогатом звере, в котором без труда можно узнать знакомые черты.

«В Индии водятся дикие ослы, — пишет он, — ростом больше лошади. На лбу у них растет рог в полтора фута длиной... Порошок, соскобленный с этого рога, применяют как лекарство против смертоносных ядов. Основание рога чисто белого цвета, острие его ярко-красное, а средняя часть черная».

Как ни фантастично описание Ктезиаса, ясно, что оно основано на искаженном молвой образе действительного обита-

теля Индии — носорога. Сходство этого животного с «однорогим ослом» бесспорно еще и потому, что Ктезиас рассказывает о чудодейственных свойствах его рога. А рог носорога с незапамятных времен употреблялся на Востоке как лекарственное средство и ценился на вес золота. Кроме того, кубки, которые изготовляли из рога носорога в античном Риме, окрашивались обычно в три упомянутые Ктезиасом цвета — белый, черный и красный. Из них пили высокопоставленные особы, которые, как повествуют историки, жили в постоянном страхе, что им в пищу подсыпают яд.

Итак, совершенно ясно, что животным, породившим легенду о единороге, был индийский носорог.

Однако не все знатоки древних мифов согласны с этим. Есть еще один зверь, оспаривающий честь считаться прообразом выдуманного чудовища.

В библии много раз встречается упоминание о единороге. И вот с этим-то библейским единорогом произошла презабавная история. Именем его было названо в «священной книге» животное, никакого отношения к однорогам не имеющее. Поэтому в библейских текстах единорог

одно, а в более поздних христианских легендах совсем другое животное. Их характеры и обличье столь несхожи, что это несоответствие не раз ставило в тупик отцов церкви — толкователей священного писания.

А произошло это недоразумение вот по какой причине.

Люди, впервые переводившие Библию с еврейского языка на греческий, обнаружили в ней упоминание о неизвестном животном «ре-еме». И хотя в «редколлегии» насчитывалось ни мало, ни много 70 переводчиков, среди них не нашлось ни одного, кто смог бы установить, о каком животном идет речь. Долго ли пребывали в растерянности святые отцы, с точностью неизвестно. Но в конце концов они решили окрестить злополучного «ре-ема» еврейской Библии греческим словом «монокерос», то есть единорог. Собственно, это и послужило причиной того, что весь христианский мир столетиями верил в фантастического единорога, которого никто никогда не видел.

Уже в более поздние времена, производя раскопки на месте древних городов Среднего Востока, археологи нашли ассирийские и вавилонские барельефы и письма. Когда их расшифровали, то выяснилось, что древнееврейское слово «ре-ем», переведенное как единорог, в действительности обозначало дикого быка тура, который в те времена еще обитал в Месопотамии.

О единороге писали греческие и римские натуралисты. Но здесь прообразом его было реальное животное. В античном единороге нетрудно угадать черты живого оригинала, которому он обязан своим происхождением, — носорога.

У христиан же едино-

рог — зверь фантастический, не имеющий образа и подобия в природе. Он порожден недоразумением и невежеством.

...Проходили столетия, европейцы знакомились со многими диковинными существами заморских стран.

Однако среди этих невиданных доселе зверей по-прежнему не было единорога. Многие начали сомневаться, существует ли этот зверь или, может быть, единороги вымерли, как и многие другие древние животные?

Однако торговля уником по-прежнему шла бойко. Рога единорога привозились в Европу тысячами пудов. Ходкий товар немедленно раскупался монастырями, аптекарями, княжескими стольниками. И не удивительно. Ведь в медицинских справочниках и руководствах по составлению лекарств уники в течение столетий числился как лучшее средство от многих заболеваний. Кроме того, всем было известно, что рог этот обладает чудодейственной силой и делает безвредной отравленную еду. Не было в то время короля или крупного феодала, который, са-

дьясь за стол, не приказал бы служителю прикоснуться ко всем кушаньям и напиткам «волшебным жезлом», изготовленным из рога единорога. Вместе со спросом на чудодейственное средство росла и стоимость. Вскоре оно стало цениться на вес золота — фунт за фунт.

Но как же умудрялись средневековые купцы вести торговлю рогами несуществующего животного? Где добывали они свой товар?

В продажу поступало два сорта рогов единорога: высший сорт — «уникоорнум верум» («истинный единорогов рог») и сорт пониже — «уникоорнум фальзум» («поддельный уникоорн»).^{*}

Теперь установлено, что поставщиками уникоорна высшего сорта были мамонты.

Первыми мамонтову кость стали добывать китайцы. Более двух тысяч лет назад они снаряжали большие караваны на север Сибири и вывозили оттуда драгоценные «рога» гигантского крота «тин-шу»^{*}. Об этом сообщают старые китайские хроники и древнегреческий натуралист Теофраст.

В X столетии экспортным центром мирового значения по вывозу мамонтовых бивней стал Болгар Великий — город на Волге, столица царства волжских болгар (находился он приблизительно там, где расположена сейчас Казань). На рынках Болгара арабские купцы закупали мамонтовы бивни и перепродавали купцам, приехавшим из Европы. А там «рога» крота-великана шли в продажу под названием «уни-

^{*} Поскольку кости и трупы мамонтов всегда находят в земле, тысячи лет назад родилось поверье, будто эти существа вроде кротов живут под землей и погибают, едва появившись на солнечный свет.

коорнум верум», то есть уникоорна высшей марки.

Но как ни огромны были ископаемые запасы мамонтовых бивней, спрос на уникоорн оказался так велик, что торговцы не смогли удовлетворить его. Пришлось прибегнуть к помощи заменителей: «уникоорнум фальзум» поставляло животное, не имеющее никакого отношения не только к однорогим или двурогим существам, но и вообще к сухопутной фауне.

Далеко на севере, в полярных морях водятся киты-нарвалы. У взрослых нарвалов всего только один зуб. Но зато какой зуб! Витой, как мавританская колонна, длинный и острый, как рапира. Он торчит из верхней челюсти самца наподобие остро отточенной пики и нередко достигает в длину трех метров.

Самцам-нарвалам этот зуб служит оружием. Бивень нарвала и выдавали ловкие купцы Западной Европы за рог единорога. Нарвалов бивень, очевидно, весьма часто заменял «истинный уникоорн», так как почти на всех средневековых рисунках и скульптурах единорог (большей частью это однорогая лошадь) изображен с рогом нарвала на лбу.

Такой единорог позднее получил название геральдического. В Западной Европе зуб нарвала ценился баснословно дорого.

В 1611 году английский корабль привез «уникоорнум фальзум» в Константинополь. Здесь предлагали за него две тысячи фунтов стерлингов. Однако владелец решил, что это слишком дешево, и отправился со своим товаром в Москву, но в Москве и такой цены не дали.

«Рыбий зуб» наши предки употребляли главным образом

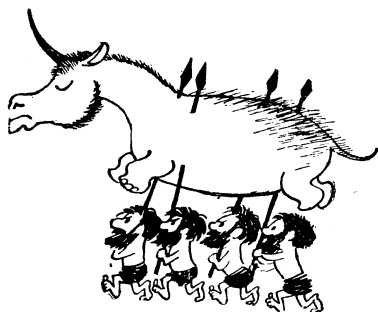
для поделок. Материал этот очень плотный и крепкий, никогда не желтеет. Делали из него ларцы, табакерки, рукоятки для сабель, мебель.

...В 1900 году мир ученых облетело сенсационное известие: наконец-то в природе найден настоящий единорог!

В Сибири, в древних слоях земли, откопали остатки огромного однорогого существа. Его назвали эласмотерий. Огромный, куда больше слона, с рогом, возвышающимся над серединой лба, как у легендарного зверя, а не на конце морды, как у носорога.

Эласмотерий — родной брат колоссальных безрогих носорогов — балухитерия и индрикотерия. Небольшое стадо этих животных миллионы лет назад бродило по равнинам теперешнего Казахстана. Здесь росли в ту пору густые тенистые леса. Болотистые озера чередовались с густым кустарником и зелеными лугами. Развесистые грабы, буки и могучие секвойи давали приют гигантам. Животные эти, подобно жирафам, питались листьями деревьев, до которых легко могли дотянуться благодаря своему огромному росту.

Балхитерий, обитавший в Монголии и Индии, был ре-

кордсменом — великаном среди всех зверей, когда-либо обитавших на суше: 5 метров 30 сантиметров — таков рост этого колосса! Под его брюхом, как под аркой, мог бы пройти строй солдат по шесть человек в ряд.

Безрогие носороги вымерли десятки миллионов лет назад. Однако возможно, что их однорогогий сибирский родственник — так полагают некоторые ученые — дожил до появления человека и был истреблен первобытными охотниками. Древние тунгусские песни хранят воспоминание о давно прошедших временах, когда в их стране жил ужасный черный бык-единорог. Он был так огромен, что для перевозки одного только его рога требовались целые сани.

Итак, палеонтология познакомила нас еще с одним кандидатом в единороги. Впрочем, у этой теории много противников. Большинство ученых считают маловероятным, чтобы эласмотерий дожил до появления на земле человека.

Вернее, что предания тунгусских охотников о «черном однорогом быке» основаны на находках ископаемых костей эласмотерия. Дополнив недостающее воображением, народная фантазия произвела по этим остаткам «реконструкцию» доисторического единорога.

Итак, носорог, тур, нарвал, эласмотерий... Все эти животные оказались прообразом популярнейшего из четвероногих героев христианских легенд и арабских сказок.

Натуралисты разных стран старательно искали в лесах новооткрытых земель таинственного зверя, но тщетно: единорог в природе найден не был.

Шутка

Рисунки В. ВАКИДИНА

Все началось с пустяка. Шурка Журавлев получил пятерку по химии.

В тот день у нас были лабораторные занятия. Все мы что-то смешивали, засыпали, отсчитывали капли. У Шурки это вышло лучше всех. Когда он показал пробирку учительнице, Анна Павловна посмотрела и сказала:

— Садитесь, Журавлев. Пять.

Вообще-то учителя такими отметками его не баловали. Даже по поведению, прежде чем поставить ему «пять», классный руководитель задумывался. А тут...

Лучше б она этого не делала!

Шурка загорелся. В магазинах наглядных пособий, химтоваров и в аптеках его теперь знали все продавцы. Он «арендовал» у родителей сарайчик, натаскал туда химикаты, пробирки, колбы, разные трубки и спиртовку.

Журавлев приступил к опытам. Первым делом сдох кот Мурзик. Шурку это не смутило. Он знал, что наука требует жертв, и считал, что Мурзику выпала честь. Правда, хозяйка кога грозилась разнести «эту чертову мельницу», так она называла Шуркину лабораторию. Тогда он раздобыл где-то свирепого на вид пса и поставил будку у самых дверей сарая. Не знаю, как раньше звали эту собаку. У Шурки она получила кличку Азот. А его самого у нас в классе прозвали «Алхимиком».

Что он делал, мы не знали. В сарайчик он никого не пускал. Иногда оттуда вырывались клубы едкого дыма или раздавались хлопки, похожие на взрывы. Тогда Шурка выскакивал на двор, долго откашливался и снова исчезал в сарае.

Подойти и заглянуть в щели мы не могли — мешал преданный Шурке Азот.

И вдруг этот верный «страж» начал менять цвет шерсти. Из

грязно-белого он сначала превратился в рыжего, а потом в золотого пса. Раз мы слышали, как Шурка разговаривал с собакой:

— Ну, тепер ты сдохнешь. Наверняка сдохнешь!

Но Азот пренебрег Шуркиным предсказанием и, весело виляя хвостом, выскочил во двор.

В этот момент мимо наших ворот проходил толстяк в белом.

Он увидел собаку и остолбенел.

Пес зарычал.

— Азот, нейтрализуйся! — приказал Шурка.

— Ваша? — спросил толстяк.

— Моя.

— Продайте.

— Не-е-ет.

— Я дам за нее тридцать рублей.

— Нет.

— Хорошо, я вижу, вы знаете ей цену. Пятьдесят?.. Семьдесят?.. Сто?..

— Нет.

— Но, слушай, паренек, за эти деньги я могу купить собаку с медалями.

— Купите. А я пса не продаю. И потом он, наверно, скоро умрет...

И вдруг — чудо! Азот начал менять цвет у нас на глазах! Этого мы еще не видели. Началось с хвоста. Один цвет напознал на другой. Не успели мы опомниться, как собака стала голубой!

Толстяк открыл рот, попытился к воротам, и больше мы его не видели.

А Шурка, заметив перемену в собаке, покачал головой и бросил:

— Быть тебе через три дня изумрудным.

Наверно, он сказал это просто так. Но через некоторое время Азот действительно стал изумрудным, а в течение следующей недели сменил еще три цвета.

Нам надоело выкатывать от удивления глаза. Мы хотели знать: почему?..

Помог случай.

...Снова шел урок химии. У Шурки теперь по этому предмету были сплошные пятерки. Анна Павловна улыбнулась:

— Ходят слухи, Журавлев, вы делаете какие-то опыты. Ваши успехи в химии меня радуют.

И Шурку прорвало. Он стал рассказывать.

Ему понравилось, как разные вещества во время реакции меняют цвет, становятся то синими, то розовыми, то зелеными. Шурка решил сделать несколько опытов. Увлекся. И вот у него появилась своя лаборатория в сарайчике. Шурка смешивал,

кипятил, перегонял... Однажды он намешал в колбе разных химикатов. Каких? Он не помнит, их было много. Образовалась какая-то серая каша, и Шурка все это вскипятил. Никаких изменений цвета не произошло. Вещество оставалось таким же серым. И у Шурки пропал к нему всякий интерес. Он засунул колбу в дальний угол и пошел в кино. Через несколько дней Шурка что-то искал в сарае и нечаянно разбил колбу. За это время вода в ней высохла, теперь там было что-то серое и рассыпчатое. Шурка хотел это выбросить, но забыл. А потом, приюхиваясь, в сарай вошел Азот, добрался до разбитой колбы и... нализался.

Анна Павловна слушала рассеянно.

— Девочки, почему вы сидите в классе в платках? — спросила она.

Семь учениц и среди них Шуркина сестра Катя сидели закутанные, как старухи.

— Сейчас же развяжитесь!

Встала Катя.

— Анна Павловна... у нас... у нас болит голова...

— Как, у всех?!

— Да...

— Нужно вызвать врача. Это похоже на эпидемию. — Анна Павловна посмотрела на класс.

— Журавлев, я вас попрошу, сходите...

Катя побелела.

— Анна Павловна, не надо врача... Мы... Мы уже были...

— И ничего серьезного?

— Да...

— Тогда снимите платки.

Катя хотела сказать еще что-то, но в это время кто-то из ребят стянул с нее платок. Мы ахнули! Волосы ее были... изумрудного цвета!

Полетели платки и с остальной шестерки. Мы увидели: у всех девочек волосы разных цветов.

Минуту в классе было тихо, как на похоронах. Потом Шурка бросился к сестре.

— Что... что ты сделала?

Катя молчала.

Девчонки уже ревели.

— Она принесла. А мы попробовали...

Шурка схватился за голову и медленно пошел из класса...

С тех пор Шурка прочно засел в своем сарайчике. Он чувствует, что виноват. Он хочет спасти сестру и других.

...Бедняга Азот, он плохо кончил. Его разорвали соседние псы. Может, от зависти, а может, из-за того, что он нарушил собачьи законы.

Александр ГРИН

I

— Это напоминает пробуждение в темноте после адской попойки, — сказал Тенброк, — с той разницей, что память в конце концов указывает, где мы лежали после попойки.

Спангид поднял голову:

— Мы приехали?!

— Да. Но куда, интересно знать!

Тенброк сел на кровати. Спангид осматривался. Комната заинтересовала его — просторное помещение без картин и украшений, зеленого цвета, кроме простынь и подушек. На зеленом ковре стояли два ночных столика, две кровати и два кресла.

ПАРИ

Рисунки В. ЧЕРНЕЦОВА

Было почти темно, так как опущенные зеленые шторы, достигавшие ковра, затеняли свет. Утренние ли, или вечерние лучи пробивались по краям штор, трудно было сказать.

— Не отравился? — спросил Тенброк.

— Нет, как видишь. Идеальное сонное снадобье, — отозвался Спангид, все еще осматриваясь. — Который час?

— Часов нет, — угрюмо сообщил Тенброк, обшарив ночной столик. — Их унесли, как и всю нашу одежду. Таулис честно выполняет условия пари.

— В таком случае я буду звонить. — Спангид нажал кнопку настенного звонка.

Тенброк, вскочив, подбежал к окну и отвел штору. Окно было из матового стекла.

— Даже это предусмотрено! — воскликнул Тенброк, бросаясь ко второму окну, где убедился, что фирма «Мгновенное путешествие» имеет достаточный запас матовых стекол. — Слушай, Спангид, я нетерпелив и любопытен. Пари непосильно для меня. Кажется, я спрошу! Однако... пять тысяч?!

— Как хочешь, но я выдержу, — отозвался Спангид, — хотя мне так сильно хочется узнать, где я, что, если бы не возможность одним ударом преодолеть нужду, я тотчас спросил бы.

Тенброк, закусив губу, подошел к двери. Она была заперта.

— Следовательно, еще нет шести часов утра, — сказал он, с облегчением хватая свой, оставленный Таулисом портсигар и закуривая. — Вероятно, Таулис еще спит.

— Пусть спит, — отозвался Спангид. — У нас есть сигары и зеленая комната. Мы везде и нигде. Мы можем сейчас лежать в одном из прирейнских городков, на мысе Доброй Надежды, среди сосен Иоллонстон-парка или снегов Аляски. Кажется, Томсон насчитал девяносто три

пункта. Угадать невозможно. Нет материала для догадок. В шесть часов вечера, согласно условию пари, Таулис дает нам съесть по серой пилюле, и спустя какое-то вебудущее для нас время мы очнемся на восточных диванах Томсонова кабинета, куда легли после ужина. Покорно, как овцы, как последние купленные твари, мы протрем свои продажные за пять тысяч глаза, устроим наши дела. И месяца через три добрая душа Томсон, может быть, скажет нам: «Вы были на одном из самых чудесных островов Тихого океана, но предпочли счастьем смотреть... И, стало быть, выигрыш ваш. Не желаете ли повторить игру?..»

— Проклятие!.. Это так! — сказал Тенброк. — Я понимаю тебя. Тебе свалилась на плечи куча сестриц и братьев, которых надо поставить на

ноги, но зачем я?.. У меня солидное жалованье. Знаешь, Спангид, я спрошу. Тогда узнаешь и ты, где мы.

— Ты забыл, что в таком случае нас, по условию, разделят: тебя увезут, а я должен буду съесть серую пилюлю.

— Я забыл, — тихо сказал Тенброк. — Но я все равно не выдержу. Искушение слишком огромно.

— Всю жизнь буду себя презирать, однако стерплю, — вздохнул Спангид.

— Не ругайся, Спангид. Предприятие, где я служу, не так прочно, как думают. Представился случай — я уцепился. Ты же мне его и представил. Идея была твоя.

— Ну, хорошо, что там... Вот и Таулис.

Повернув ключ, вошел Таулис, агент Томсона, сопровождавший спящих путешественников на безупречных аэропланах фирмы. Одет он был так, как на «отъездном» ужине у Томсона, — в смокинг: климат страны не вошел с ним.

*Александр Грин с прирученным ястребом.
Из редких снимков.*

— В долю, в долю! — закричал Тенброк. — Две тысячи долларов на честное слово тайны! Где мы?

— Видите ли, Тенброк, — ответил Таулис, — среди моих многих скверных привычек есть одна, самая скверная: я привык служить честно. Мы — в Мадриде, в Копенгагене, Каире, Москве, Сан-Франциско и Будапеште.

Таулис вынул часы.

— Шесть часов. Пари сделано. Игра начинается. Чай, кофе или вино?

— Водка, — сказал Спангид.

— Кофе, — сказал Тенброк, — и газету!

— Ту, которую я привез из Лисса? — невинно осведомился Таулис. — Бросьте, джентльмены. Это очень детская хитрость.

II

5 сентября 1928 года фирма «Мгновенное путешествие» в лице ее директора Фабрициуса Томсона заключила оригина-

Александр Грин умер почти тридцать лет назад. Но его солнечные, увлекательные книги, наполненные уважением к человеку, остаются и сегодня любимым чтением людей всех возрастов.

В них — скромные и наивные фантазеры, могучие капитаны, путешественники и мечтатели. Эти люди бороздят моря и океаны на стремительных кораблях, живут в разноязычных гаванях и молчаливых бухтах, поют песни, громкие, как стон океана, и нежные, как слово матери. Эти люди соединили в себе простоту и глубину чувств, они хорошо знают, что такое дружба, любовь, приключение.

...В одном из писем А. Грин сообщил, что им написано более 500 произведений. Я очень заинтересовался этим фактом, так как в вышедших при жизни писателя книгах наберется едва ли немногим более 200 рассказов!

Начались поиски. Мне пришлось немало ездить, встречаться с людьми, перелистывать десятки тысяч номеров газет, тысячи журналов, альманахов, сборников.

И вот картина значительно прояснилась. Теперь уже найдено свыше 400 произведений А. Грина. Это и рассказы, и стихи, и басни, и юморески, и поэмы.

Публикуемый рассказ «Пари» является одним из найденных. Он создан писателем в 20-х годах.

Владимир САНДЛЕП

нальное пари с литератором Метлаэном Спангидом и его другом Карнауэлем Тенброком, служащим в конторе консервной фабрики.

Согласно условию, каждый из них получал пять тысяч долларов, если переправленный за несколько тысяч миль в один из географических пунктов, охваченных сферой действия «Мгновенного путешествия», проведет там двенадцать часов, с шести

утра до шести вечера; не узнав, где он находится. Доставить приятелей на место и обратно должны были в бессознательном состоянии.

Если бы естественное любопытство превозмогло, проигрыш выразался бы в следующем.

Тенброк должен поступить на службу в фирму «Мгновенное путешествие» и служить первый год без жалования. Спангид обязался написать рекламную статью о впечатлениях человека, очнувшегося «неизвестно где» и узнавшего «где», с приложением фотографий, портрета автора и снимков зданий фирмы. Эта статья должна была появиться бесплатно в самом распространенном журнале «Эпоха», что брался сделать Томсон.

Характер произведений Спангида, любившего описывать редкие психические состояния, давал уверенность, что статья вполне удовлетворит цели фирмы.

В основу деятельности фирмы Томсона было положено всем известное ощущение краткой потери памяти при пробуждении в темноте после сильного отравления алкоголем или чрезмерной усталости. Очнувшийся сначала соображает, где он находится, причем люди подвижного воображения любят задерживать такое состояние, представляя, что они находятся в каком-нибудь месте, где никогда не были или не думали быть. Эта краткая игра с самим собой в неизвестность оканчивается большей частью тем, что очнувшийся видит себя дома. Но не всегда.

Согласно расчетам Томсона и его компаньонов, клиент фирмы, само собой все изведавший, объездивший путешествиями богатый человек, которому захотелось новизны, уплатив десять тысяч долларов, принимал снотворное средство, действующее безвредно и быстро. Перед этим он нажимал кристалльный шарик аппарата, заключающего в себе номера девяносто трех пунктов земного шара, где находились заранее приготовленные помещения в гостиницах или нарочно построенных для такой цели зданиях. Выпадал номер, ничего не говорящий клиенту, но это был его выигрыш — самим себе назначенное неизвестное место. Он терял сознание. Его вез день, два, три и более мощный аэроплан, после чего человек, купивший путешествие, попадал в условия пробуждения Спангида и Тенброка.

Проходило десять минут. Тогда являлся агент, сопровождавший бесчувственного клиента, и говорил:

— Доброе утро! Вы в...

За десять минут полной работы сознания очнувшийся пассажир с законным на то правом мог представлять себя находящимся в любой части света — в городе, в деревне, пустыне, на берегах реки или моря, на острове или в лесу, потому что фирма не страдала однообразием. Клиент мог выиграть Париж и пещеру на мысе Огненной Земли, берег Танганьики и остров Южного Ледовитого океана. Конечный эффект напряженного ожидания стоил дорого, но многие испытавшие эту забаву уверяли, что нет ничего восхитительнее, как ожидание разрешения.

Отказавшись от предложения написать для фирмы статью-рекламу за деньги, Спангид охотно принял пари, будучи уверен, что устоит. Насколько противно было ему писать рекламу,

хотя полагалась сумма значительно больше пяти тысяч, настолько выигрыш подобным путем был в его характере. Он не писал больших вещей, не находя значительной темы, а мелочами зарабатывал мало. После смерти отца на его руках остались трое: девочка и два мальчика. Им надо было помочь войти в жизнь.

Идея пари увлекла Тенброка, и одним из условий Спангид поставил фирме: заключение пари одновременно с Тенброком, который должен был не разлучаться с ним до конца опыта. Они должны были разделить лишь, если один проигрывал.

Итак, начинался день. Где?..

III

— Да, где? — сказал Тенброк, когда Таулис внес кофе, водку и сэндвичи. — Кофе как кофе!

— Водка как водка! — подхватил Спангид. — И сэндвичи тоже без географии. Я не Шерлок. Я ни о чем не могу догадаться по виду посуды.

Таулис сел.

— Я охотно застрелюсь, если вы догадаетесь, где мы теперь, — сказал он. — Напрасно будете стараться узнать.

Его гладко выбритое лицо старого жокея что-то сказало Спангиду о перенесенном пути, о чувстве нахождения себя в далекой стране. Таулис знал, это передавалось нервам Спангида, всю жизнь мечтавшего о путешествиях и, наконец, совершившего путешествие, но так, что как бы не уезжал.

Нежный шум доносился из окна. Шаги, голоса. Там звучала жизнь неведомого города или села, которую нельзя было ни узнать, ни увидеть.

— Уйдите, Таулис, — сказал Спангид. — Вы богаты, я нищий. Я сам ограбил себя. Теперь, получив пять тысяч, я буду путешествовать целый год.

— Я не выдержу, — отозвался Тенброк. — Кровь закипает. Сдерживайте меня, Таулис, прошу вас. Я не человек железной решимости, как Спангид: я жаден.

— Крепитесь, — посоветовал Таулис, уходя. — Звонок под рукой. Платье, согласно условию, вы не получите до отъезда. Оно сдано... но... тому, который контролирует вас и меня.

Пленные путешественники умылись в примыкавшей к комнате уборной и снова легли. Выпив кофе, Тенброк начал курить сигару. Спангид выпил стакан водки и закрыл глаза.

«Не все ли равно? — подумал он, засыпая. — Узнать... это не по карману. Долли, Санди и Августу надо жить, а также учиться. Милые мои, я стерплю, хотя никому, как мне, не нужно такое путешествие со всеми его чудесами. Я буду думать, что я дома».

...Он проснулся.

— Дикая зеленая комната, — сказал Тенброк, сидевший на кровати с третьей сигарой в зубах.

— Где мы? — спросил Спангид. — О!

— В дикой зеленой комнате, — повторил Тенброк. — Четыре часа.

Спангид вскочил.

— Низко, низко мы поступили! — продолжал Тенброк. —

Я продал себя! Что ты чувствуешь?
— Не могу больше! — сказал Спангид, пытаясь сдержать волнение. — Я не рожден для железных касс. Я — тряпка. Каждый мой нерв грепещет. Я узнаю, узнаю. Таулис, примите жертву и отправьте ее домой.

Тенброк бросился к нему, но Спангид уже позвонил.

Вошел Таулис.

— Обед через пять минут, — сказал Таулис, и по лицу Спангида догадался о его состоянии. — Два часа — пустяки. Молчите, молчите, ради себя!

— Проиграл! Плачу! — крикнул Спангид, сгибаясь и выпрямляясь, как выпущенная дикая птица. — Одежду, дверь, мир! Томсон не богаче меня! Где я, говорите скорей!

Спангид был симпатичен. Таулис, пытаясь проверить его шуткой, сказал:

— Клянусь честью, тут нет ничего интересного! Вы жестоко раскаетесь!

— Пусть!

— А вы? — Таулис взглянул на Тенброка.

— Я никогда не отделаюсь от чувства, что я предал тебя, Спангид, — сказал Тенброк, пытаясь улыбнуться. — В самом деле... если место неинтересно.

Его замешательства Спангид почти не заметил. Таулис вышел за платьем, а Спангид, утешая Тенброка, советовал быть твердым и выдержать оставшиеся два часа ради будущего. Когда Таулис принес платье, Спангид быстро оделся.

— Прощай, Тенброк, — взволнованно сказал он. — Не сердись, я в лихорадке.

Ничего больше не слыша и не видя, он вышел за Таулисом в коридор. Впереди сиял свет балкона. В свете балкона и яркого синего неба блестели горы.

Волнение перешло в восторг. Стоя на балконе, Спангид был глазами и сердцем там, где был.

На дне гнезда из отвесных базальтовых скал нисходили к морю

белые дома чистого небольшого города. Вход в бухту представлял арку с нависшей над ней другой скалой, промытой тысячекратно волнами. Склоны гор пестрели складками гигантского цветного ковра. Там, в чаще, угадывались незабываемые места. Под аркой бухты скользили высокие паруса.

— Город Фельтон, на острове Магаскан, неподалеку от Мадагаскара, — сказал Таулис, — славится удивительной чистотой и прозрачностью воздуха, но нет здесь ни порядочной гостиницы, ни театра. Этот дом, где мы, выстроен на склоне горы фирмой Томсона. Аэроплан или пароход?

— Я остаюсь здесь, — сказал Спангид после глубокого молчания. — Я выиграл. Потому что я сам, своей рукой выгнал из аппарата этот остров и город. Мы летели... Два или три дня?

— Четыре, — ответил Таулис. — Но что будете здесь делать?

— У меня будут деньги! Я напишу книгу — целую книгу о «неизвестности разрешенной». Я выпишу моих малюток сюда. Еще немного нужды — потом книга! Бедняга Тенброк!..

— Теперь я еще более уважаю вас, — сказал Таулис. — А о Тенброке не беспокойтесь. Он был бы истинно разочарован тем, что он не в Париже, не в Вене!

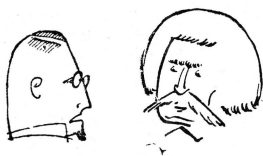

Взбредет же в голову такое...

Недавно в Филадельфии (США) можно было видеть странное зрелище. Вдоль бульвара, словно спасаясь от погони, бежали, обгоняя друг друга, люди с чемоданами в руках. Однако ничего криминального в их поведении не было.

При большом скоплении зрителей проходили состязания в беге на 100 метров носильщиков одного из отелей. Организатором состязаний был сам владелец отеля. Думал ли он проверить таким странным способом расторопность и выносливость своих служащих или хотел только развлечься — сказать трудно.

Что заставляло носильщиков стремиться к финишу — понять легче. Победителя, кроме кубка, ждало повышение жалованья.

Марк Твен пришел к врачу: «У меня болят плечи. Когда я отвожу назад правую руку, затем левую и, наконец, описываю обеими руками полукруг, подавая их вперед, я ощущаю боль».

«Но зачем же вам делать эти сумасшедшие движения? Вы же не артист!»

На миг задумавшись, Марк Твен спросил: «Скажите, пожалуйста, доктор, каким образом вы надеваете пальто, если вам при этом никто не помогает?»

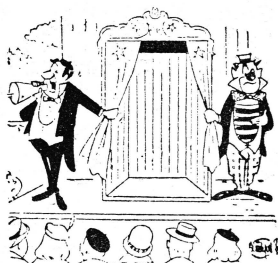

В середине века гонцы турецкого султана совершали многокилометровые путешествия... босиком. И нет ничего удивительного, что на их ступнях образовывался настолько толстый затвердевший слой кожи, что многие гонцы набивали себе подковки прямо на голую ступню.

И В ШУТКУ И ВСЕРЬЕЗ

— Да, я слышу тебя отлично.

— А сейчас перед вами
выступит единственный...
неповторимый... человек-
невидимка!!!

В ПОГОНЕ ЗА РАБОТОЙ

Что и говорить, комично выглядел на улицах Нью-Йорка Ира Шульман верхом на осле. Даже издававшие виды завсегдатаи Бродвея оценили невиданное дотле зрелище.

Но не жажда сомнительной славы заставила Шульмана выступить в роли шута. Молодой человек — безработный. Только надежда получить работу, выделившись любым путем среди многих тысяч подобных ему безработных американцев, заставила Шульмана оригинальничать.

Но не тщетны ли были его надежды? Газеты, конечно, отдали должное экстравагантной выходке, однако никто не смог написать, что Шульман получил работу.

СОДЕРЖАНИЕ

В. СЕВИН. Говорящий свет . . .	4
И. РОСОХОВАТСКИЙ. Мост . . .	13
Чудеса XX века	16
ВАН ЮАНЬ-ЦЗЯНЬ. Интернационал	20
ГОСТИСЛАВ ВАЛАЕВ. Индиго . . .	27
В. АККУРАТОВ, Спор о герое . . .	32
Опасный груз	38
Т. ГЛАДКОВ. Подвиг	44
И. КАЛИНОВСКИЙ. Скандальный случай с мистером Скоундрэлом	47
В. А. РОЗЕ. Кибернетика и транс- порт	56
Всемирный калейдоскоп	62
В. АМПИЛОВ, В. СМИРНОВ. В ма- леньком городе Лиде	66
Лицом к лицу с опасностью . . .	92
Р. ПОДОЛЬНЫЙ. Если управлять клеткой	96
Снимки рассказывают	106
ФРАНСИС КАРСАК. Робинзоны космоса	110
ИГОРЬ АКИМУШКИН. Существу- ет ли единорог?	142
В. ЛЕНЦЕВ. Алхимик	147
АЛЕКСАНДР ГРИН. Пари	150
И в шутку и всерьез	158

Асуан и Абу-Симбал

Лица двадцатиметровых великанов одухотворены, не верится, что они высечены из камня. Кажется, вот-вот великаны встанут во весь рост...

Много выдающихся памятников архитектуры воздвиг на берегах Нила народ Древнего Египта. И один из самых величественных — ансамбль пещерных храмов Абу-Симбала на западном берегу реки, у второго порога.

Высеченное в скале по велению фараона Рамзеса II больше трех тысяч лет назад, это сооружение в течение многих веков было засыпано песком. Всего каких-нибудь пятьдесят лет назад храмы Абу-Симбала стали доступны для обозрения.

Сейчас Абу-Симбал, как и многие другие древние памятники, необходимо... защитить от Нила. Дело в том, что после сооружения высотной Асуанской плотины здесь разольются воды огромного искусственного озера.

Существует несколько проектов спасения этих памятников. Отделить фрески, вырезать из стен барельефы, камень за камнем разобрать храмы и перевезти их. Или вырубить эти сооружения целиком и поднять на безопасную высоту. Или соорудить насыпную дамбу, которая уберезит храмы от напора волн.

И тогда древние каменные гиганты будут смотреть в даль молодого моря...

Редакционная коллегия: Б. А. БАЛАШОВ, И. А. ЕФРЕМОВ, А. П. КАЗАНЦЕВ, В. С. САПАРИН, Н. В. ТОМАН, В. М. ЧИЧКОВ.

Художник-оформитель А. ГУСЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ».

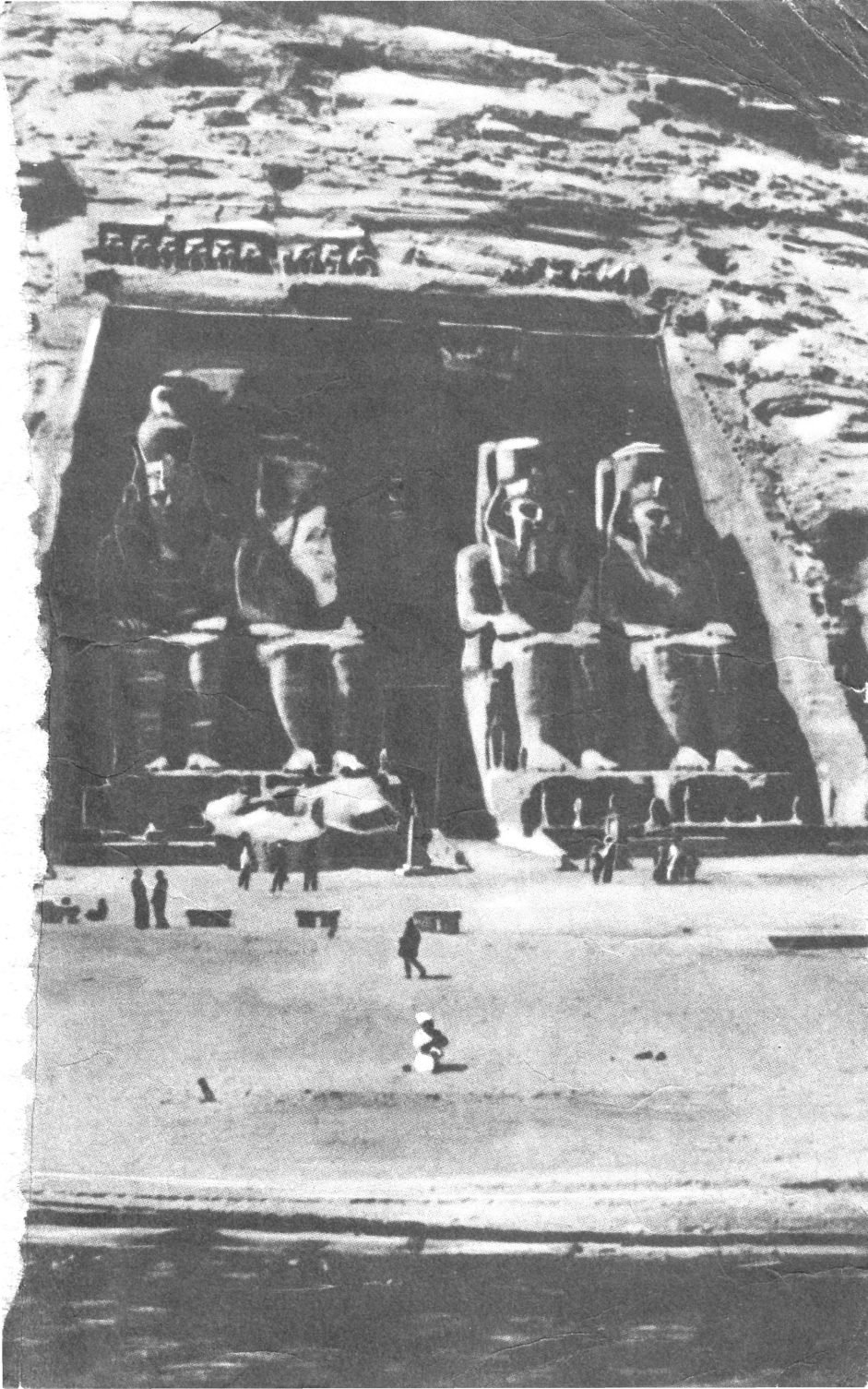
Рукописи не возвращаются. Технический редактор И. Егорова.

Адрес редакции: Москва, А-30, Сущевская, 21.

Тел. Д 1-15-00, доб. 3-38.

А1С906 Подп. к печ. 21/XI 1961 г. Бумага 84×108¹/₃₂. Печ. л. 5(8,2). Уч.-изд. л. 10,5. Тираж 100 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 1820

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия».
Москва, А-30, Сущевская, 21.

ЦЕНА 20 коп.